ISSN 0131—0097

ОГОНЁК

№ 9 ФЕВРАЛЬ 1991

ВЫЖИВЕМ?..

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Выходит с 1 апреля 1923 года
УЧРЕДИТЕЛЬ —
ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ
РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

№ 9 (3319)
23 февраля — 2 марта

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Военные хирурги полковники Е. П. Гордеев и А. Г. Мельников. (См. в номере материал «Пуля на шее».)
Фото Льва Шерстенникова

Оформление А. А. КОВАЛЕВА
при участии О. И. КОЗАК.

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ.
Цена подписки на год — 46 руб. 80 коп.,
на полгода — 23 руб. 40 коп.,
на квартал — 11 руб. 70 коп.
Цена одного номера в розницу — 1 рубль.

Сдано в набор 04.02.91. Подписано к печати 19.02.91. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 1 790 000 экз. Заказ № 125. Цена 1 рубль.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

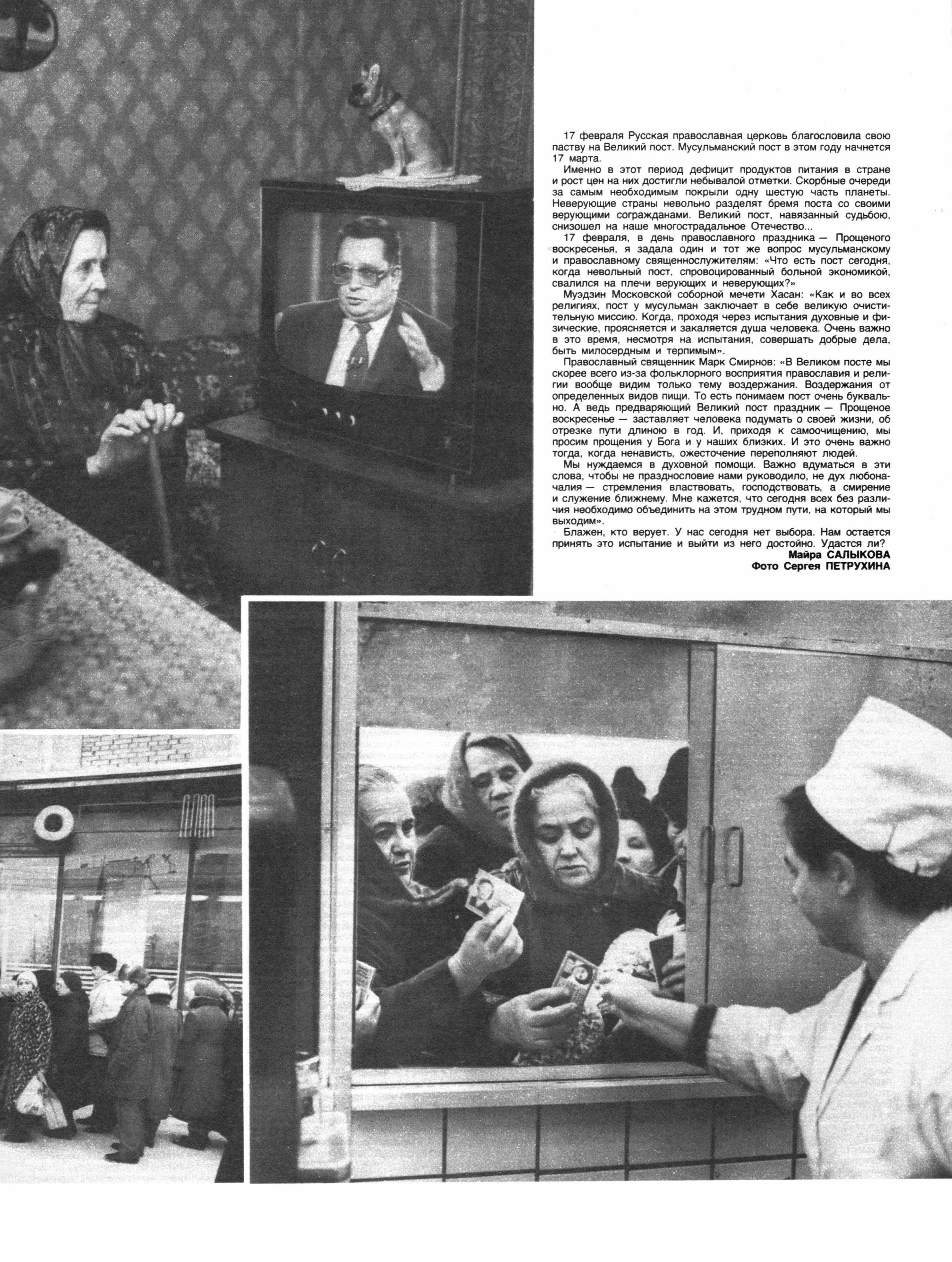
Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 251-90-55.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Издательство ЦК КПСС «Правда». Типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ВЕЛИКИЙ ПОСТ

17 февраля Русская православная церковь благословила свою паству на Великий пост. Мусульманский пост в этом году начнется 17 марта.

Именно в этот период дефицит продуктов питания в стране и рост цен на них достигли небывалой отметки. Скорбные очереди за самым необходимым покрыли одну шестую часть планеты. Неверующие страны невольно разделят бремя поста со своими верующими согражданами. Великий пост, навязанный судьбою, снизошел на наше многострадальное Отечество...

17 февраля, в день православного праздника — Прощеного воскресенья, я задала один и тот же вопрос мусульманскому и православному священнослужителям: «Что есть пост сегодня, когда невольный пост, спровоцированный больной экономикой, свалился на плечи верующих и неверующих?»

Муэдзин Московской соборной мечети Хасан: «Как и во всех религиях, пост у мусульман заключает в себе великую очистительную миссию. Когда, проходя через испытания духовные и физические, проясняется и закаляется душа человека. Очень важно в это время, несмотря на испытания, совершать добрые дела, быть милосердным и терпимым».

Православный священник Марк Смирнов: «В Великом посте мы скорее всего из-за фольклорного восприятия православия и религии вообще видим только тему воздержания. Воздержания от определенных видов пищи. То есть понимаем пост очень буквально. А ведь предваряющий Великий пост праздник — Прощеное воскресенье — заставляет человека подумать о своей жизни, об отрезке пути длиною в год. И, приходя к самоочищению, мы просим прощения у Бога и у наших близких. И это очень важно тогда, когда ненависть, ожесточение переполняют людей.

Мы нуждаемся в духовной помощи. Важно вдуматься в эти слова, чтобы не празднословие нами руководило, не дух любоначалия — стремления властвовать, господствовать, а смирение и служение ближнему. Мне кажется, что сегодня всех без различия необходимо объединить на этом трудном пути, на который мы выходим».

Блажен, кто верует. У нас сегодня нет выбора. Нам остается принять это испытание и выйти из него достойно. Удастся ли?

Майра САЛЫКОВА
Фото Сергея ПЕТРУХИНА

■

То, что темные имперские силы позволили себе попытку низвержения свободы в Прибалтике,— в этом массовая вина и нас, русских. Время Горбачева началось с призыва к покаянию. Осознали ли мы, что произошло в Прибалтике пятьдесят лет назад, как грубой силой и шантажом были порабощены свободные страны, какие страдания выпали на их долю, как унижены они были? Если бы подлинное покаяние проникло в наши сердца, никто не мог бы желать ничего другого, как уйти из этих земель и возместить причиненное зло дружелюбным, понимающим отношением.

Это особенно касается русских, живущих в Прибалтике. По какой бы причине они ни оказались там, они должны понимать, что империя всегда рассматривала этих людей как свою пятую колонну, рычаг своей власти. Достоинство свободного человека в том, чтобы не позволять делать из себя орудие сил деспотизма. Нравственным выбором является одна из альтернатив: либо вернуться в Россию, либо отождествить свои цели с целями народа, среди которого ты решил жить.

Только одно политическое решение сегодня морально приемлемо: вывод войск из Прибалтики и признание независимости прибалтийских республик. И это, кажется, сегодня понимают многие.

В. ЯНКОВ
Долгопрудный Московской обл.

■

Вооруженный грабитель «почистил» мою квартиру. Некоторое время спустя я отыскал его и предъявил свои претензии. А он мне ответил: «Вещи ваши я уже износил, остались, вот, ботинки, но в их ремонт вложены мои деньги. Кроме того, я отбирал у вас вещи, используя обстоятельства того времени — у меня был нож. Так что претензии ваши незаконны. Но, если хотите, подайте на меня в суд: нанятые мной юристы быстренько освободят вас еще от части недограбленного и вышвырнут вон».

Вы скажете: бред сумасшедшего, так не бывает. Да, пока не случилось, но я вовсе не уверен, что такого быть не может. Откроем журнал «Известия ЦК КПСС» № 10 за 1990 год. Читаем:

«Вопрос. В последнее время в дискуссии все чаще ссылаются на нормы права о бесхозном имуществе. Насколько обоснованны такие суждения?

Ответ. Остается только догадываться, что наши оппоненты намекают на то имущество, которое перешло к партии сразу после революции. В этом случае надо иметь в виду, что такое имущество за более чем 70 лет полностью амортизировалось и вложенные в него средства многократно превышают его первоначальную стоимость. Кроме того, это имущество не является бесхозным. Его правовой режим регулировался законодательством тех лет, в частности Гражданским кодексом РСФСР 1922 г., а закон, как известно, обратной силы не имеет.

Следует, видимо, напомнить, что организации и граждане, претендующие на собственность КПСС, по действующему законодательству имеют право на основе статьи 29 Гражданского процессуального кодекса РСФСР и других актов предъявлять гражданские иски в органы государственного арбитража и суд. Но по закону предварительно должна быть оплачена государственная пошлина в размере 10 проц. от суммы имущественного спора. Так что каждому заявителю придется рисковать, поскольку необоснованное требование неизбежно повлечет за собой не только отказ в иске, но и потерю этой госпошлины.

Надо, чтобы партийные комитеты хорошо владели правовой стороной дела. Учитывая, что в ближайшее время в их работе вопросы правового характера будут все более нарастать, было бы целесообразно предусмотреть в штатах аппарата высококвалифицированных юристов».

Эта замечательная (по откровенности и неприкрытости дежурной демагогией) инструкция по борьбе с народом за собственность подготовлена в Отделе партийного строительства и кадровой работы ЦК КПСС и опубликована журналом, редакционный совет которого состоит из весьма ответственных лиц...

Смогут ли дать правильную юридическую и нравственную оценку такой позиции компартии и защитить интересы народа народные депутаты, которые почти все являются коммунистами?

В. БАРСУКОВ,
инженер
Белгород

■

Хочу рассказать о конфликте, возникшем между жителями Красноярска и отцами города. В центре жилого массива Свердловского района города расположена колония строгого режима. А в пяти метрах от забора, обнесенного колючей проволокой, с часовыми на вышках,— детские площадки, гаражи, жилые дома, из окон которых видно все, что творится в зоне. Жить среди зеков уже нет мочи, вокруг зоны бродят «расконвоированные», друзья и родственники заключенных.

На неоднократные обращения жителей города только 8 марта 1990 года в печати им был дан ответ, где сказано, что вынос за черту города колонии нецелесообразен по причине договорных обязательств с рядом промышленных предприятий города и края. А начальник УИДа УВД крайисполкома С. М. Козель обнадежил, что «УВД крайисполкома вышло с предложением в крайисполком и МВД РСФСР о возможной реализации решения о переносе колонии в XIII пятилетке».

Но перенести зону необходимо немедленно — она формирует климат в районе, она, а не бравая наша общественность. Куда ее перенести? Мест много: пустует известная РЛС, освобождают военные свои площадки в тайге, и уже известно, что они просто брошены — жилье, бетонные дороги...

Отношение же отцов города и края к этой проблеме совершенно современное. Чуть ли не с Сахаровым и Марченко сравниваются насильники, грабители и шпана. Но, помимо того, что зона является катализатором для преступного элемента, неужели не понятно нашим властям, что в случае массовых беспорядков в зоне (а такие случаи уже имели место) жители домов, окружающих ее, будут заложниками — безразлично чьими: «зеков» ли, которым удастся вырваться из зоны, или охраны, которой будет не до нежностей — в зоне-то контингент «строгий».

Надеюсь, что публикация этого письма убедит наши местные власти и Министерство МВД РСФСР, что размещать зоны среди жилья — недопустимо.

В. КУЗНЕЦОВ
Красноярск

■

Рыбное хозяйство страны часто, и нередко заслуженно, критикуется в средствах массовой информации. Но справедливость требует отметить, что среди продовольственных отраслей оно чуть ли не самая благополучная отрасль. Обеспечивая населению страны 25 процентов белка животного происхождения, рыбная промышленность до последнего времени практически не пользовалась дотациями правительства, тогда как животноводство регулярно поглощало десятки миллиардов дотаций ежегодно.

В 1990 году началось сокращение централизованного финансирования научных исследований. Намечаемая же замена централизованного финансирования хозрасчетным поставит местные текущие интересы выше долговременных общечеловеческих.

Прекращение централизованного финансирования рыбохозяйственных исследований приведет к тяжелым последствиям для отрасли. Рыболовство станет нерегулируемым. Будут подорваны запасы рыб, в первую очередь ценных, уменьшится и общий вылов. Ущерб во много раз превзойдет экономию за счет сокращения или ликвидации рыбохозяйственной науки. Кроме того, будут подорваны наблюдения, выполняемые на наших морях в течение десятилетий.

У моря можно брать столько, сколько оно в состоянии восполнить в ходе естественных процессов воспроизводства. Возможности же и потребности современного общества, как правило, значительно превосходят допустимые лимиты изъятия. Промышленные предприятия не только не заинтересованы в финансировании рыбохозяйственной науки, но часто не в состоянии выделить необходимые средства, а кроме того, при выделении таких средств они неизбежно будут настаивать на определенных льготах в эксплуатации биоресурсов за счет благополучия природы.

А. АЛЕКСЕЕВ,
кандидат географических наук, заведующий секцией Ихтиологической комиссии Минрыбхоза СССР,
В. КОЧИКОВ,
кандидат географических наук, заведующий лабораторией ВНИРО,
В. РЖОНСНИЦКИЙ,
доцент ЛГУ

■

Пишу в журнал впервые, поэтому очень волнуюсь и стесняюсь, но за перо меня побудили взяться крайние обстоятельства. Так много говорят о защищенности пенсионеров, студентов и других малоимущих категорий населения, на самом деле это просто болтовня и издевательство над нами.

21 января умерла моя 88-летняя мать. Каждый пенсионер старается отложить на черный день деньги и, конечно, не пятерками — так было и с моей мамой, были деньги и у меня.

22 января вызвали агента, который должен был помочь с похоронами, а он приехал 23-го. 23 января купюры 50- и 100-рублевые были изъяты из обращения. Вот тут-то и начались мои мучения, так как расплатиться с агентом и другими похоронными службами мне было нечем.

В сберкассе, куда мне переводят пенсию, я спросила у заведующей, как мне быть, мне не на что похоронить мать, а она ответила, что ей не на что кормить ребенка. Пошла на почту, откуда приносили пенсию моей матери. Заведующая ответила, что ей все равно, что похороны, что свадьба, и, конечно, деньги мне не поменяла.

Вот я пишу: пошла в сберкассу, на почту, а на самом деле, больная, расстроенная и убитая горем, я должна была прорываться со свидетельством о смерти в руках через разъяренную очередь, состоящую из многих сотен людей.

Звонила по многим телефонам в райсобес — ответ один: ничего не знают, указаний никаких нет. Куда бы я ни обращалась, кроме черствости и грубости, я ничего не встретила. Я понимаю, что эти люди не виноваты и раздражены были так из-за того, что и сами ничего не знали. Имея в наличии деньги, я выпрашивала взаймы у знакомых и родных, которые и сами в эти смутные дни были стеснены в средствах. Занимать деньги вообще унизительно, а собирать на похороны при наличии денег унизительно вдвойне.

Выходит, наш Президент, который очень любит повторять, что обо всем надо советоваться с народом, отобрал деньги, с трудом собранные пенсионерами на похороны. Неужели нельзя было предусмотреть и такие случаи, как поступить людям, попавшим в трудную ситуацию? В результате я имею приличный долг, и все благодаря «заботе» о пенсионерах.

Очень надеюсь на публикацию письма. Может быть, кто-нибудь из людей, от которых зависит принятие таких важных решений, прочитает его и подумает в следующий раз и о простых людях.

Е. БОРТОВА,
пенсионерка
Москва

■

Прошел год со дня образования нами семейного детского дома. У нас в семье было пятеро детей, мне все-

гда хотелось заниматься только детьми и домом. Мы взяли 7 приемных детишек, какие послабее. Один — инвалид, вторая — полуинвалид, остальные с ослабленным здоровьем, социально и педагогически запущенные дети, но в своей «основе» хорошие. Надо с ними работать круглые сутки без выходных, без праздничных, без права болеть и иметь отпуск. Папа наш работает на полторы ставки врачом, а остальное время — бесплатно дома — лекарем, воспитателем, родителем! Как бы его самого не пришлось скоро лечить!

Нормы материального обеспечения воспитанников интернатных учреждений (а мы относимся к ним) заставляют руководство этих учреждений постоянно обращаться за помощью к шефам, то есть они вечно в роли просителей. В таком же положении оказались и мы. Но мы устали попрошайничать!

Живем за Полярным кругом. Первый год дети получают: школьники — 190 рублей, дошкольники — 140 да помог «благотворительный» год, благотворительность которого в любых лицах иссякла. Со второго года пособие падает до 145 и 110 рублей соответственно, а цены растут не по дням, а по часам. Правительство и Детский фонд молчат и делают вид, что все идет нормально. Какая-то нездоровая тишина вокруг этого! Детей надо хорошо кормить, хорошо одевать, вывозить летом на материк, обучать и развивать (далеко не бесплатно), и неужели это можно сделать на 110 и 145 рублей на Крайнем Севере. Нас постоянно равняют на бедноту! Мне платят за мой тяжелый труд (у меня начали отказывать руки) 35 рублей за ребенка. А я ведь его к жизни возвращаю, с миром заново знакомлю, возвращаю ему здоровье, веру в свои силы, в свои возможности.

Вся затея создания семейных детских домов напоминает мне очередной БАМ. Это опять оказался призыв к голому энтузиазму. Но сколько же можно «кататься» на человеческой порядочности? И не надо бояться, что семейные детские дома будут хорошо жить. Они должны жить хорошо! А сейчас мне страшно! Страшно остаться с двенадцатью детьми нищей и обманутой!

Л. АНТИПИНА
Кайеркан
Красноярский край

■

Наша семья очень просит через ваш журнал передать благодарность жителю земли Шлезвиг-Гольштейн в ФРГ Willi Scheuncrass (правильно ли мы разобрали его имя?) за посылку. Он устроил нашей нищей семье (моя пенсия и пенсия сына, инвалида I группы,— 190 рублей в месяц) настоящее Рождество Христово. С какой любовью, аккуратностью все было уложено! Очень тронуты.

Пожалуйста, помогите передать нашу искреннюю благодарность всем тем, кто нам помогает. Чтобы они знали, что их помощь иногда доходит до настоящих нищих и обездоленных.

И еще спасибо нашей «родной партии», профсоюзу, горсовету за то, что они позволили все это им для нас сделать. Если бы мы когда-либо за десятилетия нашей преданной работы имели что-либо похожее от нашего государства, нам бы сейчас не было так горько!

Семья ХОЛИНЫХ
Ленинград

■

Дочь моей жены от первого брака выслала из Нью-Йорка матери подарок ко дню рождения. А теперь она позвонила и извинилась, что подарка не будет. Причина: в пакете с платьем была коробочка с таблетками от радиации. Посылка возвращена из Москвы. В отказе говорится: лекарства к пересылке в СССР запрещены.

Вроде бы все правильно — закон есть закон. И всякие попытки его нарушения должны пресекаться. Но вдумайтесь! Речь ведь идет не о лекарстве от расстройства желудка, которого, впрочем, у нас тоже нет. Речь идет о лекарстве «от радиации», посланном в Белоруссию, 70 процентов территории которой поражено чернобыльским выбросом, половина из которого, в свою очередь, пришлась на Гомельщину.

Весь мир оказывает помощь пострадавшим от чернобыльской аварии и тем, кто становится ее жертвами уже в наши дни вследствие ползучего распространения радионуклидов. Говорю об этом, потому что зверь, вырвавшийся из реактора 26 апреля 1986 года, находит себе все новые и новые жертвы — через воздух и пыль, воду и пищу. Подтверждение этому — решение о выплате гомельчанам (в числе других) с 1.08.90 г., то есть через 4 года и 4 месяца после аварии, 15-рублевой «компенсации» как проживающим в загрязненной радионуклидами местности. Ведь зоны жесткого поражения до сих пор не обеззаражены, природный круговорот воды и ветры делают свое злое дело, а продукты питания продолжают выращиваться там, где это категорически недопустимо. Надо спасать людей не только в тех зонах, которые требуют отселения, но и в остальной части Гомельщины, республики, Союза, пораженных «разрешенной» свыше дозой радиации.

Ну как можно было оттолкнуть руку помощи, пусть даже протянутую не из глобального человеколюбия, а в силу родственных чувств? Ведь, помогая отдельно каждому, можно спасти всех вместе!

Не отвергать надо, а взывать на весь мир: Люди! Товарищи! Граждане! Господа!..— как там еще? Помогите тому, для кого Чернобыль — неотъемлемая часть его бытия! Помогите родным и близким! Помогите друзьям и знакомым! Помогите...

Ведь сами себе мы практически помочь не можем.

А власти предержащие должны сделать так, чтобы эта помощь достигала цели независимо от того, какими каналами и от кого она поступает.

А. ГОНЧАРОВ,
инженер
Гомель

САРКОФАГ ПОД МОСКВОЙ

«Щербинка» — так называется полигон твердых бытовых отходов, который находится в Домодедовском районе Подмосковья, то есть в зеленой зоне Москвы. Расположен он на берегу реки Пахры и занимает площадь около 50 гектаров. Подумаешь, свалка! Сколько их вокруг Москвы и вообще по стране! Но «Щербинка» — уникальное явление. На этом полигоне было разрешено захоронение промышленных отходов Подольского химико-металлургического завода на специально отведенном участке, за которым закрепилось название «спецполигон». Его площадь около двух гектаров в бывшем песчаном карьере, о глубине карьера достоверных данных нет.

В течение тридцати лет на спецполигон вывозились твердые и жидкие отходы от переработки редкоземельных руд с целью получения церия и ниобия, которые в качестве примесей могут содержать заметные количества тория и урана. Они в составе отходов должны были перейти на полигон «Щербинка». Но до сих пор Подольский химико-металлургический завод и другие предприятия не дают официальных данных о том, сколько, когда и чего внесли они в «Щербинку». Называются разные цифры количества тория на спецполигоне — от нескольких тонн до нескольких сотен тонн. Нет также данных о том, как было подготовлено место захоронения радиоактивных отходов и как производилось само захоронение.

Сейчас ведутся поиски оптимального решения по рекультивации свалки. Этим занимается бюро научного совета АН СССР по проблемам биосферы под председательством академика А. Л. Яншина. На октябрьском заседании бюро часто произносилось слово «саркофаг». Но ведь «Щербинка» далеко не Чернобыль! Но очень уж похожими методами действуют и там, и тут. Истинные масштабы случившегося и могущего случиться скрываются. Налицо стремление побыстрее укрыть саркофагом источник радиоактивности.

Вердикт вынесен: похороны состоятся. Когда? В обозримом будущем. Точнее, через несколько лет. Но сколько за это время воды утечет? Причем воды-то радиоактивной! Сколько урожаев соберут с той части поймы реки Пахры, что прилегает к полигону и где до сего дня ведутся сельскохозяйственные работы? А ведь ученые и проектировщики настаивают на рекультивации ни много ни мало 150 гектаров! Которые сегодня включены в севооборот и активно используются. Сколько ведер воды вычерпают из колодца в деревне Щербинки живущие там старушки? Они берут воду для питья прямо из артскважины у полигона...

Л. ШИЛИНА

Домодедово
Московской обл.

Фото В. ГРАЧЕВА

Звиад ГАМСАХУРДИА:
«МЫ НЕ ПОЙДЕМ ПУТЕМ БЕЗБОЖИЯ, РАЗБОЯ И ТЕРРОРА»

С Председателем Верховного Совета Республики Грузия Звиадом ГАМСАХУРДИА беседует собственный корреспондент «Огонька» Геворк МАРТИРОСЯН.

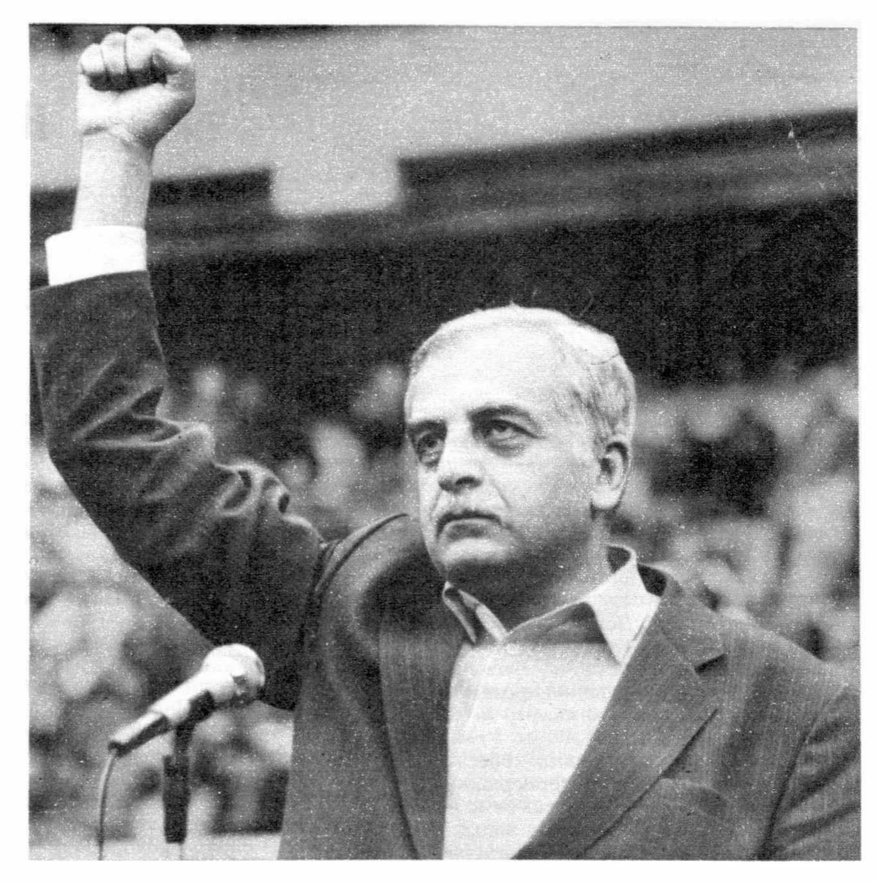

Фото Малхаза ДАТИКАШВИЛИ

Сейчас, когда в процессе перестройки мы обогатились некоторым опытом, включая парламентский, стало ясно, сколь многого мы еще не умеем. Не умеем и выслушивать собеседника, не перебивая и вдумываясь в его позиции. Нас этому не учили. А многие до сих пор не желают такому учиться, лелея выкристаллизовавшееся умение не переубедить, а перекричать оппонента.

В Грузии умение спора почиталось всегда. При всей взрывчатости национального темперамента культура спора, умение уважать собеседника культивировались издавна, оберегались традицией, авторитетом великих и всезнающих стариков. Одним из таких общепризнанных мудрецов, которые хранили и творили народный дух, был большой писатель Константин Гамсахурдиа. Многие бывали в его гостеприимном тбилисском доме, где строго блюлись традиции, где в удивительном дворике со сванской башней — в самом центре Тбилиси — полудикая коза паслась среди ухоженных деревьев плодоносящего сада. Сегодня бронзовый классик Константин Гамсахурдиа глядит с невысокого постамента на встревоженно живущий Тбилиси, где одним из главных действующих лиц стал Председатель Верховного Совета Республики Грузия, сын его Звиад.

Давайте послушаем грузинского Председателя. Знаем, что вы не во всем с ним согласитесь. И мы в «Огоньке» не все с ним согласны. И в грузинском многонациональном обществе он не единогласно приемлем. Но слушать избранного народом руководителя надлежит с уважением. Выслушивали же мы, простите, Алксниса с Петрушенко, чья директивная безапелляционность и защищена иначе, и совершенно другого свойства.

Гамсахурдиа — личность, и мы рады будем продолжению разговора с ним на уровне ответственности за народную судьбу; другие уровни невозможны сегодня. Он и сам не скрывает, сколь велики проблемы его республики: от Сухуми до Цхинвали через Тбилиси — всех не перечислить, и никто не утверждает, что Гамсахурдиа нашел решение тревожному этому многообразию. Но он ищет.

Он начинает в ответственное и очень трудное время, нуждаясь во внимании и поддержке. Даже при всей своей — во многих случаях — безапелляционности, которая, хочется верить, еще смягчится от чужой и собственной боли. Давайте выслушаем его и вспомним, что надо обмениваться мнениями, что умение дискуссии необходимо для страны, вознамерившейся построить демократическое общество. Давайте бояться тех «наших», что правы в основном тогда, когда у них огнестрельные аргументы.

Предлагая вам это интервью, мы продолжаем серию бесед с политическими лидерами обновляющегося времени, пробуждающихся народов задумавшейся страны.

ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА

Родился в 1939 году в семье классика грузинской литературы Константина Гамсахурдиа. Окончил факультет западноевропейских языков и литературы Тбилисского государственного университета.

Звиад Гамсахурдиа — поэт, прозаик, переводчик, литературовед, автор многочисленных монографий и научных трудов, литературных переводов американских, английских и французских писателей. До своего избрания на пост главы парламента работал старшим научным сотрудником Института грузинской литературы имени Шота Руставели, кандидат филологических наук.

В возрасте 17 лет за свою общественно-политическую деятельность был репрессирован. Несмотря на это, продолжал интенсивную политическую деятельность, был редактором самиздатовских газет и журналов. Обвинялся в антисоветской деятельности. Осужден. Наказание отбывал в тюрьмах Москвы, Тбилиси, ссылку — в Прикаспии.

Основатель и председатель Хельсинкского союза Грузии. В 1989 году после трагической гибели соратника и близкого друга Мераба Коставы Гамсахурдиа был избран председателем Общества Святого Илии Праведного.

Женат. Имеет трех сыновей. Старший, Константин, востоковед, активно участвует в политической жизни республики. Два других сына — школьники. Жена, Манана Арчвадзе,— врач.

Выборы в парламент Грузии, впервые за годы Советской власти проведенные на многопартийной основе, завершились не так давно, и республика еще не успела остыть от жарких дискуссий. Конечно, кого-то результаты выборов ввергли в уныние, для кого-то они стали откровением... Но для многих означали победу. Победу, окрашенную в светлые тона надежды.

Убедительный успех политического блока «Круглый стол — Свободная Грузия», завоевавшего почти две трети мандатов парламента — 155 мест из 250, накладывает на его представителей огромную ответственность за демократическое будущее Грузии.

Председателем Верховного Совета Грузии избран лидер блока «Круглый стол — Свободная Грузия» Звиад Гамсахурдиа. В первой его речи перед новым парламентом были такие слова:

«Пусть знают все, что мы боролись и боремся за возрождение религиозных и национальных идеалов наших предков, ибо Всевышний возложил на Грузию великую миссию. Мы боремся с вечной ночью безбожия и несправедливости, нашему праведному делу покровительствует Всевышний, поэтому мы и победили. Грузинский народ не пойдет путем безбожия, разбоя и террора. Путь грузинского народа — это путь милосердия, путь мужества, путь любви, путь Христа отныне и присно и во веки веков...

С нами Бог! Аминь!»

Возвышенные слова! Благородные цели! И, конечно, народ Грузии достоин их.

Но насколько труден будет путь к «возрождению религиозных и национальных идеалов»? Как новая власть выйдет из кризиса политического, экономического, нравственного?.. Из чего будет мостить дорогу к новому храму? Как удастся ей собрать в крепкий кулак национального согласия разномнения оппозиционных партий?

Вопросы, вопросы, вопросы. Они волнуют сегодня не только граждан этой республики, но и не-

посредственно соседей — Армению и Азербайджан, народы всей страны.

Звиад Гамсахурдиа совсем недавно возглавил грузинский парламент, однако моим коллегам из центральных изданий уже хорошо знакомо его упрямое «нет» на предложения дать интервью. В данном случае батоно Звиад сказал «да» и пояснил, что «Огоньку» отказать он не может, равно как и армянскому журналисту. Но при этом тактично добавил, что ему пока еще не везло на объективное изложение прессой его политических взглядов...

* * *

— Звиад Константинович, грузинский парламент просто удивляет своей работоспособностью: за считанные дни были утверждены составы постоянных комиссий ВС и нового Кабинета министров. Приняты дополнительные изменения в Конституцию республики. Есть они и в уголовном кодексе, отменяющие, в частности, ответственность за уклонение от службы в рядах Советской Армии.

У Грузии теперь новое название — Республика Грузия, новый герб, новый государственный флаг, новый гимн... Даже прежние официальные праздники вы успели отменить, взамен восстановив традиционные — христианские. Вместе с тем вы прервали парад суверенитетов республик — Грузия до сих пор не провозгласила декларацию независимости. Почему? Может, документ еще готовится? Или у вас имеются другие соображения?

— Конечно, другие соображения. Мы не хотим иметь независимость только на бумаге, мы хотим иметь ее фактически. Кроме того, мы не желаем совершать юридическую тавтологию, потому что наша независимость была провозглашена многие годы назад — 26 мая 1918 года.

В 1921 году произошла насильственная советизация Грузии, однако в условиях жесточайшей коммунистической диктатуры ее правительство не расписалось в капитуляции. Республика была физически аннексирована, но юридически она по сей день сохранила свою независимость, которая представляет собой конституционную основу суверенного государства.

Наш парламент принял закон о переходном периоде, во время которого в Грузии будут совершены необходимые реформы на пути к фактическому государственному суверенитету. В этот период мы намерены заложить фундамент экономической самостоятельности, сформировать новые политические структуры, принять важнейшие законы: о гражданстве независимой Грузии, земле, приватизации. Мы намерены провести департизацию правоохранительных органов, создать национальную армию, милицию и т. д. Именно таким я вижу путь Грузии к подлинной независимости.

— Как долго продлится переходный период?

— Нам хотелось бы, конечно, претворить намеченное в максимально короткий срок. Но многое будет зависеть от внешних факторов, политики центра, позиции западных стран, стабильности в СССР. И, конечно, от стабилизации ситуации в самой Грузии, дееспособности нового парламента... Но медлить мы не будем.

— Сохранится ли в переходный период верховенство Основного закона СССР?

— Нет. Мы фактически уже приостановили действие союзной Конституции на территории Грузии. Во время переходного периода произойдет ее полная замена национальной конституцией, в которой будет определен правовой механизм полного восстановления независимой государственности Грузии.

— А что же сегодня больше всего тревожит вас как главу грузинского парламента?

— У нас произошла мирная демократическая революция. Бескровная смена власти. Фактически изменился строй, изменились кадры. Однако только со стороны кажется, что все у нас проходит гладко. Увы, это далеко не так.

Дает знать о себе противостояние деструктивных сил, которые я бы назвал политической мафией. Компартия — одна из личин этой мафии. Мы даже партией ее не считаем, а агентурой чужого государства на нашей земле. Просто у нас есть индивидуальные представители КПСС в парламенте, и мы вынуждены терпеть это, потому что невозможно по-другому — надо исключить антидемократические проявления. Да, мы должны быть терпимы, но признавать эту партию мы не собираемся, и наша цель — упразднить ее.

— Но согласитесь, что роль коммунистов, особенно в сельских районах, еще велика?

— Они уже политические трупы. Районы республики поддерживают новую, демократическую власть, подчиняются нам. Со временем мы окончательно закрепим победу национального движения по всей Грузии. Помогут нам в этом муниципальные выборы на многопартийной основе и, конечно, решительная борьба с анархией и преступностью, охватившими республику. Разгул преступности, беззакония на руку врагам новой власти, это их козырь...

— Весьма категоричный ответ. Позволю себе уточнить: ваше отношение к компартии распространяется в одинаковой степени как на рядовых ее членов, так и на руководителей?

— Ну, рядовые коммунисты — это обманутые люди, часть из которых вступила в КПСС из нужды. Я имел в виду партийных функционеров, которые и сегодня продолжают свою преступную деятельность.

— Но позвольте: последний съезд Компартии Грузии принял ряд радикальных решений, которые должны быть близки демократическому обществу?

— Не согласен, потому что на деле все по-другому. Принятые съездом решения — всего лишь декларации, я бы сказал, маскировка истинных намерений. Партаппарат компартии все еще не расстался с мыслью о реставрации прежних порядков.

— Вы будете сотрудничать с компартией?

— Ну, видите ли, если КПСС мы не признаем, то и сотрудничать с ней не собираемся.

— И все же лучший путь построения демократического общества — это путь национального согласия.

— У меня нет оснований оспаривать эту мысль. Но до национального согласия в Грузии еще далеко. Я говорил уже о коммунистической мафии, противостоящей нам. Но есть еще так называемый Национальный конгресс — замаскированная часть коммунистической мафии. Он выступает под видом внепарламентской оппозиции. И в то же время Национальный конгресс имеет бандитские незаконные вооруженные формирования. Что же получается: если не проходят идеи конгресса, непопулярные в народе, тогда должны заговорить автоматы? Ничего не скажешь, весомый довод!

— В здании Верховного Совета мне встретились вооруженные автоматами молодые люди. Неужели глава грузинского парламента и Верховный Совет нуждаются в такой охране?

— Конечно. В Грузии сегодня действует большое количество враждебных парламенту вооруженных групп. От них можно ожидать любой провокации.

— И какие контрмеры вы принимаете?

— Пока что предлагаем им добровольно сдать незаконно хранимое оружие, расформировать все вооруженные группы и вернуться к честному труду. Эти группы ведь в основном состоят из уголовников, а также людей, полностью попавших под их влияние. А это еще опаснее, понимаете? На словах они стоят за демократию, за преобразование Грузии, а на деле грабят, терроризируют население. Вот таким бандам покровительствует так называемый Национальный конгресс. Все это вызывает очень большие потрясения в Грузии, мешает нашей политике. Мешает проводить в жизнь новые законопроекты Верховного Совета. Мешает стабилизации обстановки в Грузии и развитию процесса национального освобождения.

* * *

Наверное, Грузия занимает первое место по количеству общественных организаций и действующих партий — свыше 120! Немудрено затеряться в этом густом лесу различных политических взглядов, концепций, касающихся прошлого, настоящего и будущего Грузии. Но для нас в данном случае представляют интерес те партии, которые входят в блок «Круглый стол — Свободная Грузия». Он и Национальный конгресс и противостоят друг другу. К сожалению, партийная борьба порой переступает грани дозволенного: в прессе, в публичных выступлениях звучат совсем непарламентские высказывания, политические противники обвиняют друг друга во всех смертных грехах. Конфронтация порой накаляется до предела...

Прошедшие выборы не принесли ожидаемой разрядки. Более того, отношения между ВС и конгрессом настолько обострились, что дело могло обернуться прямым столкновением между сторонниками этих блоков.

Католикос Всея Грузии Илия II в дни выборов заявил, что отныне каждого братоубийцу, несмотря на вину убитого, церковь объявляет врагом грузинского народа...

В чем же не сошлись политические оппоненты?

«Круглый стол» обвиняет своих противников в фальсификации выборов в Национальный конгресс. Утверждает, что в них не принимало участия и 2 процента населения республики, а посему, подчеркивает Гамсахурдиа, «самозваный конгресс не представляет никакой политической силы».

«Круглый стол» объединяет около 10 партий, в том числе Общество Святого Илии Праведного, массовую политическую организацию с широко разветвленной структурой по всей Грузии, председателем которой является Звиад Гамсахурдиа.

В Национальный конгресс входит около четырех десятков партий. Ее лидеры Ираклий Церетели и Георгий Чантурия представляют соответственно Партию национальной независимости Грузии и Национально-демократическую партию.

Ясно, что политический климат республики во многом будет зависеть от противостояния правящего блока и Национального конгресса, от мудрости Гамсахурдиа и его оппонентов Чантурия и Церетели. От политической дальновидности их сподвижников.

Демократические преобразования, свидетелями которых мы являемся, чреваты острой конфронтацией политических противников и, увы, пролитой кровью. Но, право же, сегодня хочется слышать не о «врагах народа», а о шагах по сближению взглядов, о согласии и сотрудничестве. Говорю об этом еще и потому, что в дни пребывания в Тбилиси я услышал о первой, правда, пока неофициальной встрече представителей Верховного Совета и Национального конгресса.

Внушает оптимизм и недавнее заявление Гамсахурдиа: «Мы готовы сотрудничать с любой силой, которая будет делать хоть какое-то благое дело для Грузии, и приветствуем каждую инициативу, которая полезна для Грузии, служит ее интересам, независимо от того, кому она принадлежит».

Может, лед тронулся и возможен консенсус?

* * *

— Звиад Константинович, спрашивая вас о сегодняшних трудностях Грузии, я, признаюсь, ожидал услышать в первую очередь о проблеме национальных меньшинств.

— Я бы сказал, что это не такая уж существенная проблема, потому что это надуманная проблема. О ней больше всего шумит центр, чтобы вызвать здесь межнациональные конфликты.

В то же время я не сбрасываю со счетов трудности в этом вопросе. Грузия — многонациональное государство, и проходящие демократические перемены, естественно, воспринимаются неодинаково.

К примеру, сейчас все говорят о конфликте в так называемой Юго-Осетинской автономной области. Это незаконное территориальное образование было создано большевиками на исконно грузинской земле в 1922 году. За годы Советской власти здесь утвердилась этнократия негрузинского населения. Получилось, что грузины на своей земле стали национальным меньшинством. Их права ущемляются, они терпят дискриминацию и притеснение, которые можно сравнить даже с апартеидом. И все это происходит не где-нибудь, а в самой Грузии, понимаете?

Дальше — больше. В области были проведены антиконституционные выборы, объявлена Юго-Осетинская советская республика. Каким же будет следующий шаг? Выход из Грузии?

Все это настолько противоречит законам нашей республики, да и Конституции СССР, что говорить об этом всерьез нельзя. Однако нельзя в то же время закрывать глаза на опасность, которую таят в себе шаги сепаратистов из южноосетинского общества «Адамон Ныхас». Они сознательно сеют межнациональную рознь, выступают с подстрекательскими призывами, ведут дело к прямому столкновению осетин с коренным грузинским населением...

* * *

В конце прошлого года в Южной Осетии — в городе Цхинвали и Джавском районе — было введено чрезвычайное положение. Вспыхнувший межнациональный конфликт развел по разные стороны баррикад грузин и осетин. По сей день гремят выстрелы. Льется кровь. Гибнут люди. Бес-

Окончание на стр. 30.

ПОМОЧЬ ВЫЖИТЬ

Странный все-таки у нас Союз писателей: в то время как одни борются за власть, используя для этой цели все доступные и недоступные методы (смотрите материалы съезда СП РСФСР), другие, от имени которых, кстати, глаголили лидеры на упомянутом съезде, в это же время озабочены такими проблемами, как поиски и доставание хлеба насущного для своего стола.

Этих, вторых, кстати, много больше, и они составляют основную часть да и основную ценность упомянутого Союза писателей. Спрашивается, кого будут представлять нынешние борцы из эрэсэфэсэровского союза, если названные писатели не смогут перенести блокадную зиму и перемрут, а это вполне возможно, ибо, как все настоящие, они малопрактичны и не умеют расталкивать локтями себе подобных.

Они не участвуют в подобных собраниях и перепалках, а стоят с утра пораньше за молоком, чтобы накормить детей и внуков, изыскивая из своих скромных гонораров, которые при помощи налоговой системы товарища Павлова так тощи, средства для существования. А средний заработок писателя,— может, товарищи, что правят нами, об этом не слышали,— на уровне ста рублей в месяц, что является крайней бедностью, как утверждают наши экономисты.

Случилось недавно: из прошлогоднего журнала, который я взял с полки, выпало нераспечатанное письмо от вдовы писателя, которая просила помочь ей материально. Вдвоем с сестрой эта вдова существует на пенсию 70 рублей. Но самое тяжкое в этом письме то, что написано оно было более года назад и вдова эта уже умерла. Это безответное письмо не дает мне сегодня спать.

И правда, кто сегодня поможет этим людям — вдовам, инвалидам, бывшим репрессированным, да и просто многодетным писателям, до которых никогда и никому в нашей стране дела в общем-то не было? И пресловутый Союз писателей выше этих проблем, иначе ему бы «караул» кричать да картошку добывать в подмосковных колхозах, а не судиться со свободными (освободившимися) изданиями, чем он и занят, и все для того, чтобы продлить свое чиновное (а не писателей) существование.

Именно поэтому, наверное, наш «Апрель» берет дело спасения писателей в свои собственные руки. Мы готовы принять помощь от всех редакций, от журналов и издательств, от церкви, от кооператоров — в общем, от всех, кто способен понять трагичность затронутой мной проблемы. Мы готовы в короткий срок передать средства писателям самым нуждающимся, а их много, сотни и сотни.

Более того, мы надеемся, что, связавшись с другими творческими союзами, можно будет создать фонд спасения творческой интеллигенции — после семидесяти с лишним лет хозяйствования большевиков ее осталось и так не густо. И все уходят и уходят...

Или уезжают.

Так кто же останется, если мы сегодня, сейчас сами себе не поможем?

А. ПРИСТАВКИН

Привожу текст обращения, подписанный Советом «Апреля».

Дорогие друзья!

В трудные дни обращается к вам Совет «Апреля». Деньги обесценены и неплатежеспособны. Коммерциализация культуры для большинства писателей обращается материальным разорением, лишая их издательских и журнальных источников дохода, обрекая многие писательские семьи на существование за гранью прожиточного минимума. Особенно тягостна судьба одиноких престарелых писателей, чье пенсионное обеспечение в условиях нынешней дороговизны оказалось нищенским...

Литературный фонд СССР свои прямые задачи по защите социальных прав и материальному обеспечению писателей выполняет плохо. Десятилетиями культивируемая неподотчетность Литературного фонда писателям вывела его из-под мало-мальски действенного контроля, и это не дает нам оснований связать с ним надежды на быстрые перемены к лучшему.

Короче говоря, в настоящее время единственно надежным каналом поддержки писателя, помощи ему становится благотворительность общественных движений и фондов, организаций и отдельных лиц. И ассоциация «Апрель», следуя гуманистическим традициям русских писателей и верная своим принципам, выступает с инициативой создания фонда материальной помощи, основу которого составят как наличные средства «Апреля», так и добровольные взносы фондов и писателей — членов «Апреля», чье материальное положение позволяет им включиться в благотворительную деятельность. Речь идет о поддержке писателей как старых, так и молодых, одиноких и многодетных, независимо от того, к каким объединениям и группам они принадлежат по своим творческим устремлениям. Наша инициатива поддержана фондом «Милосердие», комитетом «Гражданское содействие» и некоторыми другими организациями.

«Апрель» обращается за содействием к редакциям газет и журналов, издательствам, общественным движениям и фондам, к гражданам нашего отечества и за рубежом. Средства, которые поступят в фонд «Апреля», мы обязуемся распределить незамедлительно с обязательным отчетом в печати.

Наш счет в банке: 608480, Краснопресненское отделение МГУ ЖСБ СССР. В почтовом переводе надо указать, что это взнос «Апрелю» на благотворительные цели.

Валютный счет: 57384010/002 во Внешэкономбанке СССР. В переводе обязательно надо указать, что деньги высланы «Апрелю» на благотворительные цели.

В том и другом случае просим уведомить о переводе открыткой по адресу: 125319, Москва, ул. Усиевича, дом 8, кв. 22.

КАК ЛЕЧИТЬ ЗДРАВООХРАНЕНИЕ?

ПРОШУ СЛОВА!

Гласность высветила многие негативные явления нашего здравоохранения. Однако время идет, а ощутимых изменений нет. Все те же очереди в поликлиниках, нищета в больницах, нехватка медикаментов, грубость и бездушие, дефицит милосердия. Что же делать?

Обычно в ответ на этот вопрос говорят о том, что прежде всего нужны деньги. Да, они всем нужны, не только здравоохранению. Но есть и такие рецепты для его лечения, какие не требуют новых расходов. В этом я убедился, когда обошел несколько столичных поликлиник и больниц, встречался с медицинскими работниками, разговаривал с пациентами. Расскажу о встрече с главным врачом Московской клинической больницы № 24 доктором медицинских наук В. Б. Александровым. На мой вопрос о том, как изменилась жизнь возглавляемого им коллектива в годы перестройки, Владимир Борисович грустно улыбнулся.

— Вот «Положение» о новом хозяйственном механизме в здравоохранении. Есть разумные деловые предложения, но воплотить их в жизнь трудно. Один из пунктов «Положения» предусматривает «...сочетание бюджетного финансирования учреждений здравоохранения с развитием платных услуг населению, выполнением работ по договорам с предприятиями, организациями и учреждениями на хозрасчетной основе». Во что это выливается, можно судить по конкретному примеру.

Нами был подготовлен договор с Московским авиационным институтом о проведении диспансеризации сотрудников. Больница наша оснащена современным оборудованием и имеет квалифицированные медицинские кадры. В данном случае налицо взаимная заинтересованность. Но оказалось, что воплотить в жизнь договор нельзя — ведь оплата должна производиться только за счет фонда заработной платы института. А это ему, естественно, невыгодно. В итоге институт заключил договор с кооперативом, для которого пункт «за счет своих фондов заработной платы» не действует и деньги могут быть выделены из другой статьи. Вот и получается, что госбюджетные медицинские учреждения поставлены в неравные условия с кооперативами. Почему?

О чем говорит эта типичная история? О том, что можно заметно улучшить работу медицинских учреждений, если дать им больше самостоятельности. Коллективам нужно доверять.

— Мы, например, подсчитали, — продолжал Александров, — что могли бы лечить больше больных, несколько сократив количество коек, но оставив неизменным штатное расписание. В этом случае каждому пациенту будет отдано больше сил и внимания, что, естественно, скажется на результатах и сроках лечения. К тому же значительно уменьшится дефицит медицинских сестер и врачей.

В том же «Положении» говорится, что медицинская помощь должна быть бесплатной, гарантированной и доступной всем слоям населения. В нашей стране миллионы человек живут за чертой бедности, это в основном люди преклонного возраста, часто болеющие, платная медицина им не по карману. Те, кто живет в относительном благополучии, на платное здравоохранение могут выделить часть своего бюджета, но и она будет весьма ощутима для них в эпоху экономического кризиса и роста цен. Как же быть? Похоже, что и здесь возможен выход из неразрешимой, казалось бы, ситуации — введение медицинского страхования.

Да, на нужды здравоохранения, повторяем, требуются деньги, и немалые. Но где их взять, чтобы не трясти в очередной раз государственную казну? Самый реальный путь — это оплата лечения трудящихся предприятиями, организациями и учреждениями через профсоюзы. Многие предприятия уже сегодня могли бы выделить на эти цели определенные денежные суммы. Необходимо сделать все возможное, чтобы оплата лечения была гарантирована, но не из кармана конкретного больного человека. А вопрос об оплате лечения пенсионеров и инвалидов должен, наверное, находиться в ведении отделов социального обеспечения. Кроме госбюджета, касса этих учреждений должна пополняться за счет предприятий и организаций, на которых раньше работали нынешние пенсионеры. Если человек длительно и хорошо работал на своем предприятии, то оно обязано помогать ему после ухода на заслуженный отдых.

Улучшению нашего здравоохранения послужит и увеличение числа ведомственных медицинских учреждений высокого класса, финансируемых большими рабочими коллективами, соответствующими министерствами и ведомствами. Чем больше людей будет обслуживаться ведомственными медицинскими учреждениями, тем больше денег будет сэкономлено для госбюджетного здравоохранения. К тому же сегодня многие коллективы могли бы взять в аренду отделения, а то и больницы.

И еще проблема вполне очевидная. Немаловажное место в деятельности здравоохранения занимает управленческий аппарат. Разумеется, что без него обойтись невозможно. Но число его работников неоправданно велико. Этот аппарат должен содержаться не за счет госбюджета, а на средства, заработанные учреждениями здравоохранения. Лишних и бездельников содержать не будут. Работники же аппарата станут выразителями интересов тех, кто их субсидирует, то есть непосредственных участников лечебного процесса.

Пора не только на словах, но и на деле лечить хронические болезни нашего здравоохранения.

И. БАРАХ,
кандидат медицинских наук

ЗАТМЕНИЕ

Владимир ЧЕРНОВ

Фото на вкладке Ясайтиса КЯСТУТИСА и Марка ШТЕЙНБОКА

И настала седьмая ночь. В закутке, где весь день паслась разноязыкая журналистская тусовка, стало наконец слышно друг друга, дневной ор осел к полу, как туман, те, кто еще не разбрелся, развалились в креслах между двух телевизоров, неутомимо сообщавших по-английски и по-литовски об Ираке и Прибалтике; вяло курили, спали, что-то жевали, перебрасывались листами с вечерней информацией. Мы спускались по парадной парламентской лестнице, оставляя в уходящих от нее коридорах и нишах этих длинных худых мальчиков с их железными палками, которые они успели обтянуть полихлорвиниловой лентой, они сидели, лежали в своих углах, под окнами, за стеночками из мешков с песком. На первом этаже они устраивались уже на ночлег, сдвинув вместе мягкие дорогие парламентские кресла, кинув на пол возле них матрасы, в своих курточках и кроссовках, дети, играющие в войну, бесшумно сражающиеся в карты на ящиках с противогазами, завороженно уставившиеся на экраны телевизоров, где по первой общесоюзной скакали диснеевские зверюшки, мальчики, чистящие на ночь свои драгоценные двустволки, а один шел развинченной походкой, перебросив через плечо черные поблескивающие нунчаки.

Люди Департамента охраны края. Ждущие своего часа за этой призрачной баррикадой, похожей на рождественскую елку. Бетонные блоки закутались в невесомую паутину колючей проволоки, на шипах ее расцвели красные комсомольские билеты и паспорта, тяжелые желтые почетные грамоты, ордена, медали и тысячи детских рисунков. Как бабочки, слетевшиеся на огонь и усыпавшие пространство. Пластмассовые танки, пистолеты, автоматы, брошенные к подножию баррикады детской рукой. И сверкающий саван инея, щедро накрывший это великолепие. Эстетика бунта.

Невыносимо красивая баррикада, которую регулярная армия разнесет через пять минут правильной атаки. Чудны дела твои, Господи...

На улице холодало. Вокруг парламента вовсю пылали костры. Люди, греющиеся у огня, красные отсветы на лицах. Многие еще бродят вдоль завалов, всматриваясь в надписи и рисунки, как бы сами собой возникающие непрерывно на освободившихся местах. Слева поют эти протяжные старинные песни. Так они будут жить до утра. Седьмая ночь на пятачке неповиновения.

* * *

Дарюс Плумпа:

— Мне 22 года. Я служил в Афганистане. Воевал. Когда ехал туда, ничего не понимал, сейчас понимаю. Если бы мне снова сказали теперь: иди в чужую страну воевать, я бы не пошел. Воевать можно только за свою страну.

— Есть «афганцы», которые просят отправить их воевать на стороне Ирака.

— Я думаю, они это делают потому, что не знают, что такое свобода.

— А вы знаете?

— Да.

— Чем вы вооружены?

— Малокалиберное оружие в основном.

— Если на парламент пойдут танки, вы будете стрелять в них и, значит, скорее всего просто погибнете...

— Я знаю.

— Утверждают, что в Литве идет межнациональная борьба...

— Нет. Среди нас, защитников парламента, люди разных национальностей. С моим другом — он русский, в одном полку служили в Афганистане, потом расстались — я встретился здесь. Каждый пришел сюда своей дорогой.

Окунев Владимир Михайлович:

— Я прожил в Литве практически всю жизнь. Мне 36 лет. Был художником, занимался реставрацией.

— Как представляете себе будущее?

— Если парламент будут брать, стану драться до конца. Свободная Литва для меня — окончательная цель. У меня дети, я не хочу, чтобы они жили так, как мы. Для меня это решенный вопрос. Останусь жив — партизанская война.

— Утверждают, что происходящее — столкновение русских с литовцами...

— Это вранье и обычная пропаганда. Сейчас меня назначили начальником поста. Может быть, это дискриминация? Здесь есть и другие русские защитники, но русских же в Литве немного, всего 9 процентов. Здесь не важно, какой ты национальности, важно, какой ты человек.

Андрюс Буткявичюс, генеральный директор Департамента охраны края:

— Ваш Департамент — это новая армия?

— Нет, нам не нужна армия, мы создали формирование гражданской обороны на случай вмешательства в наши дела извне. Мы считаем, что главное не военная, а психологическая защита. Люди в море, как известно, гибнут не потому, что нет возможности спастись, а потому, что боятся. Мы должны разучиться бояться.

— Кто вы по профессии?

— Я врач. Мне 30 лет. Работал на «Скорой помощи», занимался реанимацией, исследованиями в психологической лаборатории. Цель — спасение людей в случае массовых бедствий, катастроф, ну и военных конфликтов.

— Ваша нынешняя работа похожа на реанимацию?

— Да, только на реанимацию сознания. Я ведь занимался и политикой. Мы создавали союзы политзаключенных, помогали в России создавать «Мемориал», меня выбрали депутатом. Так что вся моя работа была связана с людьми, которые пострадали: кто от катастроф, кто от сталинизма, кто от других «горячих контактов».

— Ваши ребята понимают, что они могут погибнуть? Они очень плохо вооружены...

— Тут нет ни одного человека, который пришел бы не добровольно. И я буду до конца с этими людьми. Потому что я один из них. Мы разных национальностей, но наша сила — в единстве. Сейчас люди, населяющие Литву, в большинстве едины. И потому не мы, здесь сидящие, определим исход борьбы. Самое сильное оружие не наши двустволки. Если нас перебьют, главного уже не изменить. Будет массовое неповиновение. Гражданское неповиновение. В этом мы уверены...

* * *

Пронырнув сквозь щель в последнем баррикадном завале, мы оставляем за спиной этот пульсирующий сгусток света, дыма, тихого пения, одиноко живущий в огромном черном пространстве, и все дальше уходим в пустые улицы, в Вильнюс, затаившийся к ночи. Скоро на улицы выйдут патрули на свою ночную охоту.

Кряжистое темное здание, ни огонька внутри, лишь тускло светит стеклянный подъезд, за двойной стеклянной стеной, как черные рыбы, движутся тени. Подплывают к стеклу, всматриваются в нас, входящих. Перед дверью они встают полукругом, люди с автоматами и в бронежилетах, и мы сами достаем документы. Это ЦК Компартии Литвы.

Можем ли мы попасть в пресс-центр ЦК, ведь он здесь? Охранник набирает номер: к вам придут. Ждем. Хмурое молчание у двери. Ждем долго. Снова набирает: ждите. Ждем. Из глубины здания время от времени появляются молодые люди в штатском; настороженно взглянув на нас, проскальзывают в дверь и растворяются во тьме. Что делает тот, кто обещал появиться? Размышляет? готовится? с кем-то созванивается? Охранник говорит, что ждать, видимо, бесполезно, никто не придет. Но почему? Хоть кто-нибудь. «Я позову майора»,— говорит охранник. И сразу же по лестнице начинает спускаться майор. Он резко останавливается перед нами и, глядя куда-то поверх голов, начинает говорить, он говорит, не останавливаясь, не реагируя на наши вопросы, все громче, кажется, он что-то декламирует. Охранник остановившимися глазами смотрит на своего начальника. Мы ничего не понимаем, потому что он говорит по-литовски. «Может быть, есть переводчик?» — спрашиваем мы охранника, но майор внезапно обрывает монолог. «Я прекрасно говорю по-русски! — говорит он подрагивающим голосом.— Поговорить с вами по-польски? По-украински? На каком желаете?» — «Почему вы так нервничаете?» «А потому, что вы находитесь на территории свободной Литвы! Или, может быть, Литовской ССР? А?!» — Он идет на нас, и мы отступаем к двери. «Кто вы?» — спрашиваем, оторопев. «Моя фамилия известна всей Литве! — говорит майор, улыбаясь.— Не-ет! Я вам свою фамилию не назову!» — «Почему? Вы чего-то боитесь? Напрасно. Мы здесь одни. Мы шли сейчас по городу, и там никого нет».— «Я ничего не боюсь! — говорит майор резко, взглядывая на темное стекло.— А вы... Идите в парламент! Там вам дадут такую информацию, какую вам нужно!» — «Но мы хотели бы выслушать и вас».— «А вашего органа нет в списке изданий, имеющих допуск к нашей информации. Пресс-центр ЦК только для партийной прессы. Прошу!»

Мы выходим в предбанник, на стене телефон-автомат, ищем двушку, мимо приоткрытой двери проходит охранник, слышно, как он говорит остающимся: «Если будут атаковать, стреляйте в воздух!» Надо сказать им, что никого нет в ночи. К ним никто не придет.

Но мы не успеваем вернуться, в дверях возникает небольшой, круглый, подвижный человек в штатском с таким простым, открытым, до боли знакомым плакатным лицом.

— Валерий Борисович! — представляется он.— Сотрудник политико-правового отдела ЦК.

— Вы Шурупов?

— Так точно! — отвечает он.— Готов ответить на любые ваши вопросы.

«Аргументы и факты» № 4, 1991 г. «Независимая литовская газета «Республика» заявила, что никакого комитета национального спасения в Литве никогда не существовало. В статье за подписью главного редактора утверждается, что существует лишь координационный совет. Его состав приведен газетой. По данным «Республики», в него входят: зав. отделами ЦК Компартии Литвы Ермалавичюс и Горицкас... представитель ЦК КПЛ полковник Шурупов».

Газета «Согласие» № 36, от 9 сентября 1990 г. «Разговорчики в строю». **Олег Курдюков:** «О каком взаимопонимании может идти речь, если начальник политотдела нашей части, полковник Валерий Борисович Шурупов, выстроив на плацу личный состав, может полчаса, не смущаясь, рассказывать солдатам скабрезные анекдоты про Ландсбергиса и Прунскене!.. Он прекрасно знает, чего хочет добиться. Во время XXVIII съезда приказом министра обороны ему досрочно было присвоено полковничье звание — лично Язов погоны вручал».

«Согласие» № 37, от 16 сентября 1990 г. «По следам». **Валерий Шурупов:** «Я думаю, что ряд товарищей... не только анекдот, а такое бы сказали в глаза Ландсбергису и Прунскене, что они бы в холодном поту ночью вскакивали, как после просмотра фильма ужасов...

Действительно, я был вызван на беседу и имел доверительный разговор с министром обороны Дмитрием Тимофеевичем Язовым. Кстати, для меня явилось полной неожиданностью присвоение мне досрочного воинского звания — полковник...

Но, как политический работник, скажу откровенно: буду делать все, чтобы дело не приняло столь драматический, антигуманный, кровопролитный исход. Армия всегда сумеет постоять за себя и защитить свой народ! Мракобесы всех мастей неоднократно испытывали это на своей собственной шкуре. И дело вовсе не в Шурупове или Петрове, дело в сознании того, что люди защищают и какую идею отстаивают. Благородная идея будит чудеса героизма и самопожертвования, и если на алтарь Отечества суждено лечь Шурупову, которому дороги идеи, которыми он живет сегодня, такого исхода не жалко».

* * *

— Я,— сказал Валерий Борисович,— прикомандирован к ЦК КПЛ в связи, значит, с обстановкой. Четыре месяца тружусь здесь в политико-правовом отделе под руководством генерала Науджюнаса. Отдел маленький, нас всего трое, а объем работы, я вам должен доложить, огромный. Третий наш товарищ, тоже полковник, товарищ Каспиравичюс, только что вел программу Литовского телевидения. В этой трудной обстановке, когда кадры разбежались,

он должен был взять на себя смелость стать диктором. И он им стал. Его уже называли в прессе иудой.

Меня тоже. Увидели в репортаже Невзорова, как я там с дружинниками около башни нахожусь: мы охраняли, значит, чтобы не растащили эту социалистическую собственность. И тем не менее мне позвонили домой и объявили смертный приговор. Какая-то подпольная группа «Возмездие» по телефону травит сейчас работников Компартии Литвы, я сам принимал телефонный звонок. Объявили смертный приговор Бурокявичюсу Миколасу Мартиновичу, профессору Ермалавичюсу, Науджюнасу, комитету национального спасения, ну и удостоили великой чести, значит, меня. И в газете «Республика» напечатали, что я в какой-то группе, связанной с этим комитетом. Я решительно, так сказать, отмежевываюсь от этого вопроса, потому что сам не знаю об этом комитете ничего. Сейчас, когда он работает инкогнито, туда можно очернить всех работников ЦК, кого угодно туда написать. А из каких соображений не публикуется список этого комитета? Видимо, люди боятся высветиться, зачем же, если пугают ножом? А, не дай Бог, прибьют? Тем более что вынесен комитету смертный приговор.

Оценивать деятельность комитета я бы не стал, но хочу сказать: пошла официальная версия, что якобы комитет попросил Вооруженные Силы и они приняли участие в этом деле. Я решительно отмежевываюсь от этого вопроса, потому что Вооруженные Силы выполняли сугубо специфическую задачу. И когда в городе пошли свалки и стали бить рабочих, вот этих, дружинников, то информацию получили и военные и армия предотвратила, чтобы оружие этих, из Департамента, не оказалось направлено на рабочих, на мирную толпу. Я полностью одобряю и поддерживаю действия армии. И мы решительно отмежевываемся от этого вопроса. Все вообще было не так.

— А как? — спросили мы.

— Хотите, введу вас в курс? Кратко.

Мы, конечно, хотели.

КАК БЫЛО ДЕЛО

Краткий курс полковника Шурупова

1. Заговор против народа

Я сегодня специально прошелся по городу, заинтересовался общественным мнением. Что меня удивило, а, может быть, окрылило, так это точка зрения людей о том, что мнение народа совпадает с той позицией, которую выражает Центральный Комитет Компартии Литвы: главный виновник событий 13 января — Ландсбергис. И народ почти единодушно говорит: не было бы Ландсбергиса, не было бы никакого 13 января.

Был заговор. Правительство Прунскене делает заговор против Ландсбергиса. Ландсбергис делает заговор против Прунскене. А мы, народная масса, политическая сила, оставались лишь свидетелями этих кулуарных правительственных игр. Ландсбергис победил. Как? Он толкает Прунскене на авантюру сумасшедшую, повышает цены, и, конечно, взрывается народная масса, народы стихийно подымаются, происходит отстранение правительства. Он использовал это, чтобы Прунскене убрать. И столкнуть народ на грань катастрофы.

2. Народ требует реакционные силы к ответу

Тогда рабочие пошли вручать мирную петицию с требованием к Совету Министров сложить полномочия и в Верховный Совет. Ходили две группы. Причем совершенно мирные, безоружные люди, пошли вот так вот, ну, простые рабочие, никакой там партократии, никого там и близко не было, рабочие ходили.

А их бросали в подвалы, потом в милицию сдавали, людей этих. Ну чем они там бросались? Чем? Тем, что в карман с собой прихватили, ведь у рабочего ответная мера какая? Булыжник с тротуара, у него ведь больше нет ничего. Знаете, чем они бросались? Мелочью из кармана. Говорят: «Вы голодные? Вам цену нужно поднять?» И мелочью прямо по этим окнам. Ну, потом у кого болт в кармане подвернулся, у кого что, дырок в стеклах понаделали, значит. Но тем не менее, несмотря на сопротивление, делегация рабочих туда прошла, с боем, правда, даже дверь с петель сняли там одну, в Верховном Совете. Прошли, вручили петицию!

Но господин Ландсбергис с народом встречаться не соизволил, Озолос встречался, вице-премьер. Он все призывал к спокойствию через громкоговоритель. Правда, его никто не слушал, требовали Прунскене или еще кого там, чтоб выслушали в конце концов народ. И тем не менее в этот же день было принято решение о снижении цен.

Но самое парадоксальное, что народ снова был обманут. Цены снизили только на продукты первой необходимости: молоко, мясо, хлеб там, колбасу.

И все! А ведь им и обратиться-то больше некуда, этим рабочим, вот они и приходят сюда вот, в Центральный Комитет, потому что это единственная ниточка по линии КПСС, которая всех нас с родиной-то связывает, с Россией нашей родной, понимаете? Никто больше и никак людей этих не защитит.

3. Опора на национализм

Видя о том, что его структуры потихонечку разрушаются, в народе недовольство, но народ все же выжидал, Ландсбергис делает опору на обманутую, конечно, ядом национализма молодежь, которая не пошла в армию, и на воинствующих таких националистов старого закаленного, проверенного поколения, которые очень преданы ему. В основном из среды научно-технической там и... интеллигенции.

Достаточно посмотреть, как демонстративно ребята в черной униформе у зданий Верховного Совета и Совета Министров стоят и красуются для прессы! Это силы так называемого Департамента охраны края, ДОК. Я бы даже сказал: деструктивной такой единицы, созданной Верховным Советом для того, чтобы непременно где-то столкнуть их с интересами Советской Армии, регулярных частей. А есть Указ Президента СССР о расформировании этих вот так называемых формирований и оружие изъять.

Из газеты «Согласие» № 50, от 16 декабря 1990 г.:

«...Секретарь ЦК КПЛ (КПСС) генерал А. Науджюнас в одной из бесед проговорился, что существует план, согласно которому дислоцированные в Литве части десантников в случае необходимости разгромят формирования Департамента охраны края в течение нескольких часов... Подробнее объяснить ситуацию согласился работник политико-правового отдела ЦК КПЛ (КПСС) полковник В. Шурупов. По мнению полковника, близится катастрофа. «Если возникнет конфликт, СА в короткий срок раздавит добровольцев ДОКа, как тараканов» — так закончил беседу с журналистом В. Шурупов, который ныне облачился в гражданский костюм».

4. Реакция собирает силы

Чувствуя подспудно, что подходит к той точке, когда дальше командовать уже становится невозможно, Ландсбергис решил пойти по самому, как это у Ефремова, по лезвию бритвы. Он созывает огромные массы населения в Вильнюс для какой-то мнимой защиты Верховного Совета, там, телевышки.

Я вспоминаю сейчас события 12 января: в городе шло массовое скопление населения всей республики. Такого количества людей я никогда не видел. Ночью было ужасно. Возле Верховного Совета площадь была заполнена полностью, люди у костров грелись, разводили костры прямо возле Верховного Совета, у телецентра, у телевышки, с детьми. Массовый беспорядок. Вот даже детей привезли. Мы располагаем сейчас определенной информацией, так вот, даже из дома сирот привезли, где-то там четвертый или пятый класс. Привезли к телевышке. Ночью. Значит, это была заранее запланированная со стороны Ландсбергиса акция, потому что вот этих сирот и психбольных с психбольницы привезли автобусами к вышке. В два или в три часа ночи привезти сирот для того, чтобы, не знаю, может быть, толкать их под танки или еще какую провокацию делать!..

Интересная возникла ситуация: а вдруг при массовом скоплении народа произойдет провокация! Мы обратились к рабочим, чтобы они собрались хоть в маленькую рабочую дружину, а вдруг среди населения произойдет свалка в каком-нибудь микрорайоне.

5. Им нужна была кровь

Партия и другие структуры работали среди населения. Столько документов, сколько было наработано в это время со стороны Компартии Литвы, я думаю, никогда не было. Но эта провокационная акция была проведена Ландсбергисом по четко отработанному сценарию. Он жаждал любыми путями сделать кровопролитие. Ему в любом случае нужна была кровь...

Мы имеем факты, что одна женщина, она сейчас в тяжелом состоянии, но вот она успокоится и покажет пальцем, кто толкал ее под танк. Она стояла в толпе, а два здоровенных верзилы подталкивали ее, и когда танк мимо проходил, ее кидали, но она чудом удержалась, какая-то кочка была, в которую она уперлась, поскользнулась и просто сесла, хотя ее кинули из толпы под танк.

А разве не кощунственно везти детишек-сирот на какой-то там ночной спектакль, кому он нужен! Даже если погиб какой-то махровый, убежденный и кидался с голыми руками или вооруженный на танк, это как-то можно понять, но ребенок, который вне политики... В общем, я считаю, потери, которые произошли,— это мизерные потери. Мы прогнозировали, что, если население столкнется с русскоязычным населением, потери будут глобальней. Так что прошедшие события послужили разрядкой, как-то даже успокоили население.

6. Армия сделала все, чтобы предотвратить кровопролитие

Да, сюда прибыли войска, они были предназначены для поимки дезертиров, которые уклонились от армии. Было распоряжение такое министра обороны. Но логика событий привела к тому, что они вмешались. Я глубоко убежден, что если бы не вмешалась армия, то при таком столпотворении какие-то провокационные жертвы произошли бы неизбежно. Козла отпущения нашли бы. Это очень правильно, что была применена армия, именно она и отсекла фанатичную огромную толпу от телевышки.

7. Кто отдал приказ?

Ах, журналисты! Давайте вот таким образом. У нас в последнее время стала тенденция: покажи нам обязательно виновника вот этого дела! Давайте так: есть высочайшие Указы. Здесь войска находились законно. У военных есть свои иерархии, так сказать, командные, и кто бы ни отдал приказ, я считаю, он поступил абсолютно верно. Для того чтобы предотвратить кровопролитие.

8. Солдаты мирно стояли...

Я был очевидцем той ночи, я был у башни вместе с дружинниками. Я видел танки, они стояли и на мосту, и на дороге, мирно стояли заглушенные машины и никого не подпускали. Почему? Чтобы не было скопления населения и не получилось свалки.

Была инсценировка. Спросите очевидцев, я очевидец, вам расскажут, как почему-то ночью, в два часа, корреспонденты почему-то собирались кучками. Вы понимаете? Они ложили мужичка под танк, и девушку видели, которая ложилась под танк, и ее чик-чик-чик — фотографировали, а потом она — живаздорова! Вот несли портрет одной, якобы погибшей, но мы имеем факт, что произошла автомобильная катастрофа за два часа до этого... Понимаете? А я беседовал с солдатом, которому под ноги бросили гранату из толпы. Он меня спрашивает: за что? А они для начала кидали с вышки электромоторы, приборы, куски металла на этих, на солдат, на головы! Ну-у!.. если вас бьют, вы... инстинкт самосохранения есть? Вы будете защищаться? И как-то отодвинуть толпу, чтобы не произошло большего кровопролития?

9. Они сами убивали друг друга

Спрашивается, откуда же раненые в толпе? Я присутствовал при разговоре солдата с командиром полка. Солдата этого из толпы ударили ломом по шее и украли десантный автомат, солдат говорит: что я мог поделать? И ушел он в толпу, этот десантный автомат, так его потом и не нашли. А вы уверены в том, что вот из этого автомата... что не положили туда несколько боевых патронов и не сделали специально нужные кому-то жертвы?

Мы делали все, чтобы жертвы предотвратить. Рабочих подняли. Они волновались страшно, чтоб не пролилась какая-то кровь. Но когда в городе прогрохотали выстрелы, то, они же ведь рабочие, их же не удержать, они говорят: «Если там что-нибудь случится или что, давайте туда, чтобы как-то оттеснить, может быть, эту разъяренную толпу от военных, чтобы кровопролития не произошло». Вот рабочие, когда в три часа прорвались к телецентру, вот эти наши дружинники, городские наши преданнейшие люди, их же там ведь избили, оскорбляли, газовыми баллончиками в лицо! Почему, откуда вот это, вы скажите мне? Из восьмидесяти дружинников, которые прибыли со мной к этой телевышке, до самой вышки сумело пробраться лишь человек сорок. И они кричали десантникам: «Прекратите! Дайте, вот, это нам, рабочим!» И так далее. И они ведь там поняли, что мы не те, кто кричал им: «Оккупант! Захватчик!», потому что мы, как говорится, другими формулами выражались. На русской речи. Но я про другое. Про то, что вот эти сорок два человека, которые туда со мной пробрались и пытались наводить порядок в толпе, из них оказалось побитых сколько! Ободранные лица! У меня у самого и шапки, и шарфа не стало, и газового баллончика. Спрашивается, значит, эта толпа была подготовлена? А когда я беседовал потом с солдатиками, ну, я же работник правового отдела, должен в вопрос вникнуть: кто прав, кто виноват, так они мне говорили: «Мы еще только подъезжаем к телевышке, а уже видели вспышки с окон домов и из леса, трассерами стреляли». Ну, они профессионалы, они понимают. Уже прострел трассерами шел, понимаете? Там еще не было военных, никого, а трассеры падали буквально с недолетом в толпу. То есть жертвы появились от этих вот выстрелов...

— Как же они себя обнаружили? Трассерами? Их же легко было найти?..

— Ну кто же знал, что такие события развернутся?

— А вы не видели видеокадры, снятые там? На них все было иначе.

— Ну, не знаю. Вы лучше посмотрите такой вот факт: и видеотехника, и иностранные корреспонденты, и фототележурналисты, все там оказались. Вот у них теперь ролики и есть. А что нес с собой простой рабочий? Кроме своей души, как говорится, рук и ног?

10. Как теперь жить?

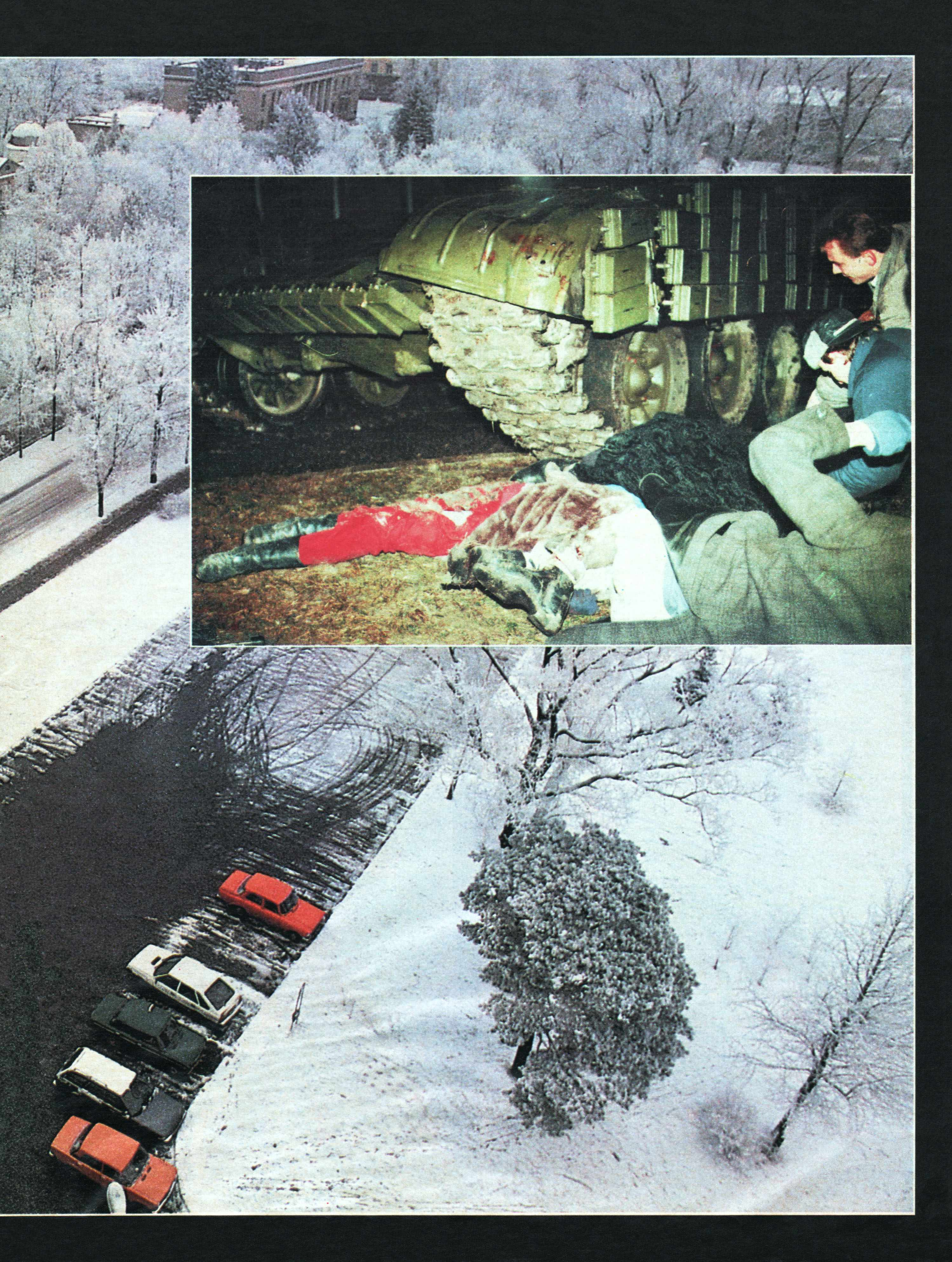
Сваливать, вот как сейчас некоторые говорят, на КПСС, на Компарию Литвы не надо. Компартия Литвы сделала все, чтобы решить вопрос политическими методами. Сколько мы обращались к Президенту СССР еще до этих событий: введите президентское правление, давайте вместе наведем порядок! Не решался. Ну не решался, так вот, пожалуйста, произошла драматическая ситуация. А перспективно ли президентское правление, я скажу так: может быть, настал уже черед, когда президентское правление надо ввести во всей стране. И незамедлительно. Чтобы навести в конце концов законность, порядок. Ведь что творится вокруг! Мы знаем, у армии своя солидарность, что творится и в Москве, достаточно осведомлены, и что творится в Ленинграде.

ОГОНЁК

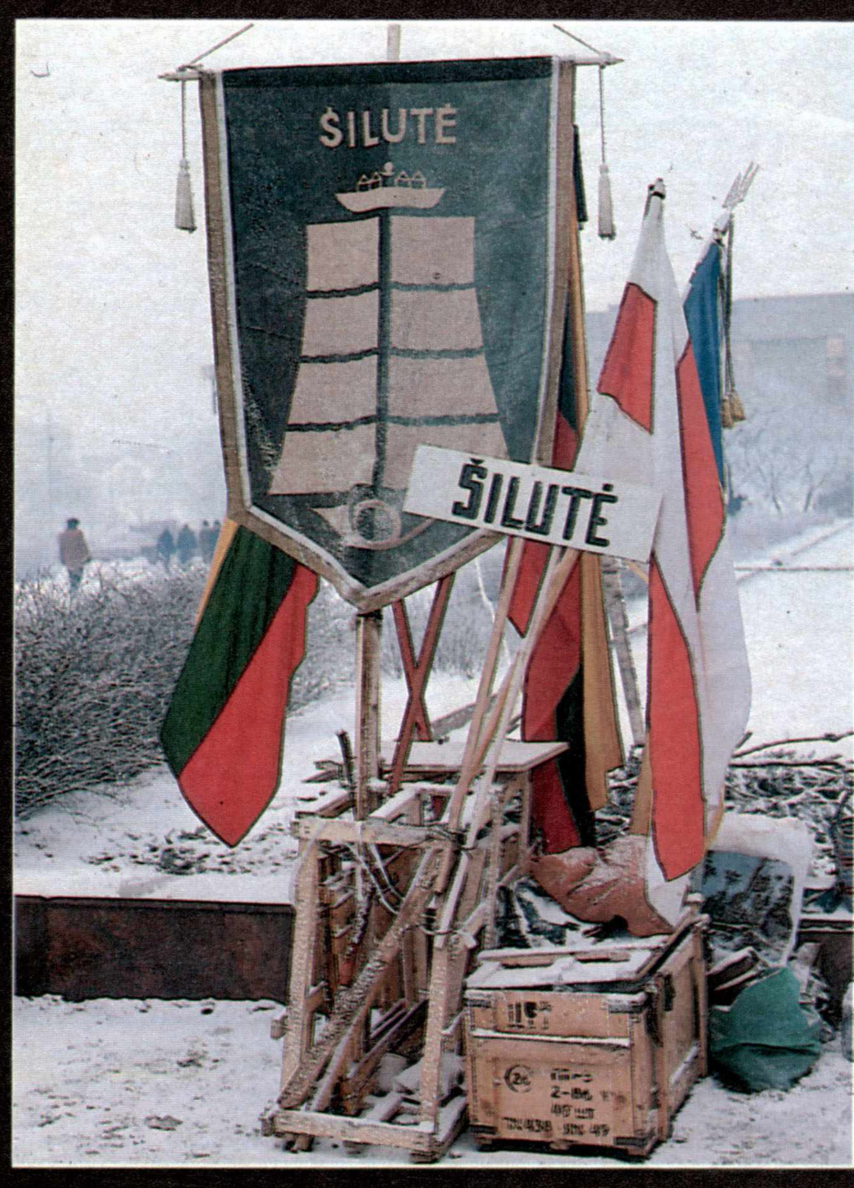
Kryžių Lietuvoj
B. Brazdžionis
ŽUVUSIEJI!
UŽ LIETUVOS
LAISVĘ
Laisvę ir
Nepriklausomybę
Lietuvai!

POVILAITIS A.
GERBUTAVIČIUS D.
DRUSKIS V.
GERULIENĖ

ŠILUTĖ
ŠILUTĖ

Избранные
речи и статьи
ВОЕННЫЙ
БИЛЕТ

* * *

Спасибо большое, Валерий Борисович! Мы хотели послушать вас, конечно же, не только ради каких-то там фактов. Что факты! Вы же знаете, факты наверняка опровергнут какие-нибудь продажные негодяи. Да уже и опровергли. Мы хотели убедиться, что, как всегда, стоите вы твердо. Позиция незыблема, вера крепка, руки надежные. Все схвачено. Классовый подход обеспечен. Жива железная логика, по которой, как ни изворачивайся классовый враг, ему некуда деться, потому что все его поступки давным-давно определены, названы и пригвождены.

Осталось, конечно, кое-что недосказанным. Ну, это военная тайна. Понимаем. Впрочем...

«Аргументы и факты» № 4, январь 1991 г.

Полковник В. Алкснис: «Я на днях разговаривал с товарищами из комитета национального спасения Литвы. Они сказали так: все, о чем нас просила Москва, мы сделали. Москва обещала, что вторую половину пути — введение прямого президентского правления — она пройдет сама. Однако Москва бросила нас. Нас предал Президент.

— Ваш прогноз развития событий в Прибалтике?

— Гражданская война...

— В Прибалтике?

— Нет. Она неизбежно перерастет в гражданскую войну в масштабах Союза.

— Война между кем и кем?

— Начнется она как межнациональный конфликт. Но это только внешняя форма. Сегодня все уже понимают, что, по сути, это политический конфликт... Не исключено и то, что армия перейдет на автономный режим работы».

Если прав полковник Алкснис и если прав полковник Шурупов, напомнив нам об армейской солидарности, а мог бы и смелее, о партийно-армейской, чего уж там, оснований довольно, то... не хочется и думать о том, что станется с теми мальчиками в парламенте. Конечно же, красные полковники раздолбают эту дурацкую баррикаду. За 5 минут. Такой будет отсчет. Такое время толкается в дверь. Время красных полковников. Что мы все про генералов! Которые брюзжат себе где-то там, на трибунах, тряся от возбуждения щеками. У генералов все уже есть. Вот по сих пор. У них все опрокинуто в прошлое. В будущее обращены полковники. Там их шанс. И всего лишь шаг — иди и возьми, если ты мужчина!

Мы очень живо, детально даже, представили, как товарищ Шурупов ложится на алтарь Отечества. Да ладно уж, полковник, понимаем. Чего не пообещаешь в запале. Ну его, алтарь! С вами, вы же знаете, и мы тоже знаем, все будет в порядке. За 5 минут, не сомневайтесь.

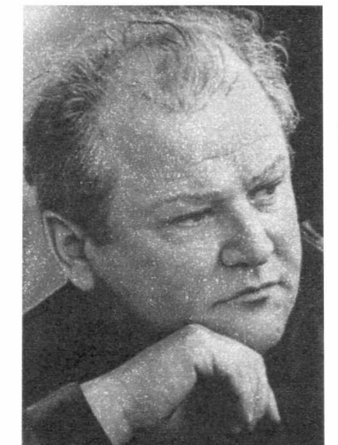
Но ни за что не раздолбать вам баррикаду, которая сложилась за это время из детских рисунков и погибших на морозе, поникших на колючей проволоке цветов. Десять лет и еще десять будете ее долбать — не раздолбаете. Потому что она — дух целого народа. Тут слабо вам, полковники.

Но это мы уже здесь, по приезде. А тогда...

...Мы вошли в свой номер, включили радио. Опоздали, сводка уже закончилась, диктор говорила последнюю фразу: «На улицах и дорогах — патрули, просим жителей соблюдать осторожность. Спокойной ночи». Шла седьмая ночь.

На вкладке: Вильнюс, январь 1991.

СИЗИФОВ ТРУД

Владимир САВЕЛЬЕВ

А. Д. Сахарову

**Он катит камень в гору, в гору, в гору.
Он этот труд предпочитает спору
о результатах этого труда.
Упрямцу не до страхов и оглядок,
поскольку плотен вечный распорядок:
ползет громоздкий камень с боку на бок
туда, чтобы скатиться вновь сюда.**

**Сюда. Назад. К глухому преддерзанью.
С почти уже вершины к основанью
той кручи, что на крутость не скупа.
Прогрохотать в обратном направленье,
чтоб скрежетать в возвратном устремленье.
Я знаю, бунт, упрятанный в смиренье,
и есть подчас сизифова тропа.**

**Она — да не от плюсовой границы.
Не от нуля — от минус единицы.
От минус дня, мелькнувшего зазря.
От минус дна болотного да в небо.
За тяжким камнем тяжко и нелепо
туда, где Бог бывал, а сам он не был,
ползет земная плоть богатыря.**

**Работает под хмарью и под синью.
В том убеждает даже и Россию,
что, мол, она нисколько не раба.
И ввысь ее влечет не ослепленье,
не отупенье и не озлобленье,
а лишь гнездящееся в них прозренье.
Сизифов нрав. Сизифова тропа.**

**Но вон и академик гениальный.
Трехзвездный и опально-премиальный.
За ним уже народ, а не толпа.
И снова ввысь взбираются каменья,
хотя и предстоит им низверженье.
Сизифов стиль. Сизифово терпенье.
Сизифов труд. Сизифова тропа.**

* * *

**То громогласно, то почти что немо
прямой контакт осуществляет небо
со мной, живущим как бы наугад.
И звезды в нем, и лайнеры, и птицы.
Я беден, а оно, как говорится...
И все-таки: кто беден, тот богат.**

**Богат, богат. Ну, а для равновесия
я помню про недавние репрессии
в Отчизне, превращенной в эшафот.
В стране сплошных и плана, и обмана.
Мой друг, ты пал под пулей из нагана...
И все-таки: кто пал, тот не умрет.**

**Среди больных наследственною робостью
воскреснет он уже над самой пропастью.
Возникнет как кумир среди миров.
Восстанет духом, а не жалким прахом.
Я сам, видать, доныне болен страхом.
И все-таки: кто болен, тот здоров.**

**Он вне полета, но уже на крыльях.
А сам я? И в бессилье, и в усильях
пришелся веку я не в аккурат,
на ста противоречиях замешен.
Я, что уж тут поделать, не безгрешен.
И все-таки: кто грешен, тот и свят.**

* * *

**Была работа — кончена работа.
Одна осталась у руки забота:
со лба смахнуть крутые капли пота...
Полет синицы. Лайнера полет.
Властей смещенье. Островов смещенье.
Гадюк скольженье. Ледников скольженье.
Верши и ты, верши свое движенье,
рука, со лба срывающая пот.**

**Верши его и в кризисном итоге,
и в докоммунистическом истоке.
Мои шаги. Шаги моей эпохи.
Борьба спортивная. Идет борьба.
Надежд крушенье. Поездов крушенье.
Броженье вешних вод. Умов броженье.
Со всем сопряжено твое движенье,
рука, стирающая пот со лба.**

**Рука, со лба к вискам его стирающая,
как будто белый лоскуток стирающая.
Как будто текст златой в него втирающая,
чтобы за буквой букву превозмочь
хотя бы к старости мне в тайне оной.
Да движется она в ночи бессонной —
пот и седьмой, и жаркий, и соленый
рука, со лба сгоняющая прочь!**

ОТЧЕ НАШ

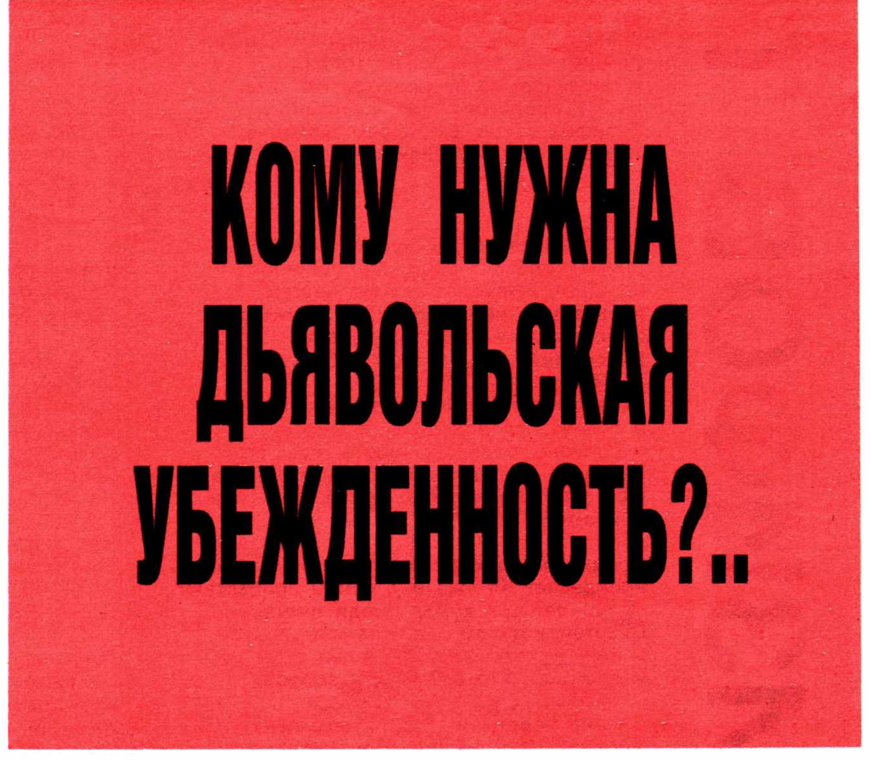
**В Божьем храме, что казался вдвое ниже без креста,
по-советски, по-хозяйски расселилась срамота.
Растеклась по-пролетарски от стены и до стены,
все и вся по-комиссарски виновата без вины.
Храм... Кто за большевиками
шел по ихним по стопам,
нацарапал в нем штыками над киотом: «Смерть попам!»
А правее от киота, дружбу наций торопя,
«и жидам»,— добавил кто-то, как бы лично от себя.
То есть смерть безбожья ради. Не слезая с наших вый,
жили ленинцы в разладе с заповедью «Не убий».
На расстрелы вышла мода — и за храмом в лебеде
четырех врагов народа разменял НКВД.
Окропил свинцом не явных пьяниц в ранге бедняков —
распылил толковых, справных, работящих мужиков.
Порешил их — к дальней дали отметнулись глубь и высь.
В ад ли души их попали? В рай ли вечный подались?
А моя — в моей тревоге зрела: вдруг да на Руси
не осталось в людях Бога? Отче наш, иже еси!
Вот он твой — с погостом рядом —
храм на схлесте всех ветров.
Напоследок был он складом запчастей для тракторов.
В нем на ржавые детали лили смазочную слизь.
Выпивали в нем и крали, матерились и дрались.
И беззубый зек-священник, возвратясь из лагерей,
у него просил прощенья, шепелявя, как еврей.
Воздевал худые руки над своей клюкой кривой.
Бился, верно, в смертной муке о ступени головой.
Тряс волосьями седыми, словеса роняя с уст:
— Храм — что клубнями златыми
в небо врос картошки куст!..
И священнику я молча вторю: отче, с высоты
загляни в мои ты очи!
Храм твой пуст — они пусты...
Ни на мне, ни надо мною нет креста, как на беду.
Что творю я со страною? Чем дышу? Куда иду?
Сущностью тянусь и плотью я на свет или на мрак?
В лоб и в грудь себе щепотью тычу с верой или как?
В красных числюсь или в белых?
В Божьем храме — к ряду ряд —
на меня со стен замшелых лики строгие глядят.
На меня, вернее, в душу многогрешную мою.
Усмехаюсь я и трушу. И гневлюсь. И слезы лью.
Слезы тайные, мужские, что ни к сечам, ни к пирам.
Есть те слезы — есть Россия. Есть Россия — будет храм.
Будет — все переиначит от вождей он и до масс.
В каждом храм взойдет, а значит,
вспыхнет Бог в любом из нас.
Храм без грязи. Бог без фальши. Я молюсь, отринув спесь:
...хлеб — ну, как там это дальше? —
наш насущный даждь нам днесь!
Даждь языческим Даждь-богом в отдаленье и вблизи.
Пред почином. За итогом. Отче наш, иже еси!**

Николай ПРОШУНИН

Путь к закату есть путь к новому утру.

Ф. НИЦШЕ
«Так говорил Заратустра».

КОМУ НУЖНА ДЬЯВОЛЬСКАЯ УБЕЖДЕННОСТЬ?..

ЛИШЬ ТЕПЕРЬ, с задержкой на шесть с половиной десятилетий, оппозиционеры 20-х годов доносят до нас свой голос. Заговорили изданные в четырех томах убористого шрифта* письма, заявления, подавленные протесты тех, кому не позволяли говорить, кого и слушать запрещалось под угрозой возмездия. Нам возвращено право, в защиту которого выступала оппозиция,— демократическое право знать, возможность «выслушать и другую сторону».

Не слишком ли поздно? Сохраняют ли опубликованные документы значение исторического урока, назидания, предостережения — как для самой КПСС, так и для новых партий, не застрахованных от роковых ошибок?

В 1927-м, «на заре» партийной власти, группа оппозиционеров, именовавших себя большевиками-ленинцами, в своей не увидевшей света платформе писала: «Коммунистическая партия вот уже четыре года как приведена к молчанию». Иерархическая структура партии приобрела вполне законченный вид. Ячейка подчинена секретарю. Секретари ячеек подчинены назначаемому сверху секретарю местного комитета. Местные комитеты подчинены своим секретарям так же, как партийная масса подчинена власти комитетов. Секретари послушны генеральному секретарю. Его единодержавию подчинены ЦК и Политбюро — вот «чисто бюрократическая организация партии». Руководящая верхушка при помощи монополии на устное и печатное слово присвоила себе право говорить и действовать от имени партии и за партию. Коммунисты оттеснены от всякого участия в происходящих наверху спорах, почти и не знают об их существовании. Все это показывает, что политика бюрократического зажима перешла уже ту границу, за которой начинается ликвидация партии и превращение ее в подсобный аппарат государства.

В платформе, можно сказать, представлена картина «первоначального накопления» разрушительных сил партийно-государственного угнетения. «Под знамя старой большевистской партии, под знамя Ленина — таков наш клич»,— писали авторы документа. С той поры этот клич повторялся у нас раз за разом целые десятилетия. Только уж призыв к «неукоснительному восстановлению ленинских норм и принципов» звучал не из уст оппозиционеров, от коих мы благополучно избавились, а при каждой очередной смене верховного руководства.

БЕЗ КОНВОЯ

И процитированная платформа «последовательной оппозиции», и известное историкам заявление 13-ти (Н. Муралов, Н. Крупская, Л. Троцкий и др.), и платформа 83-х, под которой стоят имена большевиков с дооктябрьским подпольным стажем («левое крыло партии») являются частью фонда архива Троцкого, вывезенного им с разрешения правительства и хранящегося ныне в библиотеке Гарвардского университета. Значительное число материалов архива издано впервые, и почти все — впервые на русском языке.

Большой блок документов принадлежит перу самого хозяина архива, что повышает интерес к изданию в целом. Троцкого мы почти совсем не знаем. Ни как революционера, много сделавшего для победы Октябрьского восстания, ярого оппонента Ленина и его доверенного соратника, большевика. Ни тем более как шпиона и диверсанта, ужом пробравшегося в партию с предательской целью разложить ее изнутри, поскольку это просто примитивная ложь «Краткого курса». До последнего времени не могло быть и речи о том, чтобы поднять из спецхрана («книжного ГУЛАГа», по счастливому выражению С. Джимбинова,— «Новый мир» № 5, 1990) какую-нибудь его работу, перепечатать или пересказать ее. В книгах о троцкизме кочевали одни и те же усеченные цитаты в окружении ощетиненного комментаторского конвоя, оберегающего читателя от опасного контакта. Предпочтение, разумеется, отдавалось цитатам «саморазоблачительного» свойства.

Кажется, Шопенгауэр где-то отметил: у Шиллера одобрение или порицание изображаемых им характеров проглядывает в их собственных словах; у Шекспира всякий в то время, как он говорит на сцене, совершенно прав по-своему, будь это хоть сам дьявол. Тексты Троцкого пронизаны поистине дьявольской убежденностью человека, «чрезмерно хватающего самоуверенностью», как было о нем сказано. Нередко его писания и речи дышат высокомерием и язвительностью полемических выпадов. Но это не может заслонять содержания.

Расконвоированные документы оппозиционеров и их противников, собранные под одной крышей,— поучительное чтение. Оно, полагаю, даст немало пищи для раздумий об истоках и причинах того, что с нами случилось. Пищи тем, кто склонен задаваться вопросом, какой была бы партия, если бы... И тем, кто повторяет: иной она и не могла быть, в родовых ее признаках, в самом ее существовании заложена опасность для общества.

Во всех случаях полезно знать, что делалось в партии и что проделывалось над партией.

РАСКОЛЬНИЧЕСКОЕ БОЛЬШИНСТВО

Основным обвинением против оппозиции было то, что она хочет нарушить единство путем создания фракций. Сталинская группа, играя на здоровом инстинкте партии к единству, громче всего кричала об опасности ее фракционного дробления. А между тем сама представляла собой замкнутую фракцию большинства в руководстве, спаянную тайной дисциплиной, живущую по своим неписаным законам.

Создание в ЦК и Политбюро компактных группировок, принимавших решения в тесном мирке, становилось обычной практикой. Методами закулисных интриг часть ЦК диктовала всему ЦК свои желания. Формировавшиеся по сговору вокруг Сталина «девятки», «семерки», «тройки» вождей означали, что из правящей фракции большинства ЦК выделялись особые, еще более узкие фракции. Само большинство, таким образом, сжималось, как шагреневая кожа, в меньшинство с перспективой сокращения до одной диктаторской единицы. Компания вождей стягивалась и удерживалась вместе не идейной близостью, а организационно-аппаратным обручем. Сделав лозунг единства орудием идейного террора, она прикрывала им свою фракционную механику.

По ее образцу руководящие «тройки», «пятерки» и «десятки» сколачивались на местах. В кабинетах губкомов и райкомов читались секретные директивы, принимались постановления за спиной остального официального аппарата и всех членов партии. Там тоже прокладывалась дорога единоличному режиму. Уже и секретарь низовой ячейки считал себя командиром, неподотчетным коммунистам, оттирал тех, кто подозревался в недостаточной благонамеренности.

Фракционность правящего большинства оказывалась, по убеждению оппозиции, самым вредным видом фракционности. Центральная верхушечная фракция, которой дирижировал Сталин, с помощью захваченного ею партаппарата, по существу, строила нелегальную организацию, проводила тайные активы только сторонников линии большинства ЦК, исподволь создавала свою «партию Секретариата», сеяла семена вражды. Обособляя себя, она тем самым ограничивала свой кругозор, подтачивала свое политическое влияние, что, естественно, не могло не усиливать потребность в административном нажиме.

Сталин, однако, заявлял, что «нынешний режим в партии есть точное выражение того самого режима, который был установлен в партии при Ленине», и что оппозиционеры «ведут борьбу с этим именно режимом в партии». А утверждение, что можно захватить власть в партии, узурпировать ее отдельными лицами, отдельными руководителями, просто отметал как «глупость».

Зло, как известно, еще тем опасно,

---

* **«АРХИВ ТРОЦКОГО. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923—1927». Издательский центр «ТЕРРА». Москва, 1990.**

что неизбежно порождает зло. Бюрократическое давление вынуждало меньшинство к фракционным действиям. Оппозиционеры тоже проводили тайные собрания рабочих и студентов на конспиративных квартирах, куда представители ЦК и ЦКК не должны были допускаться.

При реальной демократии раскол на фракции не необходим. Но когда меньшинству не дают простора для борьбы за свои убеждения, трещина, созданная расхождением во взглядах, увеличивается. Придавленная обязательным единогласием, партийная мысль прокладывает себе обходные пути. Какому сумасшедшему может прийти в голову, по выражению Е. А. Преображенского, «вертеть ротатором», будь у меньшинства возможность печатать свои материалы в общих органах партии? Если стеснена свобода суждений, тогда неизвестно и то, кто является большинством и кто — меньшинством.

Как же удалось сталинской группе закрепиться, подавить и оттеснить своих критиков? По документам отчасти можно проследить ход дела. В одном из писем в Политбюро (октябрь 1923 года) находим любопытное признание, что «поворот 21-го года, а затем болезнь тов. Ленина требовали, по мнению некоторых из нас, в качестве временной меры, диктатуры внутри партии». Многие сознательно пошли на непротивление диктаторскому режиму. Другие с самого начала относились к нему скептически или отрицательно. Режим вскоре обнаружил свою неприглядную сторону. «Партия стала замирать».

В приписках к письму Антонов-Овсеенко, Бубнов, Осинский, еще четыре десятка человек выразили согласие с оценкой неблагополучного внутрипартийного положения, хотя и осторожно, с оговорками. И только Каганович начертал, как отрубил: «Ослабление политической диктатуры в настоящий момент считаю опасным...» (Информация к размышлению, на какой стороне бывало, могло быть действительное большинство.)

Примирение с «временной» диктатурой объяснялось боязнью внутрипартийной борьбы и раскола, было результатом усиленно нагнетавшегося страха перед «троцкизмом» для поддержания сталинского режима. Существовала договоренность в «семерке» членов Политбюро не полемизировать друг с другом, а полемизировать всем против Троцкого, о чем не знали в партии. Коммунисты считали, что из двух зол они выбирают меньшее.

Злокачественная особенность фракционного режима состояла в том, что он деморализовал коммунистов, толкал их на путь замкнутости и отчуждения. Партийный молодняк получал свое партийное крещение в душной и нездоровой обстановке. Это не только задерживало политический рост новых кадров, но и вело к измельчанию существующих. На передний план выходили холодные службисты, которые быстро приспосабливались к стилю руководства из канцелярии, понимали дисциплину как послушание влиятельным лицам аппарата. Угодливые перед вышестоящими, они становились недоступными для прочих смертных. Одна работница, член райкома, на секретном узком активе сказала о них так: когда человек почище приходит в райком, его сразу направят, куда надо, а когда приходит работница, посерее, погрязнее, она стоит в передней.

«Огромный слой городского партийно-советского люда,— говорил Троцкий,— до 3-х часов живет, как чиновник, после 3-х часов живет, как обыватель, либеральничает против ЦК, а по средам, после 6 часов, осуждает оппозицию за маловерие. Это тип партийца, который весьма подобен тому царскому чиновнику, который исповедовал в частном порядке теорию Дарвина, а когда нужно — представлял свидетельство о святом причастии».

Повсеместно руководство формировалось из сталинских выдвиженцев. Такие кадры заполняли собой ключевые партийные и государственные должности, благо назначенство под маской рекомендации позволяло распределять между своими портфели и кресла. Обласканные режимом выдвиженцы твердо стояли на страже установившегося порядка. Эта армия чиновников, предупреждали оппозиционеры, ни перед чем не остановится в борьбе с нарушителями ее благополучия.

Документы, позволяя полнее воссоздать обстановку того времени, подрывают школярские представления о действиях оппозиционеров исключительно как о беспринципной борьбе за лидерство, помогают повысить сопротивляемость мифотворчеству, которое у нас еще процветает.

Какой же виделся выход самим участникам событий? Если Троцкий настаивал прежде всего и главным образом на отстранении Сталина, в чем, конечно, угадывались мотивы борьбы за власть, то «последовательная оппозиция» ставила задачу шире. Восстановление партии, подчеркивала она, не означает только смены теперешней руководящей группы. Замена одной, никуда не годной клики другой, хотя бы и лучшей, при сохранении старой системы положения не исправит. Недостаточно одержать верх над сталинской группой, нужно изменить всю ту систему, на которой она держится. Нужно раскрепостить партию, легализовать ее, покончить с положением, когда партийные чиновники становятся несменяемыми, препятствуют низовым организациям переизбирать и смещать аппарат. Необходимо объявить беспощадную борьбу против фетишей, вроде преклонения перед вождями, парторганами, тем «единством», которое обожествляет сталинская фракция и под прикрытием которого ведет свою политику. Партия должна быть самодеятельной, самоуправляющейся организацией, «только тогда она сможет вновь стать подлинным авангардом рабочего класса».

КРАМОЛА

Твердо руководить партией не значит душить ее за горло. Оппозиционеры «всех мастей» резко выступали против насаждения в партии таких нравов, которые заслуживали не менее решительного неприятия все последующие десятилетия, а иные заслуживают и в наши дни.

Они ратовали за право партии получать полную информацию — против закупоривания разногласий в стенах руководящих органов. За участие коммунистов в партийных делах — против абсолютно нетерпимого положения, при котором считалось, что кто-то за них, за партию, бодрствует и решает. За свободу критики любого партийного учреждения, вплоть до ЦК,— против обязанности только подпевать ЦК, что бы он ни сказал и ни сделал. Относиться к критике высоких инстанций, как монархисты к оскорблению величества,— значит превращать партию в безвольный хор при аппарате, наглухо закрывать ей возможность влиять на собственное руководство. «Такая ВКП,— пишет К. Радек,— не причинит своему ЦК никаких забот. Она будет голосовать единодушно, но от нее уйдут лучшие рабочие, она станет скопищем карьеристов, подхалимов и людей, видящих в партбилете охрану от безработицы».

Донельзя актуальны предложения оппозиционеров вывести профсоюзы из подчинения администрации хозорганов, которые превратили их в свою подручную силу. От оппозиции же шло требование преобразовать Совет Национальностей в работающий орган, способный на деле отстаивать интересы республик. Она выступала в защиту прав национальных меньшинств внутри республик, против навязывания другим народам языка преобладающей национальности, за полную свободу выбора в этом отношении. Многие ее предложения были направлены на оживление Советов, лишенных власти, превратившихся в придаток исполкомов и их президиумов, столь же безвластных.

Оппозиция добивалась обсуждения вопросов, близких жизненным интересам людей. Почему при общем подъеме хозяйства зарплата падает? Как бороться с продовольственными хвостами, с безработицей? Забегает ли промышленность по сравнению с селом вперед или отстает? Почему богатство государства растет быстрее, чем благосостояние рабочего класса? Почему упала покупательная способность червонца? В этих фактах заключалась опасность, а не в их открытом обсуждении.

Остро ставился вопрос о необходимости точно и определенно знать, «какова действительная степень нашего приближения к социализму». Критики режима указывали на рост бюрократических извращений государства, выступали против объявления всякого требования рабочих к государству чуть ли не бунтом... Оппозиция потому и необходима в науке, в политике, в жизни партий, что она не дает окостеневать, заставляет если не исправлять недостатки, то по крайней мере бросаться на поиски новых и новых аргументов в защиту отвергаемых ею позиций. Однако люди Сталина этим себя не утруждали, ограничиваясь голословным «отпором». На требование приблизить рабочих к государству и государство к рабочим Молотов отвечал: «Как же можно рабочих приближать к государству, т. е. самих же рабочих приближать к рабочему классу, стоящему у власти и управляющему государством?» Впоследствии корифеем всех наук была придумана теория об отмирании государства через его максимальное усиление. И эта «диалектическая» ахинея прославлялась как новое слово марксизма-ленинизма.

Оппозиционеры боролись за деловую, без искусственного взвинчивания полемику — против травли несогласномыслящих, насильственного перевода оппозиции на нелегальное положение. И, конечно, против подключения ГПУ к внутрипартийным делам и спорам, против арестов. (Странно, что оппозиционеры ничего, кроме репрессий, не видят, говорил Сталин в октябре 27-го года. И тут же прибавлял, что «партия применяет и будет применять репрессии против дезорганизаторов и раскольников».)

У них были попытки развеять убаюкивающую легенду, будто, разгромив оппозицию, можно потом расширить демократию. Приемы механической расправы с инакомыслящими лишь подготовляют репрессии по отношению к партии в целом. Чем больше режим накапливает затруднений, хозяйствен-

ных и политических, тем нетерпимее он становится. Следует двойной и тройной зажим всего и вся.

МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ

На узком собрании актива в одном из районов Москвы секретарь райкома говорил: «Никакой дискуссии не будет. Мы не допустим. А кроме того, неужели вы думаете, что если в дискуссии победит оппозиция, то мы так-таки и подчинимся? Никогда. У нас классовые разногласия. Если мы будем побеждены, мы предпримем все, чтобы свергнуть новое большинство. Мы не будем так миндальничать, как оппозиция. Мы пойдем на организационные и фракционные работы... Мы сделаем все, чтобы свергнуть».

В сравнении с тяжелой поступью «отца народов» и его меченосцев многие сетования и причитания оппозиционеров кажутся сегодня бессильными всхлипами. Не жалок ли Троцкий, когда говорит, что нужно, чтобы «в каждой партийной ячейке встали бы в решающий момент несколько партийцев, или хотя бы один партиец, и сказали бы...» и т. д., не хочется и продолжать. Встанешь! Атмосфера сгустилась уже настолько, что люди боялись беседовать друг с другом. Обычная отмашка рабочих-партийцев была та, что «если хочешь кусок хлеба, то поменьше говори». На собраниях царила казенщина и неизбежно с нею связанное безразличие. Коммунисты слышали в основном доклады начальства по шпаргалке.

Оппозиция настаивала на отмене чисток партии (по-нынешнему «переаттестаций», которых многие так жаждут). Тех самых чисток, что стали инструментом мести и личной склоки. Проводившиеся часто не на собраниях, а с глазу на глаз, они были не только способом застращивания, но и нравственного истязания. У чистящихся выпытывали доносы, требовали покаяния и предательства, оправдывая это высокими целями. Развились, с одной стороны, скрытый подкуп под соусом выдвижения на места с повышенным окладом, а с другой — практика наказаний в виде понижения в должности или просто увольнения. В обстановке гонений люди не решались отстаивать свои позиции, поддавались угрозам, клялись, заверяли. Недовольство было загнано вовнутрь. Подавленную активность коммунистов верхи именовали победой ленинизма и укреплением единства.

С особым негодованием оппозиционеры отвергали институт так называемых партинформаторов, засылаемых на собрания ячеек в целях выявления «нытиков и маловеров». Сталинский режим с самого начала заботливо пестовал систему доносов, без них он задохся бы, наверное. Жертвами стукачей становились честные партийцы, в том числе бывшие подпольщики. Можно представить себе нравственное потрясение коммунистов, узнававших, что в родной партии за ними ведется полицейская слежка. В архиве есть письмо к Зиновьеву работника газеты «Труд», он рассказывает об официальной инструктивной беседе с ним ответственного секретаря газеты, пытавшегося навязать ему поручение следить за сотрудниками редакции и чуть что... «Вы поймете,— пишет автор,— какой рой мыслей все это у меня вызвало. Как это назвать? Что это исторически собой определяет? Куда это растет?»

Уже в те дни оппозиция видела, куда. В ее документах наряду с возражениями против замены идейной борьбы оргмерами содержатся протесты по поводу передвижки этой борьбы за пределы партии. В разрешении внутрипартийных споров режим обращался за поддержкой к институтам власти. Происходило сложение двух сил, а то и прямое пособничество партаппарата репрессивным органам. Позже кое-что из этой механики было возведено, так сказать, в «уставный закон партийной жизни». Устав 1934 года обязывал «сообщать» о провинившихся коммунистах «административным и судебным властям». А еще раньше Устав был обогащен положением: «Члены партии, отказывающиеся правдиво отвечать на вопросы Комиссии партийного контроля, подлежат немедленному исключению из партии» (с известными последствиями). Не зря заявление 13-ти, другие документы характеризовали ЦКК как административный орган, который выполнял для госаппарата наиболее карательную часть работы, как послушное и на все готовое орудие Секретариата.

Для охраны от «разлагающего яда оппозиции» использовался яд темных инсинуаций и явной клеветы. На собраниях в ячейках докладчики, специально дрессированные, ставили вопрос об оппозиции так, что поднимался рабочий и говорил: «Чего же вы возитесь с ними, не пора ли их расстрелять?» Страна не знала, чего хочет и что предлагает оппозиция, но должна была знать из газет и агитпроповских брошюр, будто «декларации оппозиционного блока являются ходовым товаром в военных министерствах враждебных держав...». Так людей науськивали на врагов «ленинской линии». На собраниях раздавались подсказанные сверху вопросы совсем уже в погромном духе: на чьи средства оппозиция ведет свою работу, откуда, мол, получает деньги? Мало было приписывать инакомыслящим фальшивые цитаты, требовалось приписать и выдуманные действия. И этим подготовить и приучить партийное общественное мнение к восприятию увольнений, исключений и заточений как вполне законных мер.

И уже были высижены «из-под себя» первые шпионы. В общество проталкивалась облитая отравой мысль, что оппозиция в случае войны может оказаться не на стороне Советской власти, выступит в едином фронте с внешними врагами, чтобы нанести поражение своему государству. Тень грязного подозрения была брошена на видных членов партии, выполнявших порученную им Центральным Комитетом дипломатическую и хозяйственную работу за границей. И только за то, что они открыто присоединились к платформе 83-х. Оппозиционеры достойно охраняли интересы государства — Крестинский в Берлине, Преображенский в Париже, Антонов-Овсеенко в Праге, Семашко в Вене, Коллонтай в Мексике. На дипломатических постах честно работали Раковский, Уфимцев, Иоффе, Мдивани, Канатчиков. Но ради того, чтобы стереть оппозицию с лица земли и утвердить свой безоговорочный диктат, сталинские приспешники не останавливались и перед компрометацией государства, марая честь стольких его представителей. Это была лишь запевка — перед тем как раскрутить маховик репрессий до последнего предела.

ДЕМОКРАТИЯ ПАРТИЙНОЙ БЮРОКРАТИИ

Режим аппаратного засилья искал для себя теоретического оправдания, жаждал быть в глазах людей увенчанным нимбом демократизма. Отвечая этой потребности, секретарь Московского комитета ВКП(б) Н. А. Угланов решил дать определение сущности внутрипартийной демократии. В его определении, однако, роль активного начала осталась исключительно за партийным аппаратом, а партия выступала лишь в качестве материала.

Демократия, по Угланову, состоит в том, «чтобы своевременно и правильно ставить перед партией задачи». Для него несомненно, что задачи ставит аппарат и только аппарат, и если он их ставит своевременно и правильно, причем о своевременности и правильности судит он сам, то это и есть «внутрипартийная демократия».

Демократия состоит, далее, в том, «чтобы втягивать в обсуждение и разрешение этих вопросов широкие массы партийцев». Партия изображается тут в виде инертной массы, она так упирается, что ее надо тянуть на аркане к обсуждению задач, которые ставит перед нею тот же партийный аппарат. И вот если он своевременно ставит, а затем правильно втягивает, то это и есть «внутрипартийная демократия».

Демократия состоит еще в том, чтобы «проверять на настроениях рабочего класса правильность нашей политики и на основе такой проверки выправлять линию». Тот самый аппарат, который ставит, втягивает, разъясняет,— этот же аппарат проверяет свою политику на настроениях, чтобы затем выправлять линию. Таким образом, линию выправляет тот же, кто ее создает: аппарат. Он ставит задачи «правильно и своевременно», то есть те задачи и тогда, какие и когда найдет нужным. Он втягивает партийцев в их обсуждение в тех рамках и пределах, какие считает правильными и своевременными. Он разъясняет то, что находит нужным, через партию рабочему классу. Он, аппарат, проверяет результаты своих действий на настроениях. И он же на основе такой проверки оценивает свою линию.

Никаких других черт демократии руководитель московской организации не указал. Пытаясь определить сущность демократии, он определил сущность бюрократии. (Совсем как щедринский градоначальник, который однажды начал объяснять глуповцам права человека, а кончил тем, что объяснил права Бурбонов.) У него выпали даже такие черты демократии, как выборность, коллективность в принятии решений.

Прежде провозглашали открытое, свободное обсуждение всеми членами партии всех важнейших вопросов партийной жизни и свободу дискуссий по ним. Теперь же оставалось в дисциплинарном порядке проводить дискуссии по назначению сверху, обсуждать то, что прикажут обсуждать в видах зондирования настроений. Эта казарменная установка была впоследствии закреплена в Уставе 1934 года. Раздел о внутрипартийной демократии огораживал право на дискуссию такими колючками устрашающих фраз, которые заставляли шарахаться от такого права. Дискуссия могла быть объявлена, если ЦК найдет «необходимым проверить правильность своей политики путем дискуссионного обсуждения в партии». Всякая дискуссия и в отдельных организациях, и в партии в целом должна быть «организована». Причем, главное, так, чтобы «незначительное меньшинство не могло «навязать свою волю громадному большинству». То есть спорить разрешалось о том, с чем и без того все (виноват, «громадное большинство») согласны. Иначе, стращал Устав, хана всей силе и стойкости «диктатуры пролетариата на радость врагам рабочего класса».

Уже с середины 20-х годов нормальные дискуссии, без которых нет развития, были, в сущности, запрещены навсегда. Создавалась некая теория, что спорные хозяйственные и политические вопросы могут решаться без обсуждения. В партии лишь «широко пропагандировали» то, что решено за ее спиной, без ее ведома и согласия. В степень теории были возведены официальные клише, которые повторяются у нас до сих пор, вроде тех, что обнаружение разногласий — лишь «вода на мельницу», что дискуссии отвлекают от делания дела и т. п.

Зажим дискуссий и критики снизу сопровождался неистовой односторонней полемикой против оппозиции сверху. И все больше полемика вырождалась в проработку, оскорбления, прямую брань.

Чтобы порочить доводы человека, надо порочить самого человека — таково давнее правило полемистов известного рода. А еще лучше — объявить, что доводов вообще нет. Этот прием постоянно и не слишком искусно использовал Сталин. Троцкисты, говорил он, «перестали быть политическим течением в рабочем движении... они превратились в беспринципную и безыдейную банду профессиональных вредителей, диверсантов, шпионов, убийц. Понятно, что этих господ придется громить и корчевать беспощадно, как врагов рабочего класса, как изменников нашей родине. Это ясно и не требует дальнейших разъяснений». Видите, течения нет, идей нет, значит, и спорить не о чем, хотя еще вчера сам он неустанно внушал, что троцкизм стремится заменить собою ленинизм. И вдруг исчез. Вместо политического течения остались одни «факты» преступных действий, подработать которые — дело для карательных органов пустяковое. Да и они, факты, не нужны. Государственный обвинитель Вышинский на московских процессах опирался на эту тираду Сталина как на самый что ни на есть фундаментальный «факт».

Сколько же лютой злобности, смертной вражды было привито обществу в ту пору. И как трудно избыть сегодня это наследие. Мертвый хватает живого. Необходимую и неизбежную полемику многие, похоже, понимают как распрю и публичное поношение новых врагов. И справа, и слева, и сполулева полемика сплошь и рядом ведется с крайним раздражением, ничем не мотивированной ненавистью, с чисто большевистской нетерпимостью. Готовы на ровном месте, порою из-за пустяка, сами себя развести по разные стороны «баррикад». Спорят люди уважаемые, бог знает чем колют глаза, думая — противникам, а на самом деле самим себе, забывая, что личная нравственная высота — важнейшее условие убеждения свидетелей любого спора. В ходу двойной счет, двойной суд в оценке себя и других. Фокусы двойной бухгалтерии просты: то, что в моих устах критика, то в твоих — нападки, очернительство, погоня за популярностью. Мне позволительно громить и сокрушать, ты же обязан быть паинькой, терпеливо и педагогично поправлять, проявляя благожелательность. Я воплощенная скромность, ты самозваный выскочка. Словом, я благороден, что и доказывается твоей испорченностью.

Вот и Борис Олейник в своей программной двухполосной статье «Размышления и уроки» («Правда» от 23 и 27 октября минувшего года) не уберег себя от соскальзывания на такие же, в сущности, приемы критики, которыми попрекает других. Многие с ним согласятся, что играть на эмоциях толпы, пуская слушок про того или иного «партократа», будто у него подвалы забиты икрой и прочим дефицитом,— последнее дело. Однако ничем не лучше, на мой взгляд, и призывы автора поинтересоваться образом жизни и доходами «борцов за народное счастье» (презрительными кавычками он помечает неугодных народных депутатов, которых именует — без кавычек — обнаглевшими нуворишами). Призывы допросить депутатов: где лечатся, в каких местах прячут гаражи и дачи? Какую зарплату положили себе руководители некоторых общественно-политических движений за счет взносов малоимущих и за счет свободно конвертируемой валюты? А уж замыслы оппонентов КПСС, «истинное лицо» неназываемых «нововявленных лидеров и в парламентах, и в партийных звеньях» рисуются сплошь черной краской. Известно: порядочный человек и в противниках своих видит людей порядочных. Так считает и Б. Олейник, ибо говорит, что наличие совести «нормальный человек предполагает даже в самом заклятом своем враге». Однако «нововявленным» (не заклятым врагам, а таким же, как и сам, депутатам) в существовании этого ингредиента тут же отказывает: «У них отсутствует **элементарная** (подчеркнуто) **совесть».**

На таком-то уровне «этики спора» мы, коммунисты, нередко ведем политическую полемику, одновременно возвещая, что мы за диалог, за творческое сотрудничество с другими партиями и движениями, за поиск согласия. Такая метода означает именно «повторение пройденного». Еще оппозиционеры 20-х годов называли подтасованной

идейную борьбу, в которой смешивают божий дар с яичницей, вытаскивая на общественную трибуну не идущие к делу личные характеристики и намеки на посторонние обстоятельства. Интересно в этом отношении письмо Троцкого к Ярославскому как члену Президиума ЦКК: «Можно считать привилегии чрезмерными. Можно их ограничивать. Всякой такой мере, поскольку она коснулась бы меня, я подчинился бы, думаю, не хуже всякого другого товарища. Но упоминать об автомобиле в связи с политической полемикой по принципиальным вопросам,— значит заниматься инсинуациями, что особенно недопустимо со стороны члена Президиума ЦКК. Именно тут приходится вспомнить Ваши же слова о том, что позорно примешивать личные моменты к таким большим вопросам».

Идеи побеждаются только идеями. Уважающий себя полемист обращает главное внимание на те аргументы своих оппонентов, которые сами они считают наиболее убедительными. Чтобы опровергнуть противника, указывает в «Науке логики» Гегель, надо вникнуть в то, что составляет его сильную сторону, и поставить себя в сферу действия этой силы, «нападать же на него и одерживать над ним верх там, где его нет, не помогает делу».

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ КРАСОТЫ

В стенограмме Объединенного пленума ЦК и ЦКК (октябрь 1927 г.) были отмечены далеко не все грубые реплики, которыми Троцкого постоянно перебивали из президиума. Не было указано также, что из президиума в него был брошен стакан. Что его пытались за руки стащить с трибуны. Не записано, что Ярославский швырнул в него томом контрольных цифр. На этот поступок Троцкий в своем заявлении в Секретариат ЦК обращает особое внимание, желая вскрыть его морально-политический смысл. Как же так? Рабочего-партийца за резкое слово в ячейке во время прений могут исключить из партии. А тут Ярославский, один из организаторов и руководителей этих исключений, член Президиума ЦКК, считает возможным в высшем органе партии прибегать к подобным методам. (Вспомним, что Ем. Ярославский в 1924 году выступал на пленуме ЦКК с докладом «О партэтике». В сборнике «Партийная этика», Политиздат, 1989, под моральные сентенции Ярославского, довольно плоские, отданы десятки страниц.) Шверник «также бросил в меня книгу... Надеюсь, что его подвиг будет закреплен в стенограмме».

Ни одна из этих выходок не встретила осуждения со стороны президиума. Что все это означало? Из речи Троцкого при исключении из ЦК: «Зачем Ярославским, Шверникам, Голощекиным и другим спорить по поводу контрольных цифр, если они могут толстым томом контрольных цифр запустить оппозиционеру в голову? Сталинщина находит в этом свое наиболее разнузданное выражение, доходя до открытого хулиганства... Уже раздаются голоса: «тысячу исключим, сотню расстреляем — и в партии станет тихо». Так говорят несчастные, перепуганные и в то же время осатаневшие слепцы. Это и есть голос термидора. Худшие, развращенные властью, ослепшие от злобы бюрократы подготовляют его изо всех сил».

Разумеется, опираясь на «мнение народа», «партийных масс». Сцены, вроде той, что разыгралась на Объединенном пленуме, служили подсказкой, в каком духе следует и внизу проводить «дискуссии». Эти руководящие сигналы мгновенно подхватывались и яростно воплощались в практику. На собраниях организованные группы проинструктированных крикунов срывали стуком, шумом и свистом попытки сторонников оппозиции объясниться с активом. Горланы и свистуны нередко бывали организованы в строго военном порядке. На одном из собраний московского актива командир боевиков дирижировал ими, сидя спиной к трибуне.

Если нет аргументов,— поднимай невообразимый грохот и шум. А потом издевательской ссылкой на общественное мнение доказывай, что люди так идейно выросли, что не нуждаются в выступлениях оппозиционеров и не хотят их слушать... Да, замена доводов свистом и топаньем, выталкиванием, улюлюканьем — зрелище удручающее. Но вот ведь что получается. В одной из записок в Политбюро, под которой стоит и подпись Троцкого, система насильственного срывания собраний организованными группками оценивается чуть ли не как бесценный опыт, если... если он используется не против нас, а нами. «В прошлом нашей партии такие средства применялись на собраниях, созываемых буржуазными партиями, а также — на собраниях с меньшевиками после окончательного раскола с ними». Теперь же, «внутри нашей партии», не надо. А ведь тысячелетия назад было заповедано: не поступай с другими так, как не хочешь, чтобы с тобой поступали. Но, видно, некоторые «славные традиции» бывают посильнее моральных запретов...

О том, что выходит, когда подобные приемы «полемики» становятся достоянием толпы, показала демонстрация по случаю 10-й годовщины Октября. Было все. Снабженные свистками и пищалками кучки дезорганизаторов пытались внести в шествие озлобление и довести дело до столкновений. В разных районах Москвы рабочих, несших лозунги оппозиции «За ленинский ЦК ВКП» (т. е. не за тот, что существует), «За подлинную рабочую демократию», жестоко избивали. Особенно преступными считались полотнища с призывом выполнить завещание Ленина. Этот ненавистный оппозиционный плакат выхватывали из рук, срывали со стен и уничтожали на глазах милиционеров и зевак. Избивали и тех, кто осмелился выйти с официально изданными портретами руководителей оппозиции, а портреты рвали на куски и втаптывали в грязь. Побои сопровождались антисемитскими выкриками, независимо от национальности избиваемого. На гостиницу «Париж» (Дом Советов), где на балконе находились оппозиционеры, был совершен налет. После бомбардировки картофелем, льдинами, камнями, палками налетчики ворвались на балкон, вытолкали людей и закрыли в одной из комнат, приставив военный караул. Некоторых избили, в том числе членов ЦК Смилгу, Преображенского. Квартира Смилги была разгромлена. Среди налетчиков были пьяные.

Одну из характерных особенностей позорных бесчинств оппозиционеры усматривали в том, что худшие элементы сталинского аппарата орудовали «в союзе с прямыми отбросами мещанской улицы». Могли бы сказать: люмпенами. Теми самыми, как писал Ф. Энгельс, «отбросами из деморализованных элементов всех классов», которые сосредоточиваются главным образом в больших городах и которых он характеризовал как наихудших из всех возможных союзников: «Этот сброд абсолютно продажен и чрезвычайно назойлив... Всякий рабочий вождь, пользующийся этими босяками как своей гвардией или опирающийся на них, уже одним этим доказывает, что он предатель движения».

...По итогам юбилейного торжества Центральный Комитет и ЦКК, «выполняя волю партии», исключили из ее рядов Троцкого, Зиновьева и других оппозиционеров, которые, «грубо нарушив советские законы», выступили на улицах с антипартийными лозунгами. «Против троцкистов поднялась волна народного гнева и возмущения». Это из «Истории КПСС» под редакцией Б. Н. Пономарева, 1984 год, издание седьмое. Седьмое переиздание «Краткого курса».

«И ВЕЧНЫЙ БОЙ...»

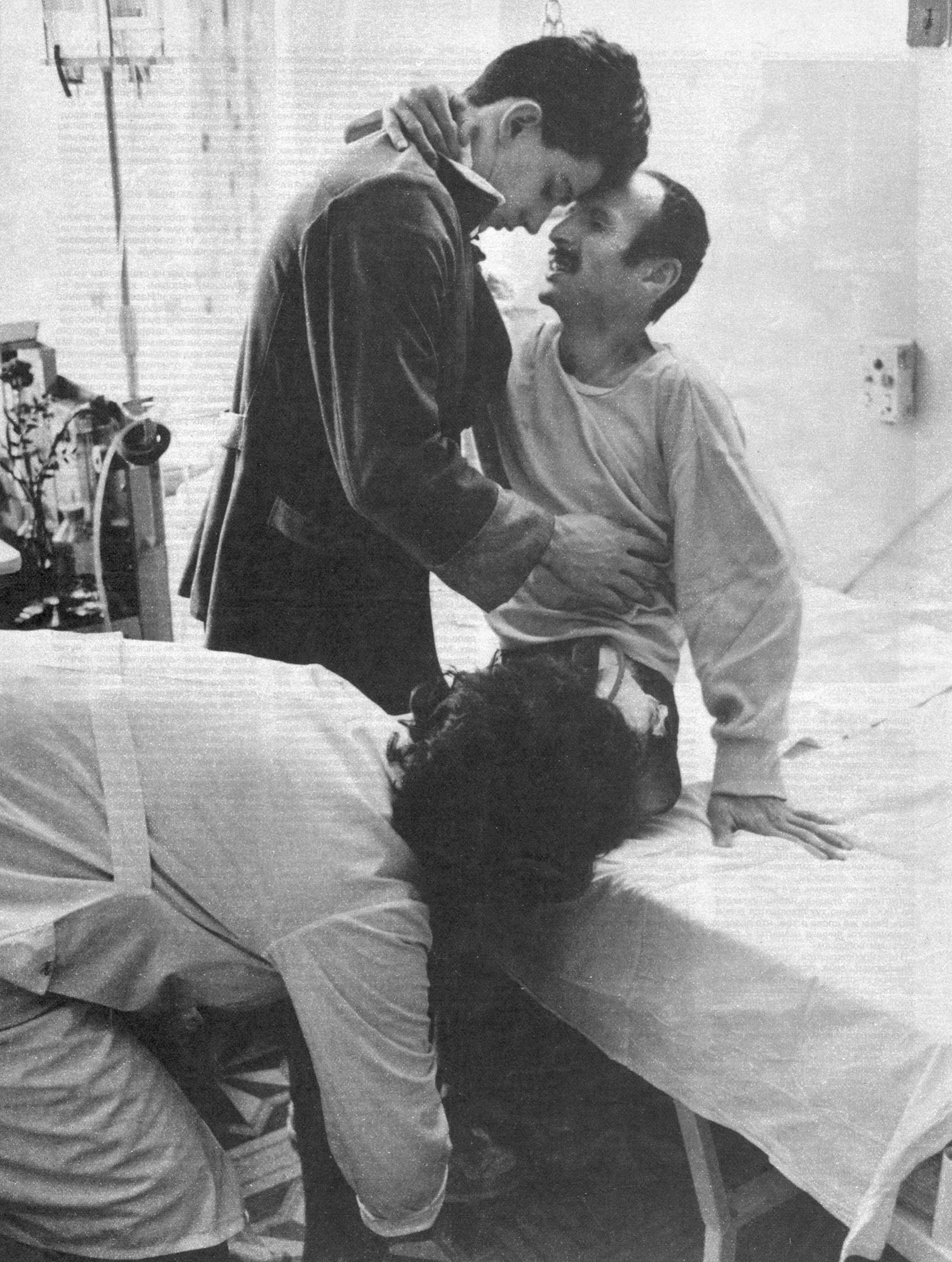
Троцкизм и троцкистов у нас проклинали, мучили, уничтожали, не зная толком, за что. И разве лишь о троцкизме или ином каком-нибудь «изме» сейчас речь?

Кого только мы не сталкивали в «помойную яму истории», кого только не гнали и не отлучали! Насмерть бились со славянофилами, народниками, плехановцами, великими русскими философами-идеалистами, литературой русского зарубежья, не показывая и кончика тех воззрений, над которыми одерживали (в воображении) блистательные победы. Эти победы ослабили и опустошили нас. И сама она, наша история, не оказалась ли в такой же яме идеологии? Не загнана ли в казенные учебники «истории без лиц», из коих только и можно узнать что о триумфах генеральной линии над оппозициями, уклонами, антиленинскими течениями?

Помаленьку начинаем одумываться. Но многое словно сидит в генах. Жажда битвы. Жажда опрокинуть, отбросить, смять. Все как одержимые хотим побеждать, и никто не хочет убеждаться. Хотя бы выслушать. А ведь любовь к правде неотрывна от искреннего желания понять, почему другие думают не так, как мы. Не всем нам доступна и простая диалектика древних, считавших, что само поражение в споре не слишком огорчительно, ибо побежденный больше выигрывает: он умножает свои знания. Напоминание об этом в нынешней накаленной атмосфере есть, что и говорить, чистое прекраснодушие. Слишком притупилось чутье к нарушениям кодекса чести в политической, научной, литературной борьбе. И все же, верится, придем и мы к цивилизованной полемике.

Пока же нам часто не хватает умения взглянуть на дело с чужой точки зрения, поставить себя на место другого и увидеть то, что видит он, вникнуть в ход его мысли и понять, каким образом, в какой обстановке его мнение могло родиться. Способность увидеть суть проблемы так, как видит ее другая сторона,— значит глубже в ней разобраться. Человек не может ошибаться сознательно. Источником заблуждений является, как отмечал И. Кант, «видимость истинности», не личный обман, а обманчивая идея. Не дико ли звучат, к примеру, речи Троцкого о том, что всем коммунистическим партиям мира «предстоит пройти через стадию фактического ниспровержения демократического государства. Это задача гигантской трудности; в странах старой демократии — в тысячу раз более трудная, чем у нас... Остается (для них) еще самое главное: революционно ниспровергнуть демократию, глубоко вросшую в национальные нравы, ниспровергнуть на деле». И все во имя высшей, пролетарской демократии. Какое помрачение ложно направленного ума! — скажут читатели. Но будем объективны. Ведь и сами мы еще вчера стояли во главе «могучего социалистического лагеря», в котором оказались сброшенными чуждые «национальным нравам» казарменные режимы.

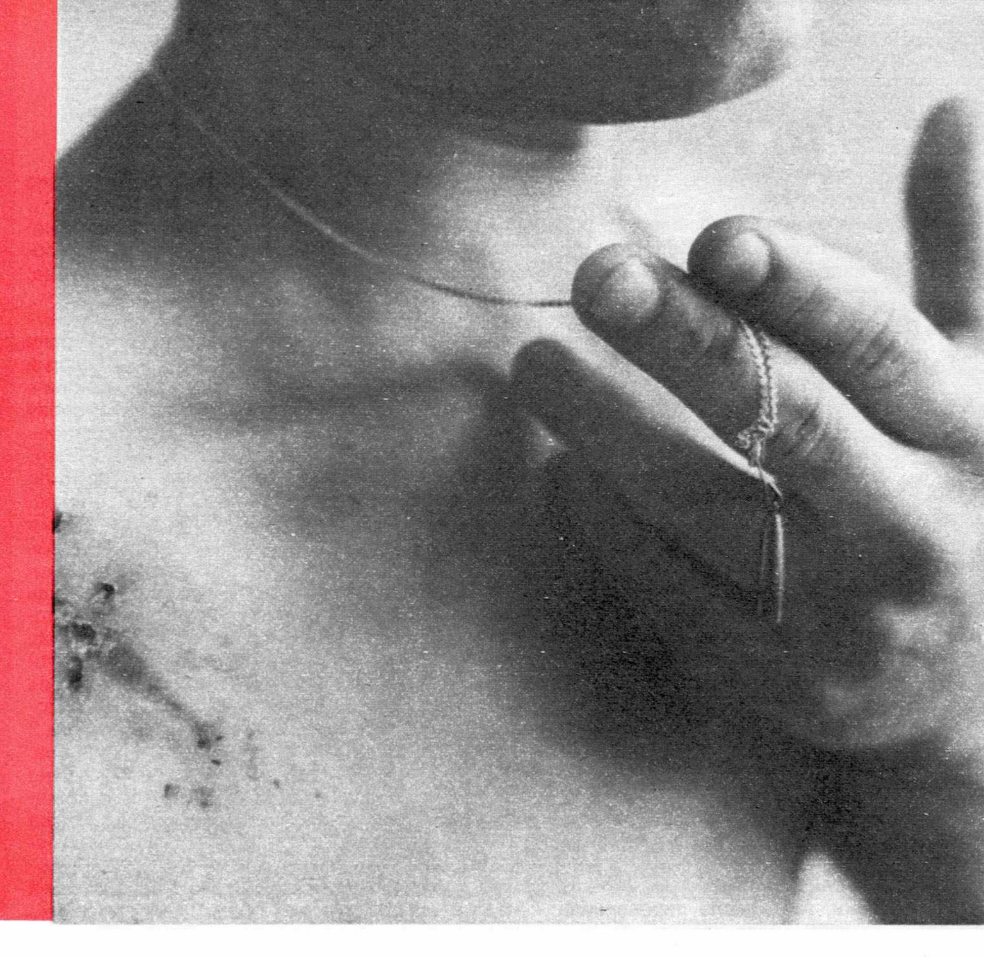
Нас обступали «видимости» со всех сторон. То бродячий «призрак коммунизма», то болотные огни мировой революции, то химера сотворения рая земного в отдельно взятой стране, то фетиш гениальных вождей. И тот же, по слову Троцкого, «призрак троцкизма». Освобождаясь от «видимостей», мы учимся смотреть открыто и прямо на то, что было, и на то, что есть.

ПУЛЯ НА ШЕЕ

Георгий РОЖНОВ

Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА

Ездить, ходить сюда — не могу больше, хватит. Смотреть, как по коридорам, по аллеям сада ковыляют то с палочкой, то на костылях, то по самые глаза спеленатые бинтами стриженые пацаны, ловить их то отрешенные, то сочащиеся болью, то злостью горящие глаза, слушать, как в операционной клацают в тазик то пули, то осколки, как хирург в свете плафонов рявкнет вдруг: «Сердце ему держи, уйдет ведь!», как по средам (посетительский день) съехавшиеся со всей страны отцы, матери, сестры, невесты лежащих здесь ребят хватают за рукава халатов то врача, то медсестру, то фельдшера и кто-то благодарит, кто-то молит о чуде, а кто-то криком кричит слова, которые тут бы забыть... А потом выходишь за ворота, едешь в автобусе или электричке, идешь по улице, где все могут ходить, толкаться, хохмить или собачиться в очередях, смотреть по телевизору обязательные теперь шоу или ленивое переругивание политиков, пугать друг друга отменой очередной купюры и ростом цен — час назад в какую жизнь меня занесло, почему не знал ее раньше?

Помолчу сейчас и продолжу строже, спокойнее.

Я был в Центральном госпитале внутренних войск МВД СССР, что от Москвы совсем рядом. Бывал там в прошлом году — после Ферганы и Карабаха, навещал друзей. Они лежали с обычными, как мы с вами, сугубо штатскими болезнями и как-то стеснялись своих инфарктов, гипертонии, простуды перед теми, кого вносили сюда на носилках, прошитых пулями и осколками, остро заточенными палками или железными штырями или горевших в подстреленных бэтээрах — все там же, в горячих точках,— новое понятие в нашей географии.

В прошлом году в госпиталь привезли восемьдесят пять таких горемык, у каждого в истории болезни одна и та же строчка: «Огнестрельное ранение». Или: «Травма черепа». Или: «Множественные ожоги». Сорок пять из них дышали на ладан, пульс нащупывался с трудом. Так вот, ни один из приговоренных к смерти в этом госпитале не умер, ни одной похоронки отсюда не ушло. Тринадцать мальчиков стали инвалидами, кому восемнадцать, кому девятнадцать годков. Семьдесят два парня уехали по домам здоровыми абсолютно, только шрамы да память горькую увезли с собой.

Этот госпиталь фронтовой. Если мы услышим весть еще из одной горячей точки, в тот же день из Москвы на транспортном самолете ВВ туда, где идут бои, вылетит медсанбат — и врачи всех специальностей, и сестрички. Вместе с ящиками с аппаратурой и лекарствами они повезут лично для себя каски, бронежилеты и автоматы — это когда ТАСС сообщит, что обстановка (перечислять — где?) обострилась и туда введены подразделения внутренних войск. Я прошу не путать их с частями армии, которая стоит под началом маршала Язова,— не ВВ грохотали танками в Баку и Вильнюсе, не они лупцевали людей саперными лопатками в Тбилиси. Но это я так, к слову,— каждому свое. И вообще Боже нас упаси переносить гнев с политических бездарей на подневольных исполнителей, на наших с вами сыновей в военной форме. И разговор-то сейчас о другом: коли уж нам суждено слышать выстрелы то в одной, то в другой республике, коли пуля боевика все-таки достает то солдата, то офицера, будем спасать их от смертей и увечий, возвращать если не в строй, то по родным домам такими же крепкими, какими они уходили под ружье.

Здесь, в госпитале, это умеют, не знаю, право, как повезло здешнему начальнику подполковнику медицинской службы Служаеву Геннадию Васильевичу окружить себя такими профессионалами, такими подвижниками. Я, когда наслушался о них добрейших слов от раненых, от их родных да еще начитался писем, которые те сюда присылают с благодарностями, поклонами, благословениями, когда сам познакомился с хирургами, терапевтами, анестезиологами, сестрами, когда поддался их обаянию и был очарован каждым, решил за рассказ не браться, слишком уж будет он восторженным, пышнословным, пусть они сами о себе говорят, а мы уж послушаем.

Голик Мария Серафимовна, старшая медсестра реанимационного отделения, солдатики зовут ее то по имени-отчеству, то «тетя Маша», а врачи постарше — и Машенькой; ей слово первой.

Вот послушайте, что она мне вспомнила:

— В январе прошлого года, 12 числа, нас подняли по тревоге — подполковников медслужбы Харькового и Хоребу, приказали вылететь в Степанакерт. Сначала сели в Гяндже, потом тут же на военном вертолете полетели дальше. Задача: срочно развернуть медсанбат в высокогорном поселке Шуша. Сели в машину с красным крестом, там уже был старлей, представился: Альбиков Сергей. В каске, бронежилете, автомат на груди. Спрашиваю: вы взводный? А он: да врач я, терапевт. Так же и нас экипировали. Добрались до Шуши нормально, никто не стрелял, а тут сообщение: срочно ехать в поселок Мартуни, там солдата ранили в голову. Умер он, нас не дождался. А когда в Шушу возвращались,— шквал огня. Мы залегли, отстреливались. Пронесло. 18 января я на военном вертолете повезла в Тбилиси, в госпиталь, солдата и офицера. В районе Казаха нас обстреляли, вертолет то в сторону, то вниз, я солдатика на руках держу, уколы еще исхитряюсь делать. Довезла.

В мае девяностого летала в Ереван, там наш караул обстреляли — на вокзале, помните? Командующий войсками прислал свой самолет, мы там все столики, все кресла перевернули — надо было носилки ставить. Я прошу пилотов: миленькие, скорее, не довезем ведь. На полчаса раньше в Москве сели, все были живы, в сознании. Спасли всех, кроме Терещенко, лейтенанта,— пули были у него в позвоночнике, умер он в госпитале имени Бурденко, двадцатилетний, красивый, у него только губы и двигались — улыбался. Не знаю, может быть, нам скоро в Осетию лететь?

Полковник медицинской службы, начальник хирургического отделения Гордеев Евгений Петрович, сорок три года, побывал в Афганистане.

— Я уже старый,— смеется.— Вы знаете, сколько хирурги живут? У меня было два учителя — Трусевич Георгий Петрович и Егоров Владимир Иванович. Оба умерли от инфарктов — Егорову было 56 лет, а Трусевичу и того меньше — 50. Нормальный хирург, бывает, стоит за операционным столом по 10—12 часов, и не просто стоит — работает. Для меня, когда я беру в руки скальпель, нет ни своих, ни чужих страдальцев. В Афгане я оперировал и земляков, и душманов, здесь так же: будь ты наш солдат или боевик, в этого солдата стрелявший,— я обоих заштопаю. Я говорю так: перетащу-ка я тебя, голубчик, назад — из смерти к жизни. Так я и Саше Яковлеву сказал — он рядовой, из того самого караула, который расстреливали на вокзале Еревана. Очередь прошила ему живот, там одно месиво было. Я с ним три месяца возился, недавно домой проводил. А Сережа Платонов? У него пули раздробили бедро, началось воспаление, один выход — ампутация. Дудки! Через полгода на своих домой пошел. Откуда сейчас раненых ждать, не знаете?

Врач-терапевт, подполковник медицинской службы Сементковский Виктор Михайлович:

— С медсанбатом я побывал в Ленинакане, Спитаке, Баку, Фергане, Яйпане, Коканде, Маргилане. Можно, я ничего не буду рассказывать?

Врач анестезиолог-реаниматор, подполковник медицинской службы Харьковой Олег Александрович:

— Никому не пожелаю увидеть то, что увидел в Сумгаите, еще в 87-м году, в феврале. Десятки наших солдат были буквально растерзаны толпой, не надо подробностей, хорошо? Их послали против тысяч озверевших людей — с автоматами, но без патронов. В них летели ножи, камни, пики, в них палили и из нарезных ружей, и из пистолетов, а парни стояли живой цепью, безоружные, беззащитные. Это каратели? Это оккупанты?

Доктор Сергей Альбиков, старший лейтенант, вместо рассказа всем нам спел свои собственные песни под гитару.

Вот несколько куплетов из них, каждый может подобрать два-три аккорда и спеть по-своему, если слова придутся по душе.

Вот из одной песни: «Здесь садится солнце на крутые горы, но обманчив этот ласковый закат. Вспомнив на дорогу дьявола и Бога, вверх по ней уходит в горы медсанбат». Из другой: «Серый туман на исходе лета, серый туман плотной стеной, ветер шальной, цепью стоим в бронежилетах, бедам дорогу закрыли мы цепью живой». А вот совсем неожиданное: «Кто-то сказал, что теплее в жилетах, вовсе не греют такие жилеты солдат». «Очень обидно глупо погибнуть, это случается здесь иногда».

Каждый, кто уходит из госпиталя домой, песни эти обязательно перепишет. И еще непременно выпросит у доктора или сестрички пулю, которая хотела его убить. И на ниточке повесит на шею.

ЭМИГРАЦИЯ ПО-РУССКУ...

Галина ЩЕРБАКОВА

Рассказ

Я знаю ее, сколько помню себя. Теперь мне даже кажется, что она появилась в моем детстве не случайно. Она своим явлением как бы запустила ход механизма осознания меня собой, с чего все и пошло-поехало, и не возникни она тогда — где бы я была сейчас? Может, в каком-нибудь дурдоме пускала бессознательную слюну, а может, кем-то другим запустился ход моих клеток, и я стала бы Раисой Горбачевой или Эдитой Пьехой? И не бежала бы я сейчас, как идиотка, через этот чертов овраг на Звездном бульваре, а тыкала бы в жизнь нежным пальчиком: с какого, мол, боку тут вкуснее и мягче?

А с другой стороны, если по-честному... На хрена? Тем более сомневаюсь я очень, что эти мною упомянутые дамы так уж действуют нежным пальчиком. Под каждой крышей соответственные мыши. Я обожаю эту притчу о котомках с горем. Припер их народ нашему Богу, кто-то ему, народу, сказал, что Бог разрешил: «Пусть приносят свое горе». Свалили люди свое горе под царские врата и рванули домой. Но случилась какая-то незадача, и Бог велел вернуть людей, чтоб они назад забрали свои котомки. И вот народ ринулся обратно к вратам и стал разыскивать каждый свой мешок. Не то чтобы кто-то принес большой, а норовил схватить малюсенький. Нет! Каждый отыскивал свое горе.

Для меня в этой притче — все. Вся человеческая природа. Хоть какое, но мое. Я сама такая. А то, что такая, это точно оттого, что мы с ней в детстве встретились. И теперь у нее заболит — у меня тоже, она подумает, а я начинаю бежать в том направлении, которое в ее сером веществе смутно сложилось в какой-то образ дороги.

У нее — образ. А я бегу...

Первое воспоминание такое. Мама ладонью черпает воду из корыта, которое стоит у стока с крыши. В нем копится дождевая вода «для головы». «Для лица» и тем более «питья» вода эта не годится никоим образом — пойдешь пятном, изойдешь рвотой, ибо — какой отвратный союз! — ибо именно в дождевой воде набирает вредную силу ржа. Ржавчина, значит. Почему она там набирает силу? Где это записано? Кто это сказал? На эти вопросы ответов не будет.

И вот несмотря на все это — что уже непостижимо,— моя собственная мама, грубо взбаламучивая воду, умывает меня из запрещенного корыта. Для такого нарушения правил жизни должно же что-то произойти? Должна же быть причина? Причина стоит, можно сказать, на глазах. Это толстая девчонка с большими и немигающими буркалами. Я до сих пор не отвечу на вопрос: красивые они у нее или нет? Широкие, высокие и вперед-глаза. Цвет — гудроново-серый. Ресницы — на вид — колючие, жесткие и как деготь. Абсолютно не требуется красить. Ощущение грубой накрашенности есть изначально. И даже возникает мысль — накрасилась небрежно, комками и теперь боится сморгнуть, не мигает, а у другого, глядя на нее, начинает пищать слеза от ее будто бы напряжения, которого на самом деле у нее-то нет!

«Да не глазливая я, не глазливая!» Это ей надо всю жизнь повторять, объясняя свой тяжелый, немигающий взгляд, особенно в тех случаях, когда ей предъявляют маленьких детей. И я тоже всю жизнь подтверждаю это. Не глазливая. Верно. Наоборот! То есть, «наоборот», не то слово, она и хорошего ничего не может, не в том смысле, конечно, что не может — не хочет, стерва, мол, а в смысле не обладает какой-то там экстрасенсной силой. В общем, глаза ее — камень преткновения в знакомстве. Почему они такие? Это ведь каждому объясни, а я сама не знаю, но говорю: бояться ее глаз не надо. Не опасно. Просто такие глаза. Возвращаюсь в детство. Мама сказала мне тогда, после дождевой воды:

— Ганя! Дружи с девочкой. Видишь, на ней все чистое и сидит, как на человеке, а тебя как в ступе толкли.

Я подошла и ткнула ей пальцем в глаз, так он меня, ребенка, вывел из себя. Собственно сам этот факт ткнутия я не помню. Но история — как это говорится? — передавалась изустно. В ней фигурировали две девочки — чистенькая и грязная. Сказочной метаморфозы тут не было и даже не подразумевалось. Грязная оказывалась и дрянью. Это она ткнула пальцем в глаз чистую. Хорошо еще, что ее мама перед этим вымыла ее лицо и руки дождевой водой, а то ведь могла и инфекцию в глаз внести. Ганя эта — я, значит,— была затруха будь здоров. Я уже теперь полезла в словари, почему затруха? Быть затрухой — быть обсыпанной? У мамы понятие было шире. Мамино понятие приближалось по внутренней глубинной сути скорей к затраханности. Это уже сегодня понятно всем. «Меня затрахали». И не надо лезть в словари. Достаточно посмотреть на человека. Но мама все-таки говорила — затруха.

Маленькая фонетическая разница. А и У. Как в букваре — ау, уа. Смещение звуков произошло уже во времени. Затруха (неопрятная, во всю грязь вступающая девчонка, вечно со следами съеденного и изжеванного на груди и животе, одним словом, дитя, которое не гордость матери) превратилась в затраху (советскую женщину из очереди, из автобуса, из бельэтажа театра, из гинекологического кресла, где она возлежит с враз озябшими, голыми ногами, потому что кресло прямо перед форточкой, пронзительно дует в самую нутрь, а врач ушла в соседний кабинет мерить австрийские сапоги, а ты лежи, это твое место и время, дура распятая. И как точка, как тавро — затраха!).

А что стоило сказать мне в детстве: «Красавица ты моя! Куколка!» Глядишь — и было бы все поиному (Горбачева или Пьеха).

Мама же как бы словом определила мне жизнь. Только не ищите в «затраханности» полового смысла. Полное наличие отсутствия. Но это, так сказать, отступление, которое вполне можно — вэк. Так тоже говорила мама. В смысле — долой, вон.

Меня преследуют слова детства. Иногда я не знаю, куда мне от них деваться. Например, одоробло. Нет такого слова, оказывается. А во мне есть. Это плохая, неуклюжая мебель, неподъемная кладь, это то, что ни в дверь, ни в окно. Гроб с покойником в пятиэтажке. И хоть бы одно, хоть бы одно из моих детских слов несло счастливое содержание. Даже слово «скрипачка» рифмовалось в каком-то стишке с «болячкой». Так вот и живи потом.

Итак, давным-давно, умытая дождевой водой, я получила наставление дружить с девочкой, отличавшейся от меня незатруханностью и бельмами навыкате.

— Варенька! — сказала мама противным, не своим голосом. Этот голос всегда выдавал ее. Она оскорблена, задета, возмущена, а голос весь аж липнет, столько в нем сладости. Эти новые соседи — мать и дочь — чем-то задели маму. Обе в белых отглаженных платьях с мережкой по подолу, в белых баретках, на плечи накинуты баядерки. «За всю свою жизнь,— кричала мне мама уже перед смертью,— я не сносила хорошей баядерки! Даже вигоневой, не говоря уже о гарусе. Такое мое счастье».

Думаете, что это такое — баядерка? Кофта на пуговках с глубоким мысом, дерьма пирога. Так вот у наших новых соседей баядерки были сразу, а мама о них еще мечтала. Отсюда и голос ее с перебором липкости, чтоб никто не догадался о ее обиде. Это было то довоенное время, когда, несмотря на все, еще и маленько стыдились в себе плохого. Это уже потом всем миром сообразили, что накладно для выживания носиться с маленьким стыдом, а с большим тем более. Накладно!

Но самое интересное в словах — это зависимость от них всей жизни. Роль, так сказать, клейма слова. О ней же чистенькой — было сказано так: «О, эта Варенька!» «Чурка с глазами!» — вставила я. «Нет,— ответила мама.— Она умненькая. Она глазастенькая. Она на три метра под собой все видит. Ты у нее учись...»

Вот откуда это мама знала?

С тех пор мы и дружим. И ничего не изменилось в раскладе. Я, конечно, учусь у нее, как мне предписано судьбой, что не мешает мне одновременно тыкать пальцем в ее поступки и в ее слова. Я ее все время уличаю и разоблачаю, а она все это сносит и дружит. Я бы с собой — скажу честно — сроду не дружила. Я бы уже подложила себе такую подлянку, что не обрадовалась бы, но ей мои мелкие подлости хоть бы что. Только, ради Бога, не подумайте, что Варвара — размазня или ангел. Тут вы сразу попадете пальцем в небо. Она крутая и сильная, как вездеход или там ломовик. Но у нее есть любимая фраза: «Людям и без меня хуже некуда...» В общем, она старается не отягощать жизнь другим. Мне, например, не дает сдачи. Из этого ее принципа проистекают и другие ее свойства: автономность защиты и самозащиты, такое «извините, я сама, вам и без меня хуже некуда». Но это потом сформулируется в слова, а начиналось все, как у детей. Меня вымыли ржавой водой, я отомстила пальцем в глаз, мама своей тяжелой рукой двинула меня по спине, ее мама перехватила руку, поднятую для второго воспитательного раза, Варвара молча терла ткнутый левый глаз, правым изучая меня, до сих пор помню и вижу ее большой немигающий зрачок.

— Она больше не будет,— сказала Варвара нашим мамам.

«Как же, как же! — думала я.— Я тебя изуродую, как Бог черепаху».

Это было новенькое, с иголочки, выражение, вывезенное мною из Москвы. Мы с мамой только что ездили туда в гости, и был там мальчик в брючках на помочах, который много чего объяснил провинциальной гостье-малолетке, тем более что он впоследствии пообещал на ней жениться, и вот он без конца повторял эту фразу: изуродую, как Бог черепаху. Я видела черепаху только на картинках и, в сущности, не понимала смысла этих слов. Черепаха не выглядела хуже хорошо знаемой в лицо собаки или там коровы. Наоборот. Мне она нравилась. Но слова столичного мальчика в помочах были сильнее собственного восприятия. О, сила подавляющих нас

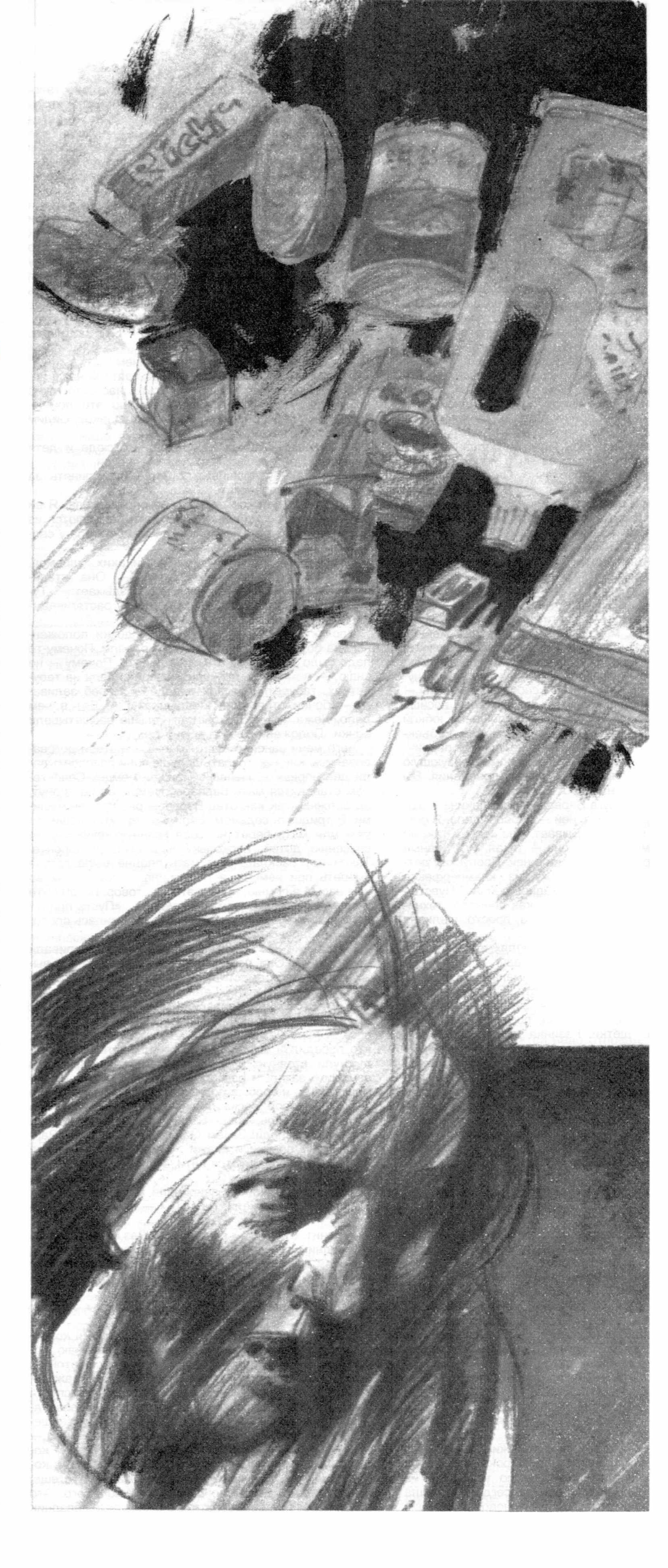

Рисунок Левона ХАЧАТРЯНА

слов! В моем случае она превращена в порок, я слепо, по-дурному, верю слову, написанному и сказанному, всю мою жизнь.

Тут требуется пояснение. Я не так верю: да — значит да, нет — нет. Все может быть совсем наоборот. Но если слово сказано, а уж тем более если начертано, то чему-то обязательно быть. А хуже нет слова оброненного, как в случае с мальчиком и черепахой. Ребенок ляпнул, другой впечатлительный ребенок всосал, и бедная черепаха — красавица, в сущности! — стала символом уродства. И уже все мне не так — ни панцирь, ни шея, ни глазки по бокам. Ужасная несправедливость по отношению к черепахе. Но я — такая. У меня — так.

Идем дальше. Нас с Варварой ничего не связывает в смысле черт характера. Я могу запросто пнуть **ближнего**, у меня этого — «ему, мол, и без меня плохо» — нет. Но я буду ликовать, вся оплеванная, если меня до этого предупредить, что в меня не плюнут, а окропят божьей росой. Оплеванная вполне могу существовать как окропленная.

Мы дружим уже полста лет. Ужас. Старухи старые. И все у нас, как в детстве.

Боже! Какое там детство!

Чего это я к нему прицепилась? Но меня так выбило из колеи последнее саморазвитие Варвары, оно, что называется, уже за гранью, и во мне просто стала разматываться пленка назад — до корыта с дождевой водой,— потому что если я сама себе не объясню, **как это она могла,** то я просто не выживу. Очень серьезно во мне подрубаются корни. Можно сказать, первооснова моих основ.

Мы с Варварой почти чистокровно русские. Ну, есть там какие-то вкрапления украинской крови у меня, а у нее где-то там в глубине были немцы, но это уже если очень придираться и копать. Это что касается пятого пункта. Потом вы поймете, почему я начинаю с кровей. Дождевая вода — и сразу пятый пункт. Сейчас много разговоров о том, что, мол, раньше эти вопросы не возникали, что все жили дружно, было единство и др. и пр. Ха-ха! Фамилия моя Дибич. Зовут — Ганя. Не Галина, не Агафья, не Гаяния — есть и такое имя. А просто и коротко — Ганя.

Это несуществующее в природе имя дал мне отец. Мама рассказывала, что он искал, чтобы ни у кого, но чтоб это и не было иностранщиной. Отцу, как я теперь понимаю, очень хотелось что-то создать, а что может создать маркшейдер? Он решил придумать имя. Соединил Галину и Ваню. Это его и мамино имя. А перед этим — следите за абсурдностью ситуации — он сам выправился в Бориса, потому как Иван ему же показалось грубо и неинтеллигентно. Маркшейдер Иван — это же фу по сравнению с маркшейдером Борисом. Царство небесное тебе, папочка. Знал бы ты, сколько сейчас бегает Ванечек и как-то очень изредка Борисы. О господи! О дичь!

Итак, я Ганя. Так вот всю жизнь — всю! — мне надо было оправдываться, что я, Ганя Дибич, не еврейка. Тем более что мне жутко не повезло с отчеством по глупости папочки. Борисовна. Все! Конец света. Ганя Борисовна Дибич. Дважды выходила замуж, но — это надо знать мой характер! — в последнюю минуту леденела, как Карбышев. И ни Лубенко, ни Шаламовой не стала. Так и осталась вся из себя до конца Дибич. А Варвара — не просто Варвара. Она Варвара Ивановна Колотушкина. Просто не имя, а подарок обществу «Память» на день рождения

царя. Теперь внешние данные. Я изначально, отроду белесая, плохого цвета. При помощи химии я золочусь, но, в общем, по лицу меня ни в чем не заподозришь. Это надо, чтобы произнесли «Ганя Борисовна!» — и сразу какая-нибудь сволочь возникает просто из воздуха.

— А вы обращали внимание,— лепечет сволочь,— на ее зад? Он же у нее приплюснутый! — Да! Приплюснутый зад опровергнуть нельзя. Нельзя его скрыть или подвергнуть операции. Он такой. Он основополагающий и краеугольный. Это правда... Некрасивый. Мама мне вдалбливала, чтоб я носила пышные юбки, а талию туго перехватывала широким поясом. Но! Где теперь эта талия?

Вы поняли, куда я гну? Всю свою уже длинную жизнь я этими своими признаками ощущала национальную проблему. Потому что приплюснутый зад в нашем городе считался еврейской чертой.

Варвара же Колотушкина, моя подруга... Ну, глаза — гудроновые и слегка навыкате. Нос тоже не лучший в смысле чистоты расы. С горбиночкой. Волос плохой, сеченый, но с некоторой волной, а в чисто вымытом виде даже вполне крутой волной. Придраться есть к чему — волнистость, горбинка, буркалость роговицы. Но что значит имя — Колотушкина. Это как черепаший панцирь. Или там долбаная кираса. Никто, ну просто никто ее ни в чем и никогда заподозрить не мог. И правильно. Она же чистопородная женщина. И говорю я это, чтобы сравнить с моим случаем и подчеркнуть: у нас с антисемитизмом и раньше было хорошо. Хотя меня, дуру, это долго-долго ничему не учило, а могла знать и понять: если он есть, есть и многое другое. Это же чистый материализм. Антисемитизм — это любимый цветок джунглей подонства. Я, Ганя Борисовна, кричу об этом уже столько лет, что охрипла. Это не образ, черт вас дери, а действительно заболевание — у меня атрофический фарингит.

А Колотушкина, между прочим, здоровая женщина. Я ору, размахиваю руками, качаю права еврейского народа — вы должны были об этом догадаться, исходя хотя бы из той детской истории, когда я ткнула пальцем в глаз Варваре. От своей природы мы — никуда. Это как приплюснутый зад, который носишь с собой всю жизнь и под любой клешеной юбкой знаешь о его существовании. В этом смысле я объективный материалист и признаю не просто первичность природы, а, так сказать, ее формообразующую суть. Форма зада определяет форму поведения. Вы видели, чтоб было наоборот?

Моя любимая подруга Варвара Колотушкина — совсем другое дерево. Мы с ней — слово и дело. Я ору, она совершает поступки. Бывает и не совсем так, но всегда я — шумная часть, она — тихая. Но главные бродильные процессы все-таки в ней. Пропуская детство, юность, сразу перехожу из квамперфекта в сейчас. Знаете, что в ней главное сейчас? Чувство опасности. Оно в ней отлажено, как японская техника. Она не кричит, не вопит, а просто щелкает тумблером.

Двадцать литров воды в кастрюлях и банках. На случай... Рядочком или спинкой друг к другу рис, пшено, греча, сахар, соль, мука, макароны (с ними неудобно из-за их разновеликости. Соломку приходится класть плашмя, высокая, зараза, не влезает в шкафчик). Теперь вот мыло, порошок. Заварные чайники. Зубные щетки. Резинка для трусов.

Я ненавижу в ней это, но если я узнаю, что она что-то купила «на случай», я просто холодею и бегаю, бегаю, пока не достану тоже. Последний раз это были, между прочим, плечики для одежды. Трембеля. Но она мне первая сказала: «Попадутся плечики — бери, сколько унесешь...» — «Да их навалом!» — закричала я. «Да? — засмеялась она.— Ну, ну...»

Плечиков нигде не было. Господи! Думала, спячу, пока найду. Нашла. Заныкала. Теперь царапаю о них руки, когда лезу на антресоли за туалетной бумагой.

Как бы я ни относилась к этому свойству Варвары, но то, что у меня всегда есть чай,— это она. Она раньше всех мне сказала. Озаботься. Сейчас я комплектую набор электрических лампочек по пять штук на все виды напряжения. Утюг у меня в запасе тоже, между прочим, с ее подачи. Теперь все оползмели, а у меня стоит, лапочка, нераспакованный, и еще чугунный в придачу. Это я сделала уже сама от себя. Проявила инициативу и была очень одобрена Варварой. Она тоже купила. Два. «Между прочим, держу у входной двери,— сказала.— Мало ли... Это еще когда я достану пистолет или слезоточивый газ...»

— Пистолет? — закричала я.

— Именно,— ответила она.— Помяни мое слово, мы к нему придем...

Верю. Придем. Это ей принадлежит уникальное наблюдение. Если принимается широкомасштабное постановление по мясу или там по удобрению — знай: это в стране кончилось навсегда. Я пошла в библиотеку почитать сборник основополагающих постановлений по... Один к одному. Все опостановленное кануло. С ужасом думаю о 2000 годе, когда нам всем обещают отдельные квартиры. Что имеется в виду? Страшное постановление... «Неужели?» — спрашиваю я ее. «Вот именно!» — отвечает она. «Ты всегда!» — кричу я ей.— Ты каркаешь! Каркаешь!» «Успокойся!» — говорит она.— Надо искать выход». «Какой выход? Какой?»

Она стоит на фоне кухонного окна, между рамами которого выставлены одна на другой банки тушенки «Великая китайская стена». От черно-белых банок в кухне полумрак. Ее сеченые волосы красновато отсвечивают: она красится только хной. Я не вижу выражения ее глаз, я его чувствую, будто меня толкают в грудь. Иди! Иди! Не стой! Надо купить кастрюли. Это не к добру, что они продаются сейчас в кондитерских отделах. Это знак. Сигнал. Я ухожу. У ее порога, связанные за ручки, стоят кастрюли. Вперед, Ганя Борисовна, вперед.

Господи! Зачем мы выросли? Зачем...

Во время бомбежки наши матери прятали нас в погребе. Когда переставало грохотать, нас осторожно выпускали помочиться. Очень хорошо это помню. Тихо, тихо, светло, светло, и мы над травкой. Сидим подольше. Радуемся.

— Знаешь,— говорит Варвара,— отсюда и дети выходят. Не веришь? Хоть у кого спроси...

Разве такое спрашивают? Это надо принять за основу или опровергать...

В то наше детское время я ее опровергала. Я ей сказала, что доподлинно знаю: дети появляются из живота при помощи «сечения». Я сама видела у своей мамы шрам.

— Дура,— сказала она.— Никаких шрамов. Писька расширяется, как дверь...— Она старается заглянуть себе между ног. Вздыхает.— Туда много чего может войти. Мы ведь растягиваемся.

Нас загоняли обратно в погреб, на доски, положенные на бочки, на старое стеганое одеяло. Почему-то надо было на них лежать, а не сидеть. Почему — не знаю, не помню. Мы лежали, матери сидели на табуретках, табуретки стояли в воде — погреб заливало,— бочки стояли на кирпичиках... А! Вот в чем дело. Лежа, мы вроде бы как меньше расшатывали бочки. Положение лежа — оно безопаснее...

Чего меня занесло в этот погреб? Матери договаривались, как нас спасать дальше. Они разрабатывали два варианта. Первый. Пришли немцы. Спасителем становится мать Варвары. Немцы ее не тронут, не должны, так как отец Варвары расстрелян нашими. В тридцать седьмом. Если же вернутся наши, то уже моя мать берет на себя главную функцию по спасению детей, поскольку наш отец на фронте. Такой вот расклад. Моя мать вполне была готова умереть при немцах, а Варварина — при наших во имя нас. И я помню, помню этот разговор, потому что Варвара лежала рядом и бормотала: «Пусть придут немцы! Пусть придут немцы!» — а я молилась словами: «Да здравствует Советская Армия!»

Матери же нас не слышали, они все обговаривали по деталям. Они перечисляли, что перейдет к выжившей матери вместе с лишним ребенком. Я даже помню слова: «Извини, Галя, я не такая богатая, как ты!» Это говорила Варварина мама. А моя сказала: «Лиза, не забудь вынуть из ушей сережки». «Ой! — воскликнула Лиза.— Бери!» «А мы разве уже знаем, кто победил?» И они так стали хохотать, что всколыхнули стоячую воду погреба, и запахло таким вонючим, затхлым рассолом и какими-то отсырелыми мышами, и вообще поднялась такая тухлость, что мы с Варварой раскашлялись, а тут снова стали бомбить, кашель, вонь, бомбы, страх, а моя мама говорит: «Господи! Зачем мы родили детей?» А Варвара вдруг возьми и скажи: «Тетя Галя, объясните Гане, откуда появляются дети, а то она до сих пор не знает».

«Как не стыдно!» — закричала Варварина мама.

«Это же вы рожали. Не мы...» — ответила Варвара.

«Значит, оттуда...— решила я.— Раз не могут ответить одним словом...» Тогда я дала себе слово под салютом всех вождей, что со мной этого безобразия по растягиванию не будет. Никогда! Это и стыдно и противно.

Мы с Варварой «растягивались» дважды. Аборты я не считаю. Это мелочь.

Ненавижу себя. Вместо того чтобы четко и коротко рассказать, что случилось, я наворачиваю подробности с этим погребом, с войной, со всей этой до блевотины надоевшей людям хурдой. Ну, скажите, Христа ради, какой еще народ пятьдесят лет спустя упивается подробностями бомбежек, голода, эвакуаций, сидения в сыром окопе, отклеивания приставшего к ране бинта — кровавого, гнойного, вонючего,— пересказываниями рецептов выживания зимой, когда подметки отваливаются от мороза, и летом, когда ломаются на кусочки от потной жары? Кто еще, кто обладает этим свойством: потерю всего, что имел, через время превратить в ежегодный праздник с бряцанием медалей и стаканов? Но вот я — женщина вроде как, хотя иногда думаю, какая там женщина? Ну какие у меня признаки принадлежности к этой части человеческого рода? Единственно рожальное свойство. Немало, скажете, а я скажу — ерунда, потому что ничего больше — ничего! — поэтому не надо мне лепить горбатого. Не надо! Какая там я женщина? Я ломовая лошадь. Я цепная собака. Я буренушка. Ну вот опять меня занесло... Иду дальше...

Наши мамы — пропускаю все лишнее — умерли почти в одном возрасте: моя в сорок, Варварина в сорок три. И обе от рака всех внутренностей. В общем, их, бедняжек, хватило на то, чтоб спасти нас в войну и дать дурам образование. Причем моя покойница мама считала, что вторая часть — образование — важнее. Потому что, по ее мнению, если нет его — диплома,— то не было бы смысла спасать вообще. Я маму отблагодарила хорошо. У меня красный диплом. Хотя было, было у меня желание закопать его вместе с мамой, как принадлежащий ей по большему праву. Такая у меня была на могиле истерика.

Встретились мы с Варварой через несколько лет. Давай встретимся — давай. Не то что душа рвалась, хотела, а скорей от сознательности. Предъявила она мне мужа — такой заросший черным волосом еврейский недомерок. Мой первый рядом с ним выглядел как Добрыня Никитич. Мы с моим все сидели и переглядывались на эту тему: дескать, зачем ей такой? Что ее заставило? Любовь просто нельзя было вообразить. «Как его фамилия?» — спросила я Варвару, когда мы выносили в кухню тарелки. «Колотушкин»,— ответила она. «Вы прямо нарываетесь...» — засмеялась я. «Ага»,— ответила она. И все. Помыли тарелки и разбежались на много лет. Думаю, что этот мой вопрос сыграл в нашей жизни не последнюю роль. Я же вам сказала. Я Ганя Борисовна Дибич. Русская. Чистокровно русская, окруженная всеобщим недоверием. Боже, как я ненавижу! Да, да, уже поэтому я русская, это свойство моего народа — ненавидеть. Какой дурак распустил эти слухи о якобы нечеловеческой нашей доброте? Объясните мне тогда это пристальное вглядывание в глаза и строчки паспорта и сверяние дотошное, тщательное — буквы и тела. Со знаком изначального недоверия. Да, непохожа. Эта Дибич белесая. «Как моль!» Говорю я громко на эти внутренние жгучие вопросы. И стараюсь не поворачиваться задом. (Помните? У меня грабаркой приплюснутый зад.)

Итак, я была возмущена тем, что Варвара отдала карлику свою фамилию, о которой в наше время мечтать и мечтать. Ко-ло-туш-ки-на. Это роза, а не фамилия. Округлое, мягкое «оло». Черт с ним, что в изначалье, в смысле тут битье, драка. Звучит хорошо — по-русски! Меня вроде как занесло на русофобию, так нет и еще раз нет. Или да и еще раз да. Как хотите.

Моя история — тест. Опросите сто первых прохожих и спросите, какая фамилия им лучше — Дибич или Колотушкина. И вас спросят: в каком смысле? Потому как сразу видят смысл. Сразу! И ответы посыплются как горох. Будет много разного. Дибич — это пижонство. Это для сцены. Это отдает белогвардейством. Это красиво, но не... Колотушкина — это смешно, радостно, это так народно, это не подкопаешься, это «оло», «еле», «ере»...

Маленький, обросший черным волосом еврей стал Семеном Колотушкиным, а я — русская! — оставалась в своей подозрительной бессмысленности.

Потом годы побежали наперегонки. Это не фигурально, а в самом грубом, прямом смысле.

Привожу пример. Шестьдесят третий догнал меня в шестьдесят восьмом, хоть я и думать о нем забыла. Я уже тогда вышла замуж во второй раз и родила Нюську, а сыночек мой Олег окончил восемь классов, будь здоров разница между кровиночками, и наши вошли в Чехословакию. Я, значит, кормящая, Олег в турпоходе, а мой второй муж говорит мне с внутренней такой тоской-печалью. Надо сказать, что мой первый был человек внешний. У него и мысли, и чувства, и поступки рождались прямо на коже. На эпителии, как сказали бы медики. Я даже иногда думала, это внутри он цельный, из единого куска. Зато шкура! Не то что на жар-холод отвечает, на все! На музыку, на формулу, рукой по нему проведешь — и не надо вникать в слова и поступки. На этом мы и разошлись. Все-таки я женщина глубокая, это у меня не отнимешь. Так вот, мой второй тоже из глубоких. Он мясорубку крутит, а я чувствую, как у него где-то в потрохах сидит такое неприятие и мясорубки, и мяса, и дощечки с луком, что он ненавидит мясорубий винт, и нож, и решетку, но, в общем, я его чувствовала будь здоров, хотя он при этом стоит, крутит ручку, улыбается, даже посвистывать может. Так вот, говорит он мне в шестьдесят восьмом августе, когда я сижу и сцеживаюсь в майонезную баночку: «А не заведи мы с тобой в шестьдесят третьем шуры-муры,— сказал он,— искали бы меня в этой стране черти...»

Хочешь — принимай как юмор, хочешь — оскорбись за державу. Действительно, у него был в те годы роман с одной итальянкой. Летучий такой роман, тогда это еще не расцвело махровым цветом. Так что никаких там усилий для больших побед над соперницей мне не требовалось. Подумаешь, два ее приезда и два раза переспали в номере на двоих, у него была коммуналка на улице Горького, напротив Моссовета, окнами на флаг. Разве поведешь девушку? Мы тогда в смысле жилья легко рокирнулись. Мой первый, можно сказать, радостно переехал на флаг, а этот мой второй, «внутренний» мужчина — в нашу хрущобку на Звездном бульваре.

Потом такое было не раз. Из прошлого прибегал какой-нибудь год и давал мне поддых, под коленки, а то по шее. И когда я стала изучать на самой себе это «явление прошлого» и задумалась над тем, что бы это значило, чем я такая меченая и одна ли я такая, в Москве возьми и объявись Варвара. Она тоже вышла замуж вдругорядь, от Семена Колотушкина у нее остался сын Игорь, красавец — каких мало. Высоченный, кудрявый, с гудроновыми материными глазами. И к тому же какой-то редкостно одаренный в математике. Одним словом, Колотушкины резко шли вперед! У нее была и дочь (вы чувствуете параллелизм судеб, заквашенный в недрах тех бочек, на которых мы лежали во время бомбежек?). Теперь смейтесь! Муж у нее назывался Ивановым Иваном Ивановичем. Дочь ее носила простенькое имя Марья. Как интеллектуальная лимита, они получили квартиру на Ленинском, возле герба-капусты, который когда-то начинал или кончал город, а сейчас уже неизвестно что означает пребыванием на середине. Ничего-ничего и вдруг герб. Я вот подумала, не заподозрите ли вы меня в нагнетании социалистических символов — там флаг, тут герб, на что, мол, я намекаю? Ни на что! Каждый у нас может сказать, что из его окна площадь Красная видна. С этим ненапряженно. Подойдите к окну и посмотрите. Я очень удивлюсь, если вы не увидите знак, где вы живете.

И хоть все в Варвариной жизни было хорошо, это не только на мой пристрастный взгляд, а объективно, начиная с высоты потолков — три метра — и кончая фамилией, сама Варвара вся была как струна. А я тогда была очень размагничена. Варвара уже предчувствовала, а я нет. Она меня предупредила о первой массовой пропаже белья в магазине. Я тогда просто для смеха зашла в ближайшую галантерею и увидела стопочки пододеяльников, простынь, наволочек. «Варвара — провинциальная паникерка»,— подумала по дороге. Зашла в мебельный, походила между гарнитурами, не важно, что мне они не по средствам, важно, что они стоят, красивенькие такие, блестящие, я могу в своей мечте поступательно к ним двигаться и в конце концов приду когда-нибудь и куплю... А наволочки... Что наволочки? Вот их я могу купить сейчас, но принципиально не буду. И потому что не хочу верить Варвариным словам, и класть некуда. Смена есть, и слава Богу, я ведь еще помню время, когда у меня не было и одной смены белья. Тогда я затевала раннюю утреннюю стирку, подушки горбатились в наперниках, и с них сыпалось внутреннее содержание, но к вечеру я все отглаживала, и ничего страшного, абсолютно! А теперь у меня есть смена, а наволочек даже две смены, так что я, тронутая, покупать впрок? Зайду и куплю по мере надобности. Конечно, я тут же попалась. И крепко. Потом была история с посудой, с тюлем и так далее, и, надо сказать, Варвара всегда меня предупреждала и ни разу не ошиблась, и все это по чутью, не то что у нее какие-то связи в торге или горкоме партии. Просто сверхчувствование.

Но все эти торгово-закупочные свойства — мура по сравнению с главным. С тем, что сейчас.

Недавно она у меня спросила (а глаза тусклые, гудроновые):

— Как будем отправлять детей?..

— Куда? — спросила я, и так спокойно, даже не вздрогнула, хотя дети уже из всяких пионерлагерей выросли.

— Отсюда,— ответила она.

Вы уже поняли, что я от нее всегда чего-нибудь жду. Прогноза о рисе или там бельевой резинке. Но тут я не врубилась. Стою, как Дуня с мыльного завода, а у нее глаза загудронились так, что совсем не отсвечивают, как левая сторона копирки, то, что я больше всего в ней не люблю, хотя какое это имеет отношение к личности, это природа. И еще у нее есть манера. Пальцем, указательным, двигает по шее — вверх-вниз, вверх-вниз, будто у нее там что-то застряло. Лицо делается дурное при этом, даже тупое. Мы ведь уже с ней не молоденькие, мы даже уже не средний возраст, если по-честному, мы пожилые тетки, и следить нам за нашими привычками надо особенно. Мои дети, например, очень раздражаются, когда я задумаюсь и сгрызу ноготь, они как ждут этого, будто подслеживают. Нюська так прямо в крик. Я — ей. Это в конце концов мой ноготь. Не твое собачее и так далее. Но сама для себя решила: надо следить. Я с детьми и вообще со всеми молодыми по стойке «смирно», чтоб, не дай Бог, не проявиться так, чтоб им стало противно. Потому что понимаю: себе они простят и сгрызенные ногти, и запах пота, и громкий глоток — чавк-чавк,— и отпоротый с висячими нитками подол на юбке, мне — ничего. Поэтому я — как Тэтчер, у меня всегда волосок к волоску и колготки даже под юбкой в самом том месте целые. Это я давно завела себе на ум, ведь может же случиться скоропостижность? Может. И меня придется нести, и завернется верхнее, ну, и так далее... Изнутри я вся теперь выглажена и надушена. На случай смерти. Это мой им вызов в последний мой час.

Поэтому я говорю Варваре. Очень спокойно говорю:

— Перестань теребить шею. Ты же растягиваешь мышцы, у тебя уже рубец от дурной привычки.

— Что? — спросила она, и ноль внимания. Шея от подбородка до горловой ямочки вся багровая, а она ее трет и трет, трет и трет.

— У тебя что,— говорю,— зуд? Ты пробовала тавегил?

— Придется все назад раскручивать,— сказала она.— Надо ехать в Челябинск.

Ничего я не поняла, ничего!

И она поехала, взяла за свой счет неделю, это у нас не проблема. Я вот иногда думаю себе: что это такое — за свой счет? Имеется в виду, что основная наша жизнь идет за чужой счет, что мы хронические иждивенцы или нахлебники, и ничего у нас своего нет (а так оно и есть), и только иногда, в экстренных случаях, мы позволяем себе жить за свой счет. Дичь! Но ведь если вдуматься, мы этой дичью перепутаны, запутаны и уже давно потеряли элементарные понятия. Ладно, это уже пошла политика, я в нее ни ногой, пусть она горит синим светом, я все равно знаю: в самый радостный момент, когда нам пообещают четыре сорта колбасы без очереди и натуральную кроликовую шубу по себестоимости (я имею в виду рублей за тридцать пять, потому что мой дядька в своем дворе выращивает этих кроликов столько, что их некуда девать, а шкурки он палит на вонючем костре, потому что державе они даром — а он отдаст! — не нужны), так вот Варвара в этот момент социалистического изобилия скажет мне: «Ганюля! Озаботься сухой горчицей и бюстгальтерами». И я брошу все и ринусь. И куплю двадцать пачек (если попадется) горчицы и бюстгальтеры всех размеров на случай потолстения и похудения. Это ведь вполне может быть. Я знаю женщин, которые в месяц теряли свой вес, считай, вполовину, я знаю, это страшная болезнь, не дай Бог, но ведь все равно не умрешь сразу, какое-то время походишь в больном виде, значит, надо иметь одежду и на этот случай! Я ведь вам свои принципы внешнего вида уже сказала.

Так вот... Варвара уехала, сварив Ивану Ивановичу и детям рассольник на три дня и холодец, который в хорошем холодильнике может жить без срока давности.

Я одной долькой мозга подумала: интересно, зачем она туда поехала? — но у меня в это время были свои обстоятельства, от которых я, можно сказать, поседела. Олег мой надумал жениться, ничего не скажешь, институт окончил, работу имеет, а мне каждый раз не спать, пока он подгребет домой весь в женских запахах, тоже, скажу, не радость. Ложусь, а рядом валокордин и рюмочка с водичкой, и коринфар, и спазмалгон, и так далее.

Олег привел в дом девушку, потом выяснилось, что и не девушка вовсе, а молодая мать, но не в этом дело! Господи, да я люблю детей, может, это — единственное, что я люблю без всяких там оговорок и без включения мозга. Люблю, можно сказать, потрохами, хотя для красоты изложения и украшивания собственного образа могла бы сказать: детей люблю душой и сердцем. Так вот так не скажу, потому что не знаю. Душа — это очень проблематично, очень. Если она есть, то у нее чисто печеночные реакции, поболит, поболит и перестанет, и никаким она пакостям еще ноги не спутала. Наоборот! Сколько сейчас к ней взываний, а подлее отношений я лично за свою жизнь не видела. Что же касается сердца, то с ним вообще все ясно: мотор и мешок. Так что я люблю детей неизвестно какими потрохами, может, поджелудочной железой, может, сигмовидной кишкой, но где-то там у меня начинает печь и страдать, когда дитяти любому плохо. Это чистая правда, но правда и,то, что если я такая в смысле детей, то что касается взрослых — нет и нет! Так вот пассия моего дурачка сына была по национальности пятый пункт, и я сказала: «Олег, как хочешь, у тебя уже высшее, но в нашей стране это все равно, как броситься под трамвай. И это хоть тебе, хоть ей. Когда-нибудь ты сгоряча, в сердцах обязательно ей скажешь «жидовка», и что потом делать? Ты же потом сам не сможешь посмотреть на себя в зеркало».

Я чувствовала себя очень умной в этой своей речи. Это у меня бывает, когда я себе нравлюсь, так сказать, в «словесном исполнении». Хорошенькое слово вовремя возникает под языком, предложения вяжутся изящно, как кружева, но главное — мысль. Упругая, сильная, как шланг под напором, бьется в руках, то бишь в кружевах, и сама я в такие минуты делаюсь ничего себе. Покойница мама говорила: «Ты, доча, бываешь красивая в речи. Ты это используй». Где, мама? Где? Талант, можно сказать, пропал втуне. Но моментами... Я возгораюсь... Сам черт мне тогда не брат... Кого хочешь перевербую. Вот и с сыночком моим была такая же история. Все было: и шланг, и кружево, и гордо запрокинутая голова,— и Олежек мой, вижу, не просто меня слышит — внимает, и слова мои, значит, дают в нем размножение. Я и девушке его, женщине, это все повторила. Слово в слово. Она, надо признать, из умных, поняла сразу. Во всяком случае, дело между ними пошло на явный спад. В этот момент как раз и уезжала Варвара в Челябинск, почему мне и было не до нее.

Вернулась она окрыленная, энергией напитанная. Я знаю, как она выглядит в этих случаях, будто ее только что умело отлюбили.

— Имей в виду,— сказала она по телефону,— телевизоров скоро днем с огнем не найдешь. Купи и спрячь, у меня уже в изголовье стоит коробка. Я постелила на нее коврик, знаешь, у меня ручной, бухарский, поставила керамику а-ля гидрия и тип-топ!

У меня же слова в горле про Олега и его девушку-женщину с пятым пунктом просто спеклись в горле. Я ей их едва выхрипела, а она как закричит не своим голосом:

— Не уходи! Я к тебе еду!

Примчалась. Вид! Видели бы вы... Помада только на верхней губе, нижняя вся слизана. Пальто набросила прямо на застиранный халат (исходя из возможной скоропостижности, меня налыгачем из дома в таком виде не выгонишь), сапоги на ней той степени разношенности, что они уже не обувь, а исключительно средство передвижения. У нас во дворе на Звездном живет одна дурочка в медицинском смысле, она носит на ногах посылочные ящики, привязанные лентами. «Ах,— говорит,— вы не представляете, как легко, удобно и не скользит». Варварины сапоги — это уже близко к посылочным ящичкам, просто два шага — и фанера. И она мне с порога метнула в руки бумажку, которая оказалась не чем иным, как свидетельством о рождении ее сына Игоря, в котором черным по белому было написано: отец — Клейнер, мать — Клейнер-Колотушкина.

— Следующий этап,— сказала она как-то сипло, будто у нее все изнутри склеилось и слову приходится пробивать себе проходы в этой склеенной тесноте, можно сказать, кайлом, почему и появляется у слова необычайная освобожденная сила, оно не просто само действует, у него, борца эдакого, возникает еще и моральное право производить впечатление. Дескать, вон как я к вам пробивалось, через какие спазмы и фарингитную сухость.— Так вот,— продолжает Варвара,— следующий этап, это я уже просто Клейнер, потом Иван войдет в Клейнера, а Марья уже будет чистенькая, как утренняя роса.— Голос ее окреп, и она уже закричала: — Твоему сыну и тебе, идиотке, Бог послал удачу, а с твоим подозрительным именем у тебя вообще все могло пойти как по маслу!.. Детей надо отправлять отсюда!.. Ты что, не понимаешь? До тебя не доходит? Догоняй эту Олегову бабу и кидайся ей в ноги! Скажи, что на тебя пamoроки нашли! Это твой шанс, дура! Это не то, что у меня! Мне теперь паспорт менять, мне теперь из себя колотушкой Колотушкину выбивать! Все!

Она схватила бумажку и исчезла, грюкнув на прощание своими посылочными ящиками.

Я хожу по квартире, где с Варвариной подачи уже много чего по два, по шесть, по восемь. Я тоже успела, пока она ко мне ехала, освободить угол для будущего телевизора, и уже вытрусила на балконе левый остаток от шикарной старинной плюшевой скатерти, правый давным-давно был изжеван собакой. Я была, как мне казалось, готова к зиме, лету и переходным периодам. Я жила в тугом натяжении между возможностью тотальной карточной системы и разнузданностью рынка. По собственной натянутости я могла перебегать в нужном мне направлении. И как оглушительно убедительный аккорд моей непобедимости перед всеми врагами в моем паспорте при помощи всевозможной химии и туши уже давно было написано, что я — Паня! Тарасовна! Дибичева! «Задохнитесь, жабы! — сказала я всем.— Задохнитесь!»

И теперь я рву на себе волосы, я кручусь в своем бункерочке на пятом этаже, я криком взываю к всевышнему: «Боже, как? Боже, что?» И я уже не замечаю, что одета, хоть и быстро, но со свойственной мне аккуратностью, что я уже бегу, потому что мне надо найти эту девушку-женщину, с которой, даст Бог, не порвалась хрупкая нить и которой я брошусь, брошусь в ноги...

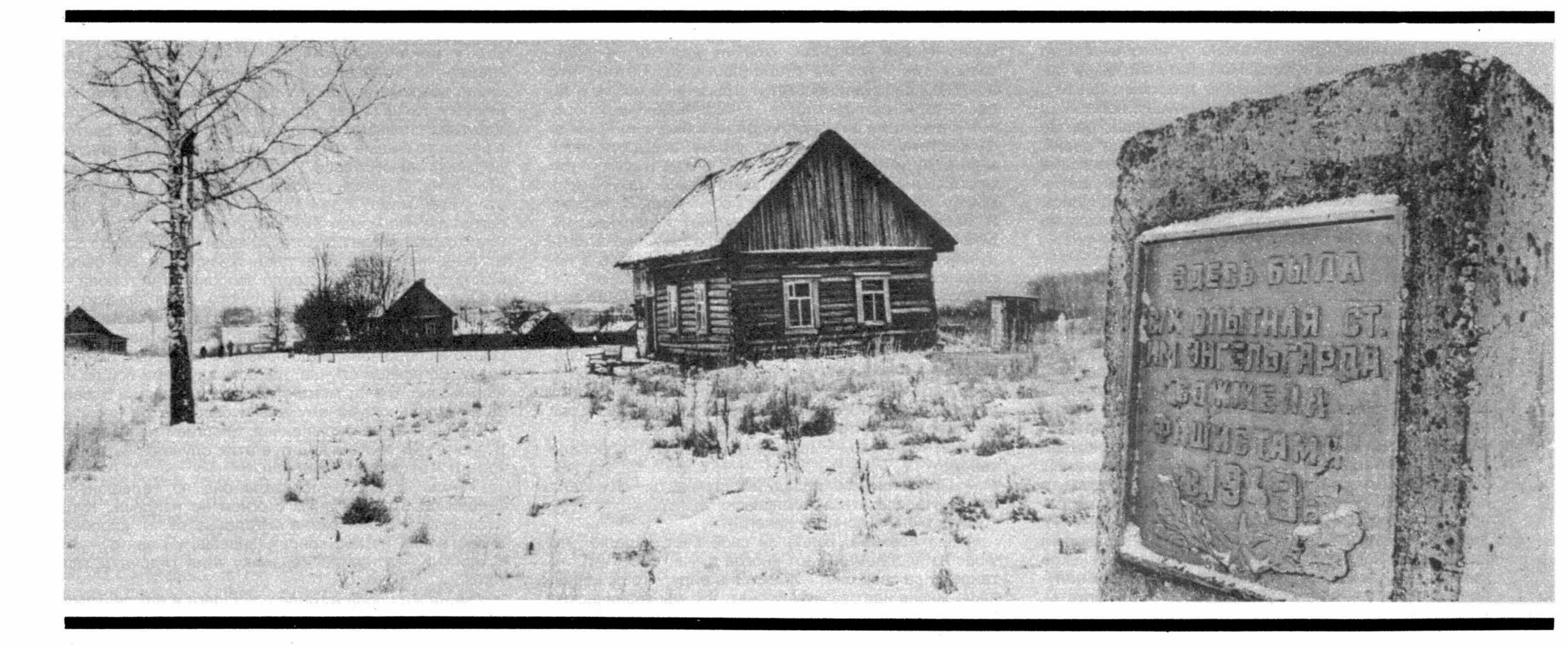

Фото Александра НАГРАЛЬЯНА

Константин ЛЫСЕНКО

СТО ЛЕТ СПУСТЯ

журналист размышляет над сегодняшними нашими сельскими бедами в имении знаменитого аграрного хозяина и публициста конца прошлого века

Свернули с асфальта. Впереди оставалось несколько километров типично русской дороги: колдобин и рытвин с водой по колено. Наконец приехали.

Вот оно, когда-то легендарное Батищево. Сейчас здесь унылая картина. Покосившиеся избенки, полуразвалившийся коровник вдали, грязь и какая-то пустынность.

— Энгельгардт? — переспросила повстречавшаяся старушка.— Нет, милый, не слышала о таком.

— Энгельгардт? Кажется, был. Вон столбик стоит,— показал сидевший на завалинке у дома старик с самокруткой в зубах.

Память об Александре Николаевиче Энгельгардте увековечена лишь в этом бетонном пеньке, летом скрывающемся в бурьяне: «Здесь была с/х опытная ст. им. Энгельгарда. Сожжена фашистами в 1943 г.». И все. Даже фамилия впечатана в бетон с ошибкой. Впрочем, хорошо хоть вообще не забыто это имя. Для большинства наших сограждан оно до сих пор если и знакомо, то в лучшем случае по ранним экономическим трудам Ленина, принудительно усвоенным в студенческие годы. Между тем имя Энгельгардта заслуживает сейчас гораздо большего внимания.

УЖЕ ТОГДА БЫЛИ В ХОДУ СЛОВА «АРЕНДА», «ПОДРЯД»

Опальный профессор, отлученный от столицы самим царем за «демократические идеи» в начале семидесятых годов прошлого века, он, приехавши в свое смоленское Батищево, обнаружил в округе полный хозяйственный развал.

«Запашки уменьшены более чем на половину, обработка земли производится еще хуже, чем прежде, количество кормов уменьшилось, потому что луга не очищаются, не осушаются и зарастают; скотоводство же пришло в совершенный упадок. ...Проезжая по уезду и видя всюду запустение и разрушение, можно было подумать, что тут была война, нашествие неприятеля, если бы не было видно, что это разрушение не насильственное, но постепенное, что все рушится само собой, пропадает измором,— писал Энгельгардт в своих знаменитых письмах «Из деревни».— В нашей губернии и в урожайные годы у редкого крестьянина хватает своего хлеба до нови; почти каждому приходится прикупать хлеб, а кому купить не на что, то посылают детей, стариков, старух в «кусочки» — побираться по миру».

Человек он был неутомимый и образованный и, чтобы выжить, затеял коренное переустройство своего имения. Суть изменений, которые Энгельгардт с такой охотой описывает в своих письмах, состояла в том, что он заинтересовал крестьян в работе на помещичьей земле. Уже тогда в ходу были такие слова, как «аренда», «подряд». Ему удалось организовать отличное батрацкое хозяйство. «Урожаи ржи у меня более чем удвоились».

И все же полного удовлетворения не было. Поднимаясь на вершины самоотрицания («будущее не принадлежит таким хозяйствам, как мое»), Энгельгардт размышлял: «Не из либерализма утверждаю, что единственное средство для поднятия нашего хозяйства — это увеличение крестьянских наделов, вообще переход земли в руки земледельцев. Не как «либерал», а как хозяин говорю я, что у нас до тех пор не будет никакого хозяйственного порядка, что богатства наши будут лежать втуне, пока земли не будут принадлежать тем, кто их работает».

Не правда ли, более чем актуальные для нас слова? Впрочем, у многих на слово «хозяин» давно выработалась аллергия.

— Опять про хозяина! — отчетливо слышу возмущенные голоса знакомых директоров и председателей, уже понявших, с какой это стати спустя сто лет вспоминается Энгельгардт.— Какие, к черту, хозяева! Посмотрите, в каких условиях работают люди: техники нет, запчастей нет, бензина — и того нет! Дайте нам все это — и мы завалим страну едой.

Но не ломятся ли наши уважаемые директора и их парламентское лобби в открытую дверь? Не впустую ли иной раз кричали на российском Съезде? Разве кто-нибудь говорит, что крестьянин из ничего может вырастить хлеб? Конечно, ему надо дать и машины, и запчасти, и стройматериалы, и многое другое. Но прежде нужен сам крестьянин, а не батрак и наемник. Энгельгардт сто лет назад будто специально для нынешних гвардейцев колхозно-совхозных бастионов замечал: «У нас вообще слишком много значения придают усовершенствованным машинам и орудиям, тогда как машины самое последнее дело. Различные факторы в хозяйстве по их значению идут в таком порядке: прежде всего хозяин, потому что от него зависит вся система хозяйства, и если система дурна, то никакие машины не помогут... Ни машины, ни симментальский скот, ни работники не могут улучшить наши хозяйства. Его улучшить могут только хозяева».

Беда в том, что и сейчас, спустя сто с лишним лет, в Батищево вы не найдете настоящих хозяев. Нынешние его обитатели, как и в тысячах российских деревень,— пенсионеры да дачники. Хозяйственное уныние, царящее здесь, лучше всего иллюстрируется, в сущности, страшными, но уже привычными цифрами: в Сафоновском районе, где приютилось Батищево, за последние годы потеряно — заросло, затоптано — 15 тысяч гектаров пашни, во всей же Смоленской области «утекло» сквозь пальцы 170 тысяч гектаров за 15 лет. Энгельгардт этому скорее всего не поверил бы.

ДАЙТЕ ЦВЕТКОВУ ЗЕМЛЮ И ВОЛЮ

Есть ли, однако, хоть какие-то надежды на возрождение? Хоть кто-то пытается выполнить завещание ученого? Коллеги из областной газеты единодушно посоветовали: езжай к Владимиру Цветкову, он в совхозе «Козинский» Смоленского района. Отличный мужик, ведет свое хозяйство, а кроме того, возглавляет союз арендаторов Смоленского района.

— Цветков? — поежился на стуле директор «Козинского» Е. Кучерявенко и произнес: — Он некрасиво себя ведет.

Почему же не питает особых симпатий директор к Цветкову? Ведь еще недавно ничто не омрачало их отношений, более того, Цветков весной был

доверенным лицом у кандидата в народные депутаты РСФСР Кучерявенко. Да и работают арендатор с бригадой (а в бригаде еще шесть человек, среди которых его жена) неплохо, мясо сдают в совхоз аккуратно. Для прояснения ситуации были приглашены главный экономист совхоза А. Зорина и главный бухгалтер Е. Карпухина.

— Все началось с того,— рассказывает директор,— что он летом пришел ко мне и говорит: продай ему помещение и скот, которые он у нас арендует. Выходит, захотел взять себе все это в частную собственность. Я ему говорю: почему ты считаешь, что этот вариант возможен? А мы уже знали, что цены на мясо поднимутся и он сможет втридорога перепродать скот. Я ему говорю прямо в глаза: ты меня за дурака считаешь?

Чуть позже Цветков, услышав эту тираду в моем пересказе, заметил:

— При чем тут цены? Мы и по новым ценам готовы скот купить. Просто мы свободы хотим.

Совхозное руководство продолжало:

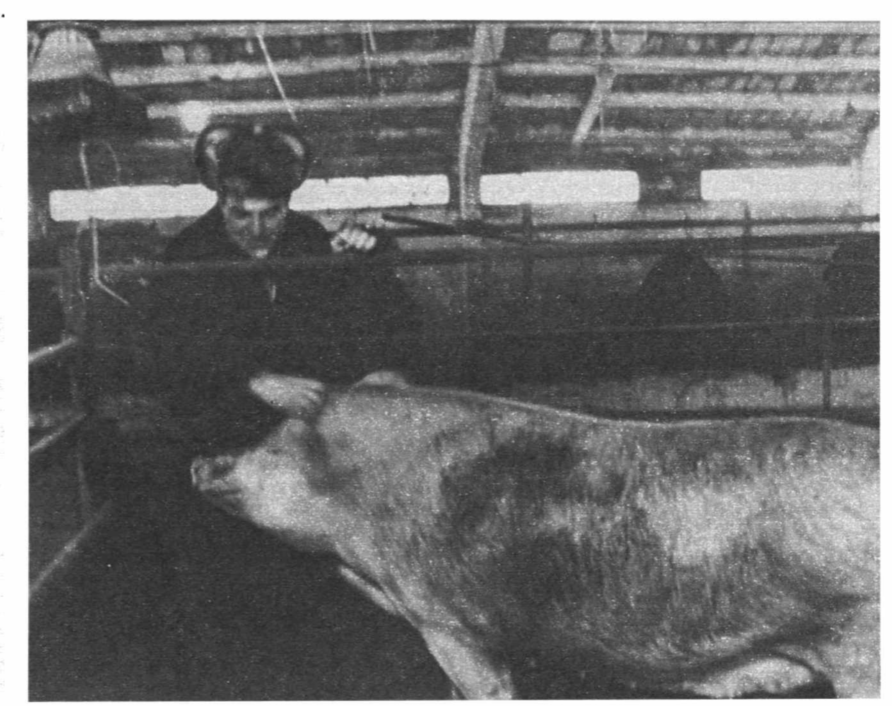
— От заключения договора с совхозом отказался. Говорит: кабальный договор. А что мы ему предлагаем такого? Чтоб отчислял 50 процентов хозрасчетного дохода совхозу — сюда входят и арендная плата за землю, и отчисления на развитие совхозного производства.

— Пятьдесят процентов! — присвистнул Цветков.— С какой стати я буду содержать совхоз?

— Раздувает в неограниченных масштабах в совхозном хлеву частное хозяйство,— продолжали наступление арендодатели.— Никто на это разрешения не дает, а он действует по своему усмотрению. Заявляет: скот совхозный, но телята мои. А на самом деле, если коровы совхозные, чей должен быть теленок? Тоже совхозный!

— Глумится над специалистами, никаких их указаний не выполняет. И все это прикрывает арендой,— продолжали разворачивать компромат совхозные руководители.— Он же не специалист, он не понимает...

Энгельгардт на подобные рассуждения иронично замечал: «Забота о мужике всегда составляла и составляет главную печаль интеллигентных людей. Кто живет для себя? Все для мужика живут! Все мы, интеллигентные люди, знаем и чувствуем, что живем мужиком, что он наш кормилец и поилец. Совестно нам, вот мы и стараемся быть полезными меньшей братии, стараемся отплатить ей за ее труды своим умственным трудом... Мужик глуп, сам собою устроиться не может. Если никто о нем не позаботится, он все леса сожжет, всех птиц перебьет, всю рыбу выловит, землю попортит и сам весь перемрет».

Но больше всего представителей совхоза возмущают заработки арендаторов: подумать только, совхозная телятница за центнер привеса получает 12 рублей зарплаты, а Цветков — 87. Вывод однозначный:

— Ворует! Тащит все, что неладно лежит.

— Доказательства есть? — спрашиваю. Доказательств нет. Но твердо убеждены.

Не собираюсь быть арбитром. Нет желания делать из Цветкова некоего ангела, спустившегося на смоленские поля. Энгельгардт на мужика смотрел трезво: «Конечно, крестьянин не питает безусловного, во имя принципа уважения к чужой собственности, и если можно, то пустит лошадь на чужой луг или поле, точно так же как вырубит чужой лес, если можно, уведет чужое сено, если можно... Почему же и не кормить лошадей на господском поле, если за это не взыскивается? Почему же не пускать лошадей зря, без присмотра, если это можно? Зачем же крестьянин станет заботиться о чужом добре, когда сам хозяин не заботится»?

В принципе подобные конфликты можно решать только одним способом: чтобы в ход шли не эмоции и амбиции, а хозяйственный интерес равноправных партнеров. Если Цветков не прислушивается к разумным советам специалистов, пусть он первый и понесет убытки из-за своего невежества. Если Цветков действительно нуждается в совхозе, но, такой-сякой, не оплачивает его услуги, пусть хозяйство не оказывает их. Фермер первый же и пострадает. Но все это станет возможным только тогда, когда обязательства Цветкова по отношению к совхозу будут исключительно добровольными, а не навязанными в обмен на право пользоваться коровником, землей, выращивать скот.

Цветкова надо отпустить в свободное плавание. Если же совхоз хочет, чтобы человек вкалывал, как хозяин, а указания исполнял и зарплату получал, как батрак, то такого не бывает.

И если Цветков на чужой ферме с чужим скотом и в самом деле работает не так, как мог бы, не стоит этому удивляться. «Крестьяне, снимая в аренду земли на короткий срок, стараются только извлекать из этих чужих земель все, что возможно, и понятно, что иначе крестьяне поступать не могут»,— констатировал Энгельгардт.

Сам Цветков принять землю и волю готов. Его бригада хочет купить хлев, в котором сейчас работает, взять двести с лишним гектаров земли в собственность, организовать на них пять — по числу семей, входящих в бригаду,— крестьянских хозяйств. Цветков уже прикупает технику, взял ссуду в банке и даже придумал название своему хозяйству — «Десятина». К тому же и дру-

гих подбивает. В районе проводит агитацию, создал союз арендаторов. Все это замечательно, проблема лишь одна: дадут ли крестьянам землю и помещение?

— Никогда,— однозначно и твердо ответили в совхозе, и стало ясно: костьми лягут, но не дадут.

Но Цветкова это не смущает:

— Конечно, если все будет решать совхоз, нам конец. Но мы надеемся на закон как на самого Бога.

ЛАТИФУНДИИ НА ПОДПОРКАХ

На чудо-закон, который решит проблемы, надеются все, кто действительно хочет работать. В этой надежде сконцентрировалась крестьянская вера в мудрого и могущественного царя-батюшку. Этой вере уже не одно столетие. «Крестьяне... с часу на час ждут милости. Убеждены крестьяне, что эта милость будет полнейшая»,— отмечал Энгельгардт.

Дождались ли нынче? Российские законы о земельной реформе и крестьянском хозяйстве приняты. Кто-то уже предрекает вселенскую катастрофу из-за того, что узаконена частная собственность. Кто-то ликует и уверен, что главное сделано: крестьянин получил право отделиться. Кто-то уверяет, что земли крестьянину для современного фермерского хозяйства все равно не хватит. Обо всем этом можно спорить. Но не слишком ли много значения придаем последним аграрным решениям? Не слишком ли часто даже самые хорошие законы обманывали наши ожидания, чтобы в очередной раз рассчитывать на чудо?

В самом деле, с каких это пор наш хозяйственный механизм стал функционировать по законам, да простят меня законодатели за этот вопрос. Сама наша система была построена вопреки всем законам экономического развития общества. И с тех пор любого директора совхоза можно посадить за десятки нарушений законов, на которые он вынужден идти, чтобы остаться дееспособной хозяйственной единицей. И если руководители и на этот раз не заинтересованы выполнять решения центра, то кто им помешает обойти очередной, пусть самый правильный и дельный закон? В лучшем случае фермеры, доказывая свои законные права, будут обречены на многолетние судебные тяжбы. А если кому-то из них и удастся в результате добиться своих прав, отвоевать островок свободы, то и в этом случае фермер окажется в океане прежних могучих структур. Так было и будет всегда, если «бумагой» пытаться переломить хозяйственные интересы тех, кто, как ни крути, доминирует в экономике.

Как же быть фермеру? Тут мы должны ответить на простой вопрос: если аренда, фермерство действительно более целесообразны, чем совхозы, то почему потребность в этих формах собственности и организации труда не вызрела прежде всего внутри самого хозяйственного механизма? Почему тогда сами директора раньше, чем их принудит к этому закон, еще не упали в ноги к крестьянину-хозяину и не признали очевидного: не справляемся без тебя?

Не заинтересованы — это понятно, ибо развитие фермерства означает их собственное банкротство. Но на свете не было еще ни одного человека, который желал бы себе разорения, однако банкроты были и будут в силу чисто экономических причин. Ведь не по собственному желанию разорялись натуральные хозяйства пореформенной России, уступая место более эффективному фермерству,— жизнь заставляла. Так почему же у нас-то не разорилось еще ни одного совхоза?

Возьмите наугад самое отсталое хозяйство — вы обнаружите, что оно получает прибыль, позволяющую существовать. Каким образом получает? Очень простым: государство последние годы платило за одну и ту же продукцию в полтора, два, а то и три раза больше тем, кто работает в два-три раза хуже. В результате прибыли сильного и слабого хозяйства относительно выравнивались. Это абсурд, но к нему пришли закономерно. Власть, создавшая идеологически правоверную, но экономически нецелесообразную колхозно-совхозную систему, была вынуждена оберегать ее от развала административно-финансовыми инъекциями в самые слабые звенья. Взяв на себя непосильный труд управлять селом, назначать цены, указывать, кому, что, где и как строить, производить, продавать, система оказалась вынужденной определить на государственное довольствие неизбежные жертвы чиновничьих перекосов и ошибок. При этом она окончательно убивала всякий стимул к более эффективному труду: зачем работать больше, если и так жить можно, а лучше все равно не будет? И никакие декларации и самые мудрые законы о частной собственности, аренде, фермерстве, никакие комитеты и комиссии по их реализации не смогут даже взбаламутить это экономическое болото, разлившееся по всей стране, а скорее утонут в нем.

О том, что в таких условиях никакой прогресс невозможен, говорится давно. Еще два года назад в одном из постановлений Совмина СССР значилось: «В случаях, когда принимаемые меры не обеспечивают рентабельной работы колхозов, совхозов и других предприятий, они могут быть в установленном порядке реорганизованы или ликвидированы с передачей земельных участков другим колхозам и совхозам, промышленным предприятиям, организациям арендаторов, кооперативам арендных коллективов, крестьянским хозяйствам».

Как бы помогла фермерам реализация одной этой строки! Но дальше слов, как обычно, дело не пошло. Все надежды теперь связываются с российским правительством, но и оно обнаруживает ту же, что и союзный Совмин, тенденцию. С 15 сентября прошлого года в России повышаются закупочные цены на мясо. Правительство расщедрилось настолько, что начало покупать говядину у совхозов в пересчете на убойный вес по той же цене, по которой на смоленском рынке прошлой же осенью частник продавал вырезку,— по 12 рублей за килограмм. В результате среднероссийская цена готового государственного мяса стала колебаться между тринадцатью и семнадцатью рублями. Для сравнения: в арендных магазинах Москвы в разгар мясного ажиотажа перед Новым годом фермерская телятина шла по десять рублей. Таким образом, благодаря искусственно завышенным закупочным ценам арьергард общественного животноводства в очередной раз был спасен от полной и безоговорочной капитуляции.

Нетрудно понять логику российских властей: им нужно заполучить как можно больше мяса любой ценой, даже за счет будущей гиперинфляции, о которой недвусмысленно предупредила команда академика С. Шаталина («Комсомольская правда», 4.11.90.). Но почему не делается другое? Не выявляются банкроты? Не объявляется об их распродаже? Напротив, всячески подчеркивается, что совхозам ничего не угрожает. В чем дело? Только ли в желании чиновников сохранить свою власть? Если бы все так просто...

Отвечая на этот вопрос, полезно вспомнить микроперепалку, прозвучавшую с трибуны III внеочередного Съезда народных депутатов СССР. Известный экономист Н. Шмелев тогда говорил: «Я понимаю, что крестьянские, колхозные руководители меня не поддержат, но пора кончать с искусственной поддержкой лежачих хозяйств за счет двойных цен. Конечно, необходимо повысить закупочные цены. Понятно, что у них сейчас грабительский уровень. Но все-таки благодаря искусственной поддержке через цены 70 процентов наших хозяйств кое-как перебиваются с хлеба на квас. Наверное, надо предоставить их самим себе. Пусть либо самораспускаются, либо отдают землю фермерам, малым производственным хозяйствам».

Заметим, что Н. Шмелев не сказал ничего, что не было бы официально одобрено за год до того. И все же «нарвался» на замечание другого оратора — И. Полозкова: «Многие россияне не согласны с товарищами Шмелевым, Афанасьевым. Колхозы раздавать крестьяне не желают».

Здесь можно сказать, что никто и не собирался административно раздавать колхозы, речь идет только о прекращении их искусственной поддержки. Но более интересно другое: если Шмелев ожидает отпор со стороны руководителей, то Полозков переводит разговор в совершенно другую социальную тональность: «россияне не согласны», «крестьяне не желают». Подтверждение тому — хотя бы многочисленные телеграммы, обрушившиеся на Съезд народных депутатов РСФСР из колхозов и совхозов: не сметь продавать землю! Прочь руки от колхозов!

Можно, конечно, отмахнуться: знаем, дескать, кем такие телеграммы сочиняются. Все знают. Но я не уверен, что крестьяне не поддержали бы такие требования.

Вспоминаю разговор с дояркой на одной захудалой ферме захудалого совхоза в Можайском районе Московской области, что недалеко от Батищева. Я задал ей вопрос: почему она не хочет взять ферму в аренду, вести свое хозяйство? Она отвечала спокойно, нисколько не смущаясь смысла своих слов:

— Почему? Ну, например, вчера на ферме скотник напился в стельку. Я позвонила в совхоз и домой пошла. А если бы это была моя ферма, мне тогда и навоз отгребать, и стойла чистить. Зачем мне это надо?

Будет ли эта женщина радоваться фермерской перспективе? А сколько их таких, измученных, сломанных, вышколенных? Социологи свидетельствуют: только десять процентов сельских жителей хотят стать фермерами. Эксперты уточняют: хотеть — не значит мочь. Реально к фермерству сейчас готовы лишь пять процентов механизаторов. С другой стороны, 81 процент колхозников и рабочих совхозов высказываются за существующие хозяйственные структуры. Как от этого отмахнуться?

Мы имеем логичный результат сталинской задумки: «Пока в деревне преобладал единоличный хозяин, партия могла ограничивать свое вмешательство в дело развития сельского хозяйства отдельными актами помощи, совета или предупреждения. Тогда единоличник сам должен был заботиться о своем хозяйстве, ибо ему не на кого было взвалить ответственность за это хозяйство, которое было лишь его личным хозяйством, и не на кого было рассчитывать, кроме себя самого. Тогда единоличник должен был сам заботиться о севе, об уборке и вообще обо всех процессах сельскохозяйственного труда, если он не хотел остаться без хлеба и стать жертвой голода. С переходом на коллективное хозяйство дело существенно изменилось... Теперь крестьяне требуют заботы о хозяйстве и разумного ведения дела не от самих себя, а от руководства колхоза... А что это значит? Это значит, что партия... должна теперь взять в свои руки руководство колхозами, принять на себя ответственность за работу...»

Сейчас мы воспринимаем эти слова лишь как декларацию административной системы управления. Но если посмотреть с другой стороны, ведь не глупо придумано: освободить крестьян от ответственности, играть на самых потайных, глубинных, но неистребимых чувствах человека — лени, консерватизме. Участь батрака не столь уж печальна, как мы порой хотим представить. Известный знаток человеческой души Дейл Карнеги замечал: «Я предпочел бы быть издольщиком на полях Алабамы и играть на банджо, чем подорвать свое здоровье в сорок пять лет, пытаясь управлять железной дорогой или фирмой по выпуску сигарет». Что же удивительного, если из своего совхозно-колхозного батрацкого положения крестьянин постарался извлечь максимум пользы? И тот, кто захочет сейчас оживить сельскую экономику, принести в нее конкуренцию, вновь привить земледельцу ответственность и за сев, и за уборку, неизбежно будет вторгаться не только в интересы пригревшегося чиновничества, но, главное, в сформировавшиеся под нажимом административной системы интересы значительной части крестьянства. Это куда более чревато и действительно составляет серьезную проблему.

Но не надо лукавить, предлагая крестьянам самим выбрать себе форму хозяйствования и вынося вопрос о формах собственности на землю на всенародный референдум. Такие вопросы не решаются голосованием. Энгельгардт перестраивал в течение пятнадцати лет свое хозяйство не из чистой любви к искусству реорганизаций, а потому, что иначе ему было не выжить. Любая форма хозяйствования и собственности имеет право на существование не потому, что она кому-то нравится и удобна, а потому, что она оказалась эффективнее других. И если Цветков в свободной конкуренции с «Козинским» продемонстрирует свое экономическое преимущество, если сможет дать продукции больше и дешевле, то, хоть бы за совхоз голосовал весь Смоленский район, каждый покупатель рублем будет голосовать за Цветкова. И совхозу в нынешних его формах не выжить. Впрочем, теоретически не исключено, что все будет наоборот. В любом случае по своим местам все должен расставить естественный экономический отбор.

Но чем дольше власти будут сохранять подпорки под латифундиями (а последнее списание очередных миллиардных долгов хорошее им подспорье), тем меньше шансов у Цветкова взять власть в свои руки, тем меньше возможности для развития конкуренции. Тем выше будет наша общая и без того немалая плата за промедление.

А за крестьян пусть Полозков не переживает. Энгельгардт еще сто лет назад убедился: «Конечно, крестьяне, по самим условиям своего хозяйства, не могут перенимать многое, что могло бы им быть полезно, но они, однако, вовсе не так косны, как думают многие, и способны многое перенять, если на деле увидят, что это хорошо...» А то, что нелегкий и рискованный, но свободный и творческий труд лучше и выгоднее нынешнего прозябания, думаю, скоро станет ясно.

...Когда я уезжал из Батищева, подошел старик и, видимо, приняв меня за местного чиновника, спросил:

— Когда дорогу почините?

А ведь были здесь другие времена. Деды и прадеды этого старика таких вопросов не задавали. Когда Энгельгардт захотел починить эту же дорогу, «на другой день явилось двадцать пять человек, все саженные молодцы пришли, потому что и богачи прислали своих ребят, с двадцатью пятью лошадьми, и в один день все сделали».

Не хочется думать, что эти времена ушли безвозвратно.

Смоленская область.

ОБРАТНАЯ ПЕРСПЕКТИВА

СИМВОЛИЗМ В РОССИИ

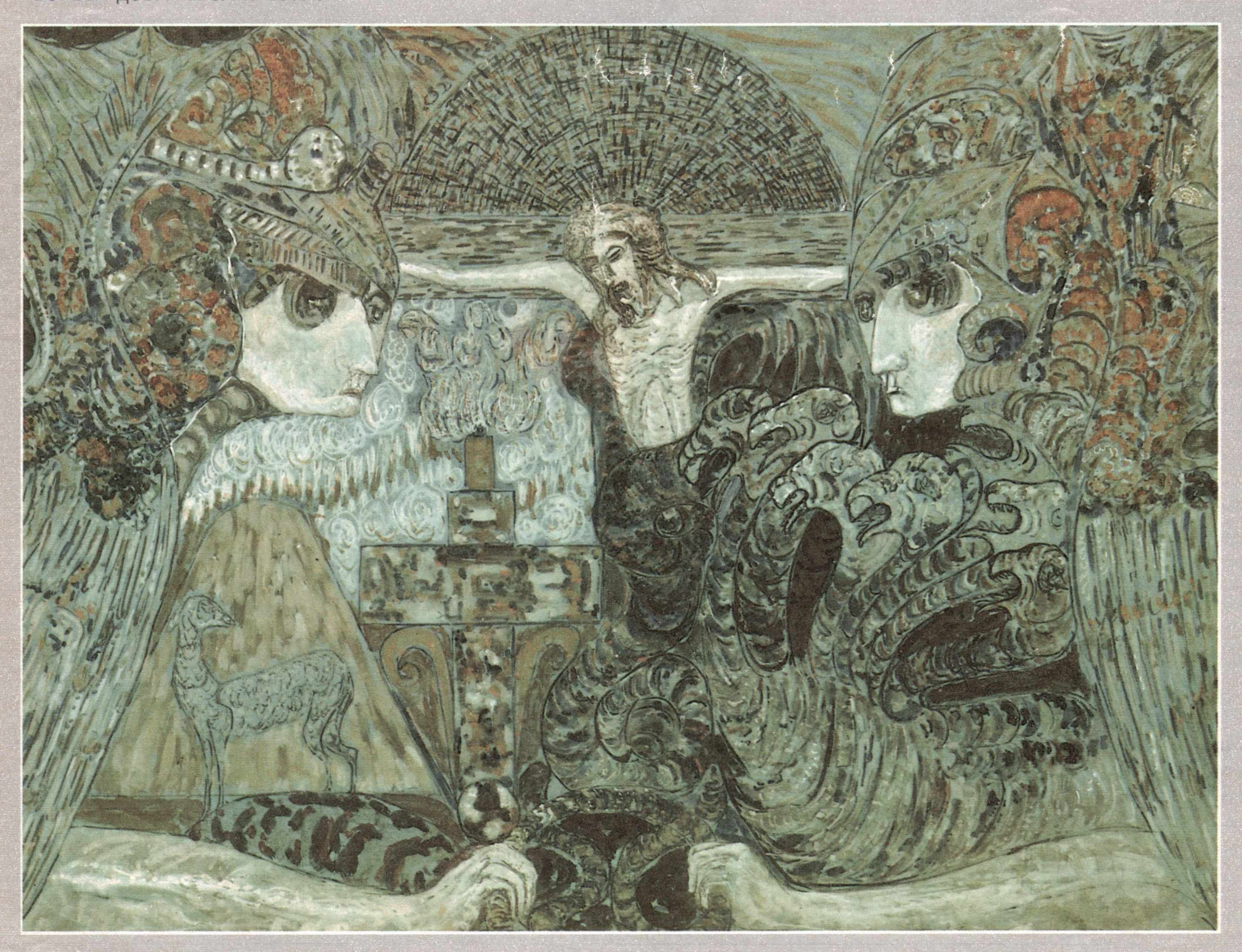
Символизм — понятие очень спорное. Скорее это желание художника «живописать Идею», как говорил Эдгар По. Похоже, устроители выставки «Символизм в России. 1890—1930», организованной Фондом культуры, прониклись этой мыслью, ибо именно она объединяет такие разные произведения, как работы реалистов рубежа веков, представителей петербургского «Мира искусства», московской «Голубой розы», художественных группировок 1910-х годов, послереволюционных объединений «Маковец» и «Жар-цвет».

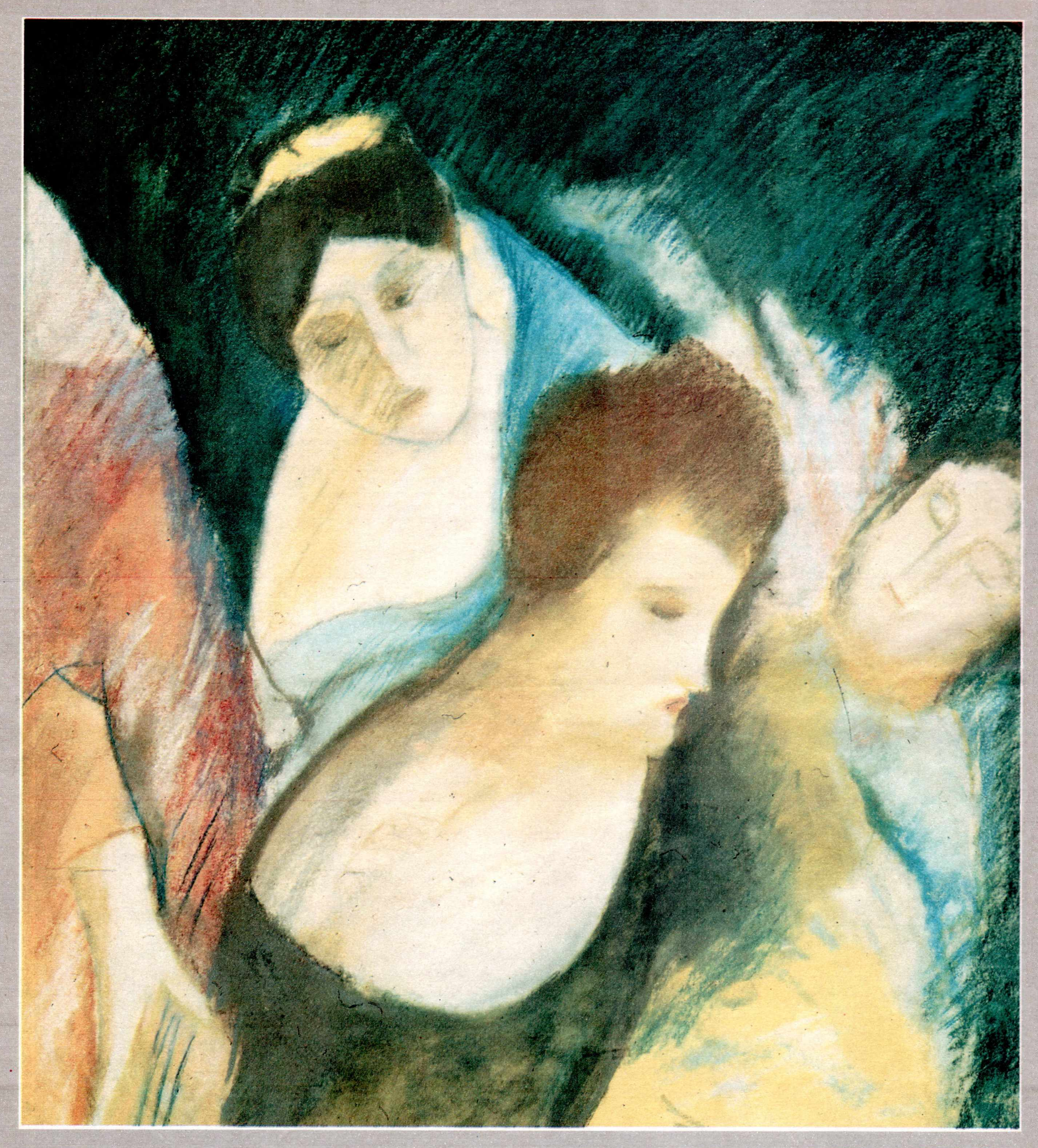
Выставка собрана не из музейных экспонатов, а из частных коллекций, и это определило ее камерный характер. Тем не менее диапазон представленных имен широк. Здесь рисунки-фантазии Михаила Врубеля, «безудержная красочность и трагическая небрежность» живописи Николая Сапунова, «воздушность и сквозные очертания» образов-чувств Павла Кузнецова, романтическая меланхолия Виктора Борисова-Мусатова и романтическая ирония «Мира искусства», чувственность восточных сказок Мартироса Сарьяна, свобода «линейных хитросплетений» рисунков Бориса Григорьева, киммерийские пейзажи Константина Богаевского, крымские акварели Максимилиана Волошина, архитектурные пейзажи Станислава Новаковского и Георгия Лукомского, графика последовательного русского «бердслианца» Николая Феофилактова, кошмары и ужасы Василия Масютина, «мистические образы войны» Натальи Гончаровой, духовное напряжение и эмоциональность графики Василия Чекрыгина...

Разделить художников на чистых символистов и, так сказать, «временно увлеченных» чрезвычайно сложно. В какой-то мере выставка разрушает искусствоведческие постулаты. Непосредственное зрительное восприятие — вот главный критерий отбора. Подобного подхода придерживался еще Максимилиан Волошин, писавший, что «в живописи совсем нет символа в непосредственном смысле этого слова, есть только возможность его немедленного зарождения в душе зрителя».

Н. РАЕВА

В. И. Денисов (1862—1921)
«БОРЬБА ДОБРА И ЗЛА». 1900-е гг.

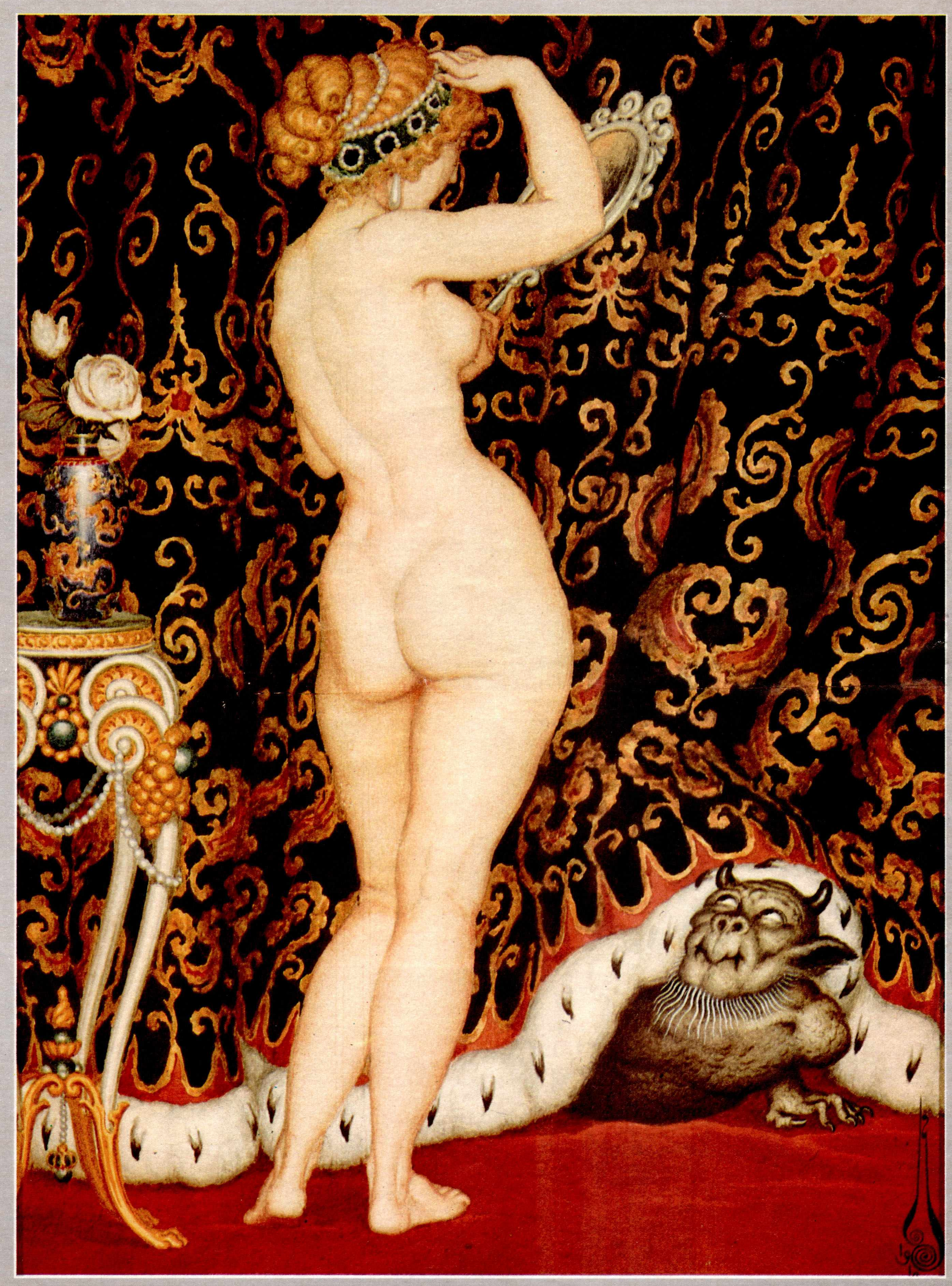

В. Н. Чекрыгин (1897—1922)
«ТРИ ЖЕНЩИНЫ». 1918 г.

Л. Т. Чупятов (1890—1942)
«АНГЕЛЫ». 1920-е гг.

К. Ф. Богаевский (1872—1943)
«КИММЕРИЯ. ДУХИ КАРАДАГА».
1927 г.

Н. К. Калмаков (1873—1955)
«ДЕВУШКА И ЧЕРТ». 1919 г.

ИНИЦИАТИВА

ТВОРЧЕСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «ИНИЦИАТИВА» ИЗ ПЕРМИ ПРЕДСТАВЛЯЕТ НОВУЮ КИНОКОМЕДИЮ АМЕРИКАНСКОЙ КИНОКОМПАНИИ «НЬЮ УОРЛД ПИКЧЕРЗ»

ЭЛЬВИРА

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА ТЬМЫ

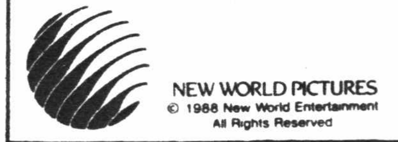

ELVIRA®

Mistress of the Dark™

О Эльвира!
Экстравагантная, Легкомысленная и вгоняющая в дрожь Волшебством, Игрой, Риском, Азартом!
Только ты могла очаровать благополучный городишко где-то в Массачусетсе, сведя с ума всех жителей ночными шоу-сеансами в местном кинотеатре!
Только ты могла противостоять злобному носителю дьявольщины и не испугаться страшной ночи полнолуния!
Только ты могла сначала стоять на костре, а потом продолжить свою карьеру на сцене роскошного казино в Лас-Вегасе!

СМОТРИТЕ НА ЭКРАНАХ СТРАНЫ!

NEW WORLD PICTURES

Справки о приобретении копий фильма по телефону в Перми 45-45-00, 64-34-16.

SOIUZNIK СОЮЗ

СТРАХОВОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО «СОЮЗНИК»

INSURANCE COMPANY «SOIUZNIK» LIMITED

Вместе сделать шаг к социальной защищенности и финансовой безопасности предлагает каждому акционерное страховое общество «Союзник».

«Союзник» готов взвалить ваши заботы на свои плечи и гарантирует:

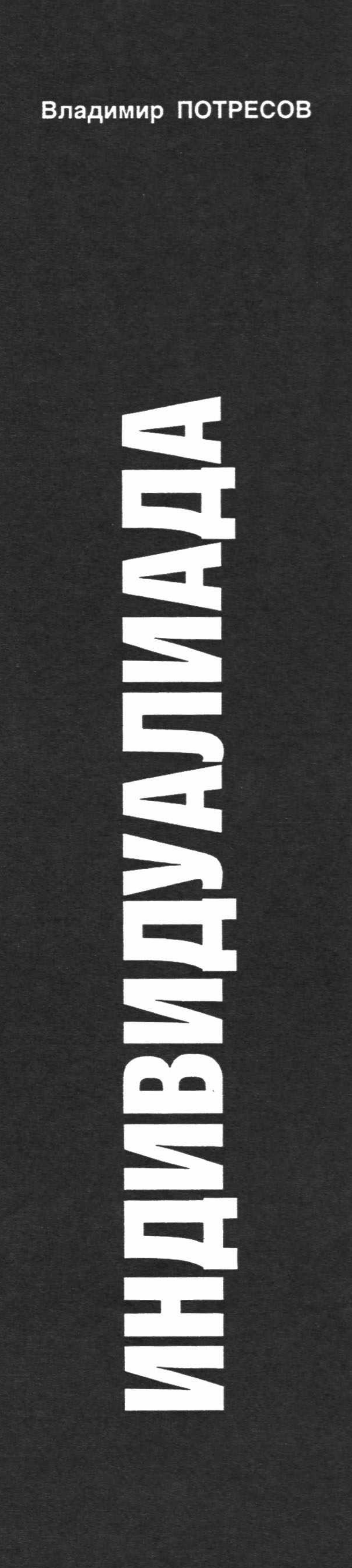
— хранение ваших денежных средств под высокие проценты с одновременным предоставлением страховых услуг

— неограниченные размеры страхового обеспечения и его немедленную выплату

— сохранность ваших денежных средств при любых обстоятельствах

Обретение «Союзника» — это выгодная форма страхования на выгодных условиях

«Союзник» ждет вас в Москве, Норильске, Алма-Ате, Стаханове.
113095, Москва,
ул. Пятницкая,
д. 72, стр. 2
Телефон: 231-04-57

Владимир ПОТРЕСОВ

ИНДИВИДУАЛИАДА

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

— А образец принесли? — спросила Председатель.

Я сказал, что образца у меня нет.

— Почему вы не принесли образец изделия? — строго поинтересовался один из членов комиссии.

Я объяснил, что для того, чтобы принести образец, его нужно сделать, а чтобы сделать, нужен материал. А материал в магазине не купишь — не продают. А чтобы купить иным путем, нужен патент или регистрационное удостоверение. А чтобы получить это, я пришел на комиссию, а вам нужен образец, который...

— Ну, понятно,— перебила меня Председатель и, подумав, сказала:

— Расскажите технологию.

КОМИССИЯ

Весной 1987 года безграничный и терпеливый русский язык обогатился новым словом — «индивидуальщик». Не «индивидуалист» — слово, которое вызывало отвращение еще с пионерских времен, а «индивидуальщик».

Был раньше в моде такой прием: журналист меняет профессию. То есть на самом деле он ничего не меняет, а надевает на время каску монтажника, садится за баранку «КамАЗа», смотрит, что там к чему, а потом рассказывает в своем очерке, каково работать в разных отраслях народного хозяйства.

Я же решил профессию не менять, а просто попробовать себя в ином качестве. Заняться индивидуальной трудовой деятельностью.

Комиссия по ИТД разместилась в торце коридора, как раз напротив туалета. Все оставшееся между этими учреждениями свободное пространство заполняла разного рода информация: стенд с текстом Закона об индивидуальной трудовой деятельности, указание, какое предприятие района продает сырье — брус, швеллер, проволоку и другие полезные вещи, а также перечень мест, где можно продать готовые изделия, сделанные в соответствии с Законом об индивидуальной трудовой деятельности из предлагаемого сырья.

Время было обеденное. Комиссия по ИТД отсутствовала, постепенно собирался народ.

Молодой человек в куртке, как оказалось, студент, рассказывал о своем бизнесе, пока нелегальном, так как еще не оформился индивидуальщиком.

—...покупаем, значит, в магазине бижутерию, переделываем, что-то добавляем, кое-что убираем и продаем в Измайлове. Рублей пятьдесят в день получаем.

— На каждого? — ахнул потенциальный таксист-индивидуальщик.

— Нет, на двоих — мы с женой работаем...

Наконец меня приняли. Вежливая девушка указала список документов, которые я должен представить.

— Самое трудное — взять справку с места работы, но вы можете сказать,

что вам нужно в жэк или еще куда-нибудь. Дело в том, что не всюду любят, когда сотрудники занимаются индивидуальной трудовой деятельностью.

Вспоминаю такой разговор. Дело было в городе Вязьма, где кожевенный завод предлагал индивидуальщикам и кооперативам использовать отходы своего производства. Позвонил я туда из кабинета работника горкома партии.

— Смотрите,— сказал я хозяину кабинета,— оказывается, я первый обращаюсь. Никто из ваших не откликнулся на объявление в «Рабочем пути».

— Конечно,— значительно отозвался тот,— у нас бездельников нет. Это в Москве, кому делать нечего, занимаются таким...

Но все это было потом. А здесь, в исполкоме, девушка-секретарь дала мне бумажку, в которой указывалось, когда я должен прийти на комиссию, где будет разбираться «мой вопрос».

В назначенный час я оказался в компании будущих индивидуальщиков, ожидавших в коридоре перед комнатой, где заседала комиссия. Вызывали по одному. Вызываемый возвращался со смущенной улыбкой обесчещенного. Атмосфера напоминала экзаменационную сессию на младших курсах.

Наконец услышал свою фамилию. Председатель восседала во главе длинного стола, по сторонам которого скучала комиссия человек в двадцать. Председатель зачитала мои документы. Когда же было обнародовано, что я корреспондент одного из центральных журналов, комиссия несколько оживилась и заерзала.

— Итак, почему вы решили заняться пошивом горнолыжных перчаток?

Я объяснил, что более четверти века катаюсь на лыжах, что страна наша закупает для этого за рубежом практически все: лыжи, ботинки, палки, костюмы, защитные очки. А вот перчатки не закупает. Поэтому их продают на черном горнолыжном рынке за бешеные деньги те, кто катается за рубеж. В небольшом количестве перчатки для горнолыжников выпускает, правда, экспериментальная фабрика спортивного инвентаря (ЭФСИ), но, во-первых, на всех не хватает, а во-вторых, за двадцать лет фасон ее перчаток практически не изменился, хотя сама фабрика за это время была переименована в комбинат (ЭКСИ). Ну, а кроме того, качество перчаток оставляет желать лучшего: разваливаются они менее чем за сезон — сам сменил не одну пару, которая стоит, кстати, 24 рубля (я попрошу читателя запомнить эту цифру — она нам еще понадобится).

Комиссия нахмурилась. И тогда я услышал тот самый вопрос об образце, с которого и начал рассказ. Потом я вкратце изложил технологию производства — мне приходилось шить себе перчатки, точнее, перешивать из тех, что поставляет ЭКСИ.

— У нас больше вопросов нет,— сказала Председатель.

— У меня есть.

Комиссия озадаченно посмотрела на меня.

— Для чего вы существуете?

— Как для чего?..— Председатель задумалась.— Ну, проверяем, можете вы работать или нет.

— А как вы это проверите, даже если бы я принес образец? Вдруг не я его сделал? А кстати, кто-нибудь из членов комиссии видел, как выглядит горнолыжная рукавица?

Выяснилось, что никто не видел, а о бугельном подъемнике, который в клочья рвет обычные перчатки, не знают и понаслышке.

— Идите,— сказала Председатель,— там люди ждут.

ФИНУПРАВЛЕНИЕ

Вот что меня удивило: комиссия по ИТД принимает посетителей лишь в рабочие дни, суббота и воскресенье — выходные. Часы работы — с 9 до 18, и лишь в среду — с 13 до 21 часа. То есть человек, который трудится на заводе или в конторе, может прийти сюда только в среду. А ведь одно из главных требований к индивидуальщикам — наличие постоянной работы. Вначале я даже пытался подсчитывать, сколько рабочего времени ушло у меня на посещение исполкома, финансовых учреждений, а потом понял: человек, который ходит каждый день на службу и не прогуливает, НЕ В СОСТОЯНИИ ЗАНИМАТЬСЯ ИТД.

Понял я и еще одну вещь: заставляя приходить тебя в рабочее время, в исполкоме как бы проверяют, сможешь ли ты вообще работать. Ведь для того, чтобы обеспечить себя материалами и инвентарем, нужно все дела решать ТОЛЬКО в рабочее время.

А пока я размышлял о том, сколько еще часов мне предстоит просидеть в районном финотделе. Здесь очередь солидная — индивидуальщиков принимают всего два дня — в четверг и понедельник, тоже, естественно, в рабочее время. Оформление каждого длится минут 20—30. Вот и считай, если перед тобой десять человек.

Из разговора в очереди я узнал, что нужна фотография, назывались также разные суммы денег, которые я должен заплатить.

Фотографию я случайно нашел в бумажнике, а молодой человек напротив посоветовал заплатить пятерку в сберкассу, что за углом. Разговорились. Он оказался специалистом «по гробовым делам».

Я содрогнулся.

— Надгробия делаю,— приветливо пояснил молодой человек.

С ним, правда, потом вышла загвоздка. Оказалось, что материал его «сильно фондированный». Я имею в виду камень. В общем, просидел он в кабинете минут сорок. Думаю, что парень надолго запасся материалом: уж очень у него была независимая физиономия.

Вообще-то публика сидела все больше знакомая: тот же таксист-перехватчик. Студент. Опять все бодрились, но здесь иначе: как перед кабинетом дантиста или венеролога. Рассказывали друг другу такие небылицы из налоговой деятельности, что у самих дух захватывало. Проявляли незаурядную эрудицию в вопросах, как избежать налогообложения. Но, может, кое-что присочиняли. Запомнились две истории.

— Жена меня бывшая совсем замучила,— говорил таксист-перехватчик,— одолела просто алиментами. Тогда я нашел себе работу, получаю свои восемьдесят, плачу ей с них алименты, а сам на «жигуленке» подрабатываю. Имею сотен пять, и все свои!

И он оглядел нас победно, чтобы и мы вместе с ним порадовались такому удачному решению вопроса.

— А меня вот что интересует,— обратился ко всем создатель надгробий.— Вот я, к примеру, имею левые деньги. Большие деньги. Предположим, решил купить «Волгу» или дачу за сорок тысяч. Решил я деньги легализировать, взял патент на частный извоз, ни разу машину со двора не выкатил, а через год заявляю: извольте, я заработал 50 кусков. Как так? А вот так — такой я способный!

Вскоре пригласили меня, женщина в кабинете еще раз удивилась желанию шить перчатки, однако выдала регистрационное удостоверение А № 136239.

THE SINGER MNFG CO

— Ты ищешь «Зингер»?

Передо мной стояли два рослых небритых амбала. Я признался, что мне нужен «Зингер».

— Тогда поехали.

— Куда?

— Да тут недалеко, за город...— И они быстро расположились в машине.

Сначала мы ехали по Дмитровскому шоссе, потом свернули в глухой проселок, потом...

Но надо пояснить, откуда взялись амбалы и почему речь зашла о «Зингере». Как-то я признался своему приятелю, в какую авантюру ввязался. И тут выяснилось, что он, оказывается, когда-то в молодости работал наладчиком швейных машин на кожевенной фабрике!

— Тебе нужен только обувной «Зингер»,— поучал меня приятель,— класса так 16, 33 или 34-го, причем непременно со специальной лапкой — «прессроликом». Купить их практически невозможно, я, конечно, поговорю со знакомыми, но маловероятно...

Сделать невозможное возможным помогают рекламные объявления в разделе «купля-продажа». И вот начались звонки. Предлагали все: от персональных ЭВМ до японских оверлок-машин. Об изделиях некогда популярной фирмы «Зингер» и говорить не приходится — ими, оказывается, завалена вся Москва.

Вскоре мы подрулили к какой-то полуразрушенной деревне. И здесь в заброшенном сарайчике стоял совершенно ржавый огромный ножной «Зингер» с «пресс-роликом».

— Ну, берешь, что ли? — Мои попутчики куда-то очень торопились.

Я сделал вид, что внимательно изучаю аппарат, даже попробовал крутануть колесо, однако это не вышло.

— Бери скорее, недорого отдаем!

И я решился. И не пожалел. Разобрал машину до последней детальки, вымыл в керосине, протер, смазал, и к вечеру мой «Зингер» почти без регулировки тихонько застучал, стачивая добытые по случаю обрезки кожи.

НАВАР С ЯИЦ

Существует притча о представителе нацменьшинства на юге царской России, который покупал за гривенник дюжину яиц, варил их, а на следующий день продавал вареные яйца по исходной цене.

— Я имею бульон и к тому же таки при деле,— отвечал он любопытным друзьям и знакомым.

Не зря я вспомнил эту притчу, рассказывая об индивидуальной трудовой деятельности. Я оказался бы, продавая свои изделия по госцене, в положении худшем, нежели герой старой притчи.

Поясню на примере. Оптовая цена на квадратный дециметр кожи, из которой шьют перчатки,— 20 копеек (все цены до второй половины 1990 года). А розничная ее цена, для кооператива или ИТД, согласно «письму Госкомцен»,— в 6 раз (!) больше. Любопытно, что эти 500% надбавки идут не предприятию, а в госбюджет — нечто туманное и обезличенное. Но дело не в этом: на одну пару перчаток уходит около 20 дм^2 кожи. Путем несложных арифметических расчетов получаем, что только кожа на пару перчаток стоит 24 рубля — число, загадочным образом совпадающее со стоимостью тех, помните, перчаток, выпускаемых Экспериментальным комбинатом. А ведь нужны и другие материалы, нитки в конце концов! И хочется заработать еще что-то, помимо бульона с яиц.

ПОСРЕДНИКИ

Не всегда так: кто умеет делать продукцию, тот умеет и продавать ее. Не всегда верно и обратное. Однако разрешение на ИТД предполагает как изготовление, так и реализацию изделий одним и тем же лицом. Должен сказать, что вначале я думал о процессе реализации с содроганием. Поэтому меня очень обрадовало объявление, что ряд универмагов, магазинов Мосспортторга, районные управления торговли принимают у индивидуальщиков продукцию с целью сбыта.

Единственный спортивный магазин в Москве, который принимал тогда изделия от индивидуальщиков, находился в такой дали от центра, что там на прилавках лежали даже какие-то товары.

— Горнолыжные перчатки? — удивился товаровед.— Покажите, может, возьмем. Правда, хочу предупредить: изделия индивидуальщиков у нас расходятся плохо.

Перчатки понравились, но тут выяснилось, что как раз сегодня нет директора магазина, и когда будет — неизвестно, а без него со мной договор заключить невозможно. Ладно, заеду сюда как-нибудь, когда удастся для этого выкроить свободные полдня.

Отказали мне и в крупных столичных универмагах.

Тогда я отправился в комиссионный магазин, где торгуют и спорттоварами.

— Мы перчатки у вас, конечно, возьмем,— сказала приемщица,— но учтите: никакой ответственности за ваши изделия мы не несем.

Я не понял.

— Понимаете, если мы берем на комиссию вещь отечественного или импортного производства, то смотрим стандарты или каталоги и назначаем цену. А возиться с вашими изделиями и выслушивать претензии — увольте. Если что, сами будете разбираться с клиентами.

Теперь я понял. Минимальную коммерческую ответственность комиссионного магазина — «купленные вещи обратно не принимаются и не обмениваются» — работники прилавка снимают с себя полностью.

В том же магазине произошла и другая непонятная история: когда я зашел проверить, как распродаются перчатки, то обнаружил, что в журнале реализации они значатся как непроданные, но на стеллажах спортивного отдела не лежат. Путешествуя по залам магазина, я обнаружил их в секции, где слева от них возвышались бюстгальтеры чудовищных размеров, а справа — парики.

— Я тридцать лет работаю в торговле,— сообщила мне директор магазина,— и знаю, что перчатки должны продаваться в этой секции.

— А я тридцать лет работаю покупателем и знаю, что ежели пришел покупать лыжное оборудование, то буду искать его в соответствующей секции, а не шастать по всему магазину.

— Хорошо,— неожиданно легко согласилась директор,— завтра дам распоряжение, чтобы переложили в секцию лыж.

Обещание это, правда, оказалось выполненным ровно наполовину: одна пара переехала, а вторая так и осталась с бюстгальтерами и париками.

Оставалась у меня последняя надежда — Мосспортторг. Здесь меня встретили с распростертыми объятиями и сообщили, что горнолыжные перчатки во как нужны! Обсуждали их всем отделом — чувствовалось, что имею дело с истинными профессионалами,— сделали стоящие замечания, указали, что и как надо улучшить, а потом заговорили о деле:

— Подготовьте опытную партию — так пар сто — и передайте нам. Если пойдет, мы закажем еще.

— А если не пойдет?

— Тогда мы их вам вернем к концу сезона. Нет, нет, никаких гарантий и авансов: как продадим, так и выплатим деньги.

Исследовав, таким образом, все доступные варианты «официальной» торговли, я все отчетливее стал понимать, что система упорно выталкивает меня на вещевой рынок, некогда именовавшийся «барахолкой».

По глубокому моему убеждению, это невыгодно государству по ряду причин. Во-первых, отказывая или создавая неудобства и необоснованные ограничения индивидуальщикам, отечественная торговля впрямую теряет хотя бы комиссионные.

Во-вторых, государственная торговля способствует эффективному контролю за заработками индивидуальщиков, помогает организовать тактичную и ненавязчивую систему работы инспекторов финансовых органов. А в-третьих, отсутствие должного контроля поощряет появление всякого рода имитаций и подделок.

РЫНОК

И вот я на одном из московских горнолыжных рынков. Погода — лучше не придумаешь: не холодно, так что от долгой толкучки не зазябнешь, но под ногами снег — лыжный сезон на носу.

...Я вытащил из сумки пару перчаток и сделал вид, что внимательно их разглядываю.

— Почем отдаешь?

Передо мной стоял мужчина в куртке «Эллесс» и шапочке «Кэстл». Я назвал цену.

— Ух ты! — обрадовался покупатель.— А чего так дешево? Чьи они?

Он рассматривал перчатки, мерил, чувствовалось, что ему нравится.

— Наши,— ответил я.

— Как наши? Главспортпром, что ли, лицензию купил?

— Нет, ИТД.

Мужчина внимательно и придирчиво еще раз осмотрел изделие.

— Вот здесь,— показал он,— шов кривоват. Да и вообще выкройка не очень удобная... Тут один «Атомик» предлагает — классные перчатки, правда, 220 рублей, но уж с этими не сравнишь.

Тогда я достал из сумки пару заранее приготовленных французских горнолыжных перчаток.

— А эти?

— Эти у вас никто и за червонец не купит,— мельком взглянул покупатель,— лучше надо делать, на мировом уровне.

Тогда я показал ему ленточку, укрепленную на внутренней стороне перчатки: «Мейд ин Франс».

Мужчина некоторое время рассматривал перчатку, а потом спросил:

— За стольник отдадите?

Случай этот, весьма типичный, все же не заставил меня прикреплять к моим изделиям иностранные ярлыки, хотя, поверьте, было очень соблазнительно.

Вскоре у меня приобрел пару перчаток человек, вылезший из машины с дипломатическим номером.

— Натуральная кожа,— одобрительно сказал он с акцентом, который не мешал понимать смысл,— у нас делают из искусственной, на вашем морозе она непригодна и холодно...

— Знаете что, не мудрствуйте лукаво,— по-доброму посоветовали мне в одной торговой организации,— скопируйте австрийские перчатки и шейте себе. И вам проще, и покупатель доволен будет!

Что ж, может, и внять доброму совету, ведь не скупит же у меня всю продукцию дипкорпус...

КОММЕНТАРИЙ ДЛЯ НЕДОУМЕВАЮЩЕГО ЧИТАТЕЛЯ

Вот представляю, как потенциальный мой читатель, отбарабанив полный рабочий день, накувыркавшись в муниципальном транспорте, урвав остатки чего-то съедобного в пустом магазине, раскроет журнал и прочтет про горнолыжные перчатки.

Предвижу его реакцию...

...Долгое время после принятия Закона об индивидуальной трудовой деятельности, Закона о кооперативах нам внушали, что кооператоры (индивидуальщиков всегда объединяют с ними) съели весь сахар, все мясо и выпили всю водку. Вся эта чушь хорошо прижилась в социальной среде, в которой семь десятилетий долдонили о частнике, кустаре как о враге народа. Мы успешно дожили до того, что труженик наш не стесняется, а, напротив, гордится даже тем, что на службе лишь курит и чай пьет, а деньги получает каждый месяц плюс тринадцатую... Я же, занявшись ИТД, то есть став тем же кустарем, испытывал жуткий стыд — нет, не из-за рода занятий, в конце концов я мог взяться за любую другую работу,— вообще из-за того, что я работаю индивидуально, а не в колхозе или на госслужбе. Все, кому я сознавался, смотрели на меня так, будто я делаю что-то нехорошее, лишь немногие сочувствовали: ничего, ничего, это пройдет...

Вряд ли существует такая статистика, но я почти уверен: процент негодяев в госсекторе, кооперативах и индивидуальном труде примерно одинаков. Думаю даже, что в госсекторе воруют больше, но уж так повелось: вам не стыдно за полцены заправиться левым бензином на государственной заправке, но вы же будете ругать последними словами таксиста-индивидуальщика, который содрал с вас вдвое больше, чем принято.

Я, конечно, каюсь, что занялся столь экзотическим производством, когда в стране вообще ничего нет. Оправданием мне служит то, что, когда начинал, что-то все же было.

Если ж говорить серьезно, то обычно индивидуальщиков ругают те, кто не хочет или не умеет работать. Я не идеализирую индивидуальный труд, однако на том этапе, который переживает наша страна, он может оказаться уместным в очень многих ипостасях. Естественно, по мере того, как мы будем пробираться к цивилизованному труду — а мне хочется верить, что это произойдет,— неизбежно возникнет разумное перераспределение, и индивидуальщиками останутся лишь мастера — золотые руки, способные конкурировать с современной технологией.

Даст Бог, доживем...

ХОЖДЕНИЕ ПО МУКАМ

На собрании членов клуба друзей журнала «Огонек» и на молитвенном собрании в день праздника Покрова Пресвятой Богородицы прихожанами и клиром Нидеркунской старообрядческой общины принято обращение к Президенту СССР М. С. Горбачеву, Верховному Совету СССР и Верховному Совету РСФСР:

1. Немедленно выдать И. В. Окуневу документы о реабилитации и выплатить компенсацию в полном размере.

2. Привлечь к ответственности работников прокуратуры и других органов, виновных в волоките в отношении реабилитации И. В. Окунева.

3. Обеспечить выполнение закона о реабилитации и выплате компенсации всем жертвам репрессий.

Латвия, г. Даугавпилс

В № 40 «Огонька» за прошлый год в рубрике «Хранить вечно» под названием «Хождение по мукам» опубликовано письмо Ивана Васильевича Окунева. В марте 1938 года, двадцатилетним, он был репрессирован только лишь за то, что на руках имел просроченный паспорт. Вместо трех лет отбыл девять в лагерях Магаданской области. Девять лет издевательств, чудом остался жив. Старый человек, полуслепой, инвалид прислал в редакцию свидетельства страшного времени, когда ГУЛАГ пожирал миллионы жизней ни в чем не повинных людей. Вот так, не исправляя, с ошибками, без запятых мы и напечатали воспоминания Ивана Васильевича, бывшего комсомольца, ныне, казалось, всеми забытого больного старика. И вот новое письмо. Как и первое, мы даем его без исправлений.

«Дорогая редакция журнала «Огонек» обращаюсь к вам с просьбой отблагодарить читателей за письма ко мне на мой рассказ «Хождение по мукам». Спасибо большое спасибо за теплое чистосердечие. Также от души благодарю за бандероли и посылки за благотворительную помощь и переводы. На письма я отвечал. Но так как писем было много на некоторые не мог ответить потому что у меня после двух инсультов парализовано зрение. Письма со всех концов. Из Сибири Владивостока Сахалина ФРГ Болгарии Эстонии Латвии. Переводы из Латвии Украины Ленинграда Москвы и т. д. На все переводы отвечал телеграммой. Но штук пять без обратных адресов пусть не обижаются. Я погоревал погоревал и решил написать вам. Пусть знают что я их получил. Еще спасибо за лекарства. Я до слез тронут помощью.

Еще хочу сообщить что писал не для того чтобы вызвать жалость. Чтобы услышала прокуратура СССР и не забыла бы о моей реабилитации».

ОТ РЕДАКЦИИ. Десять лет Иван Васильевич Окунев хлопочет о реабилитации, важно это для него, очень важно. Но ему отвечали, что не сохранился архив, Прокуратура Союза отсылала к прокурору Москвы, а тот и вовсе молчит.... «Ведь осужденных «тройкой» сейчас всех реабилитируют»,— пишет Иван Васильевич. Сотни людей своей заботой приглушили боль старика, но, однако, его хождение по мукам, увы, продолжается. Со времени публикации в «Огоньке» прошло больше четырех месяцев, но ответа от компетентных органов редакция до сих пор не получила. В надежде, что просьба Ивана Васильевича Окунева будет скоро удовлетворена, напоминаем его адрес: Липецкая область, райцентр Красное, улица Комсомольская, 38.

ЧЕСТЬ ИМЕЕМ

В Ленинском районном суде г. Москвы в открытом судебном заседании под председательством народного судьи А. П. Авдюнина 12 февраля рассмотрен иск журнала «Огонек» и народного депутата РСФСР Сергея Ковалева, кинорежиссера Эльдара Рязанова, народного депутата СССР Юрия Щекочихина к редакции «Военно-исторического журнала».

Речь шла о защите чести и достоинства.

Перепечатав из «Огонька» Декларацию движения «Гражданское действие», «ВИЖ» (№ 4, 1990) сопроводил ее оскорбительным заголовком «Такую «демократию» мы уже проходили в 1942 году» и публикацией обращения изменнического Русского комитета генерала Власова. Для тех, кто не сумел бы сразу разгадать «намек», на той же странице помещалась стилизованная «лычка» с надписью «Огонек». А к ней, на той же странице, издевательская «сноска»: «одна поперечная нашивка на погоне соответствует званию «ефрейтор». Как известно, Гитлер тоже был ефрейтором». Для самых недогадливых в примечаниях содержались фразы: «Такой вот декларацией начинал свою предательскую деятельность иуда Власов... Схожие декларации — схожие дела?»

Ни «Огонек», ни участники движения «Гражданское действие» не требовали извинений от нашкодивших журналистов. Это дело их совести. Мы требовали опровержения лжи.

Суд длился почти восемь часов. Ответчиков было по-человечески жаль. Не найдя в себе ни мужества публично признать вину, ни отваги отстаивать собственные идеи о «фашиствующих» демократах, они стремились доказать суду случайность соседства двух несхожих текстов.

С этой целью были приглашены свидетели — сотрудники «ВИЖа». Художник рассказал о своих сложных художественных поисках в работе над «эмблемой». Оформитель — о непростой технике оформления. Редактор отдела — о своих изысканиях в секретных архивах. И все в один голос твердили, что не имели ни малейшего желания «соединять» Власова и Гитлера с «Огоньком»: другой заголовок «слетел», сноска осталась, ошибочка вышла... Истцы оскорблены? А это потому, что у них, истцов, «богатое воображение» и слабые демократические нервы. Но нервы сдавали у ответчиков, и самые простые вопросы судьи и адвокатов (даже своего!) вдруг вызывали у свидетелей то панику, то угрюмую злобу.

В перерывах заседания седоватый мужчина в майке с надписью «Даешь десионизацию!» подбадривал военных историков лекциями о «засилье жидов». Те (историки) сперва отмахивались, но потом вслушались, увлеклись... Еще запомнились две старые женщины, седые, бедно одетые, вызывавшие боль и несчастным видом своим, и бессвязными выкриками, и горькими бесслезными очами.

Известный московский адвокат Генри Резник, представлявший интересы истцов, сетуя на юридическую беспомощность позиции ответчиков, которую он назвал «наивной», отметил преступный характер предпринятой «ВИЖем» провокации — по сути, заведомо ложного доноса. Г. Резник коснулся политической стороны вопроса. Зачитав пункты Декларации «Гражданского действия» (о Союзном договоре; переходе к рынку; передаче земли; об уравнивании прав КПСС с другими партиями; духовном возрождении; реформе армии и КГБ), он разъяснил политическую подоплеку случившегося. «Время уплотнилось,— заметил адвокат.— Сегодня мы за месяцы проживаем то, что в иные времена проходят за десятилетия или века. Тогда, в феврале 90-го, этим предложениям было бешеное сопротивление приверженцев распадающейся тоталитарной системы. Оттого и необходимо было организовать отпор этим переменам. Я глубоко убежден, что если бы авторы данной публикации могли предвидеть, что вскоре произойдет,— да никогда в жизни они бы не посмели сравнить Декларацию с власовским текстом... Грязная провокация «ВИЖа» была обращенным к власти призывом покарать отщепенцев, заклеймить их «предателями родины», расправиться с окаянными демократами, предлагающими — вы подумайте! — Союзный договор».

Генри Резник дал и нравственную оценку публикации «Военно-исторического журнала». «Прочитав множество материалов «ВИЖа» за последние пару лет,— сказал он,— я нашел слово, которое, на мой взгляд, точно характеризует деятельность этого журнала. Это то самое явление, борцом с которым объявляет себя главный редактор,— разврат. В течение последнего времени «ВИЖ» занимается целенаправленным развращением общества — понижением нравственного уровня своих читателей». Отвратительные по тону цитаты из журнальных статей, прозвучавшие в зале суда, подтверждали мысль адвоката.

Наконец, была дана и профессиональная оценка. «Я не могу поверить,— заметил Г. Резник,— в то, что только идеологические расхождения могут породить ту редкостную злобу, которую питает «ВИЖ» к «Огоньку», «Новому миру», «Знамени», «Московским новостям»... Эта почти площадная брань, которая только что была здесь зачитана, объясняется извечной завистью и ненавистью бездарности к таланту. Почитайте этот журнал! Мне стало не по себе, когда я узнал, что в связи с публикацией «Майн Кампф» у главного редактора возникли неприятности, чуть ли не угроза снятия с должности. Я с облегчением вздохнул, когда узнал, что из-за Гитлера его не снимут... Полагаю, что если генерала Филатова и следует увольнять — то лишь за профнепригодность!»

Суд совещался более часа.

Причин тому множество. Любое дело о защите чести и достоинства сегодня носит особый характер, поскольку связано со столь еще непривычными нам понятиями, как право человека на защиту своего доброго имени от подлых посягательств, его способность, почувствовав оскорбление, прибегнуть к Закону, а не к иным, более знакомым средствам. Мы слишком долго жили в обществе, где клевета и ложь, распространяемые против отдельной личности, считались в порядке вещей. Что клевета, если и лагерь, и расстрел были возведены в ранг государственной политики! Мы только учимся отстаивать достоинство и честь человека цивилизованными методами. Уникальность данного процесса была и в другом: чуть ли не впервые в нашей судебной практике одно советское издание подало в суд на другое. Сами о том сперва не задумываясь, мы создали важный прецедент...

Из решения суда: «...иск редакции журнала «Огонек», Щекочихина Ю. П., Рязанова Э. А., Ковалева С. А. к редакции «Военно-исторического журнала» о защите чести и достоинства удовлетворить. Обязать редакцию «Военно-исторического журнала» в месячный срок со дня вступления решения в законную силу опубликовать сообщение о том, что заголовок «Такую «демократию» мы уже проходили в 1942 году»... не имеет никакого отношения к тексту Декларации движения «Гражданское действие»... а полностью относится к тексту обращения Русского комитета... В этом сообщении также указать, что стилизованная эмблема журнала «Огонек»... относится к тексту Декларации движения «Гражданское действие» и подтверждает ее перепечатку из журнала «Огонек», а смещение этой стилизованной эмблемы ниже уровня текста Декларации движения «Гражданское действие» произошло по вине редакции. Кроме того, в сообщении необходимо указать, что... строчки... «одна поперечная нашивка на погоне соответствует званию «ефрейтор». Как известно, Гитлер тоже был ефрейтором» напечатаны ошибочно по вине редакции, а последнее предложение примечания «Схожие декларации — схожие дела?»... относятся к декларациям Власова и никакого отношения к Декларации движения «Гражданское действие» не имеют».

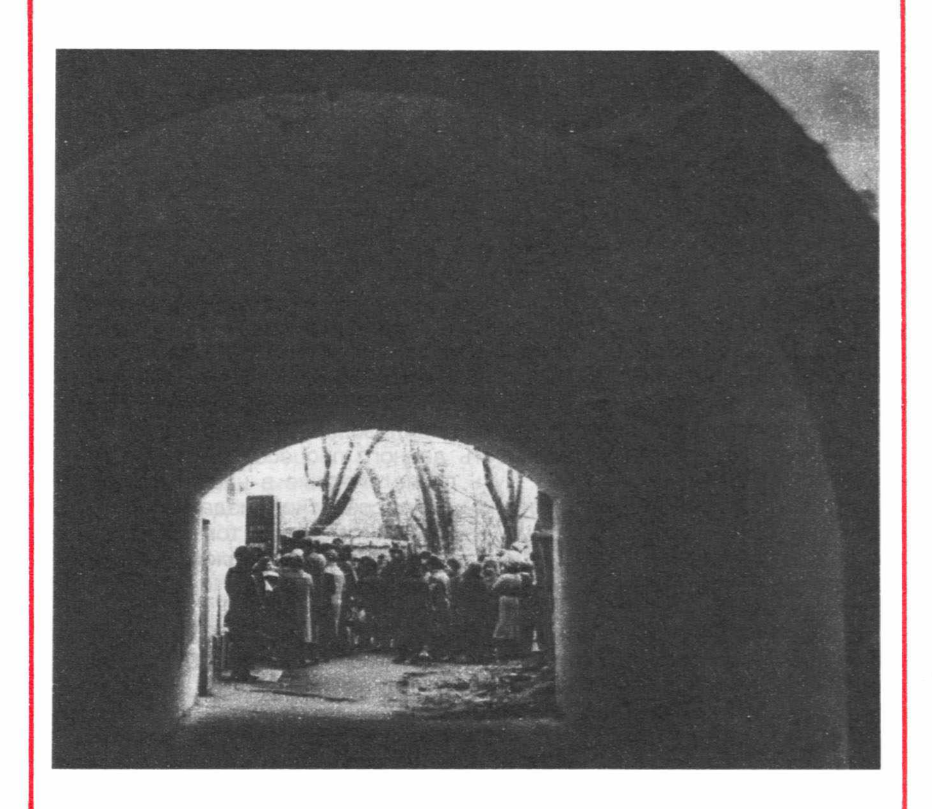
С ответчика взысканы и судебные издержки.

Илья МИЛЬШТЕЙН

*P. S. **Обращение в суд было вынужденной и не самой желанной мерой. Мы не собирались опускаться до перебранки с теми, кто с усердием, достойным лучшего применения, обливал нас помоями. Ну о чем, в самом деле, спорить с людьми, для которых площадная брань и ложные доносы — единственно доступные средства полемики с оппонентами?***

Листая «ВИЖ», мы узнали о себе много нового. Демократов сравнивали с власовцами, с Гитлером, Геббельсом, Розенбергом, а о главном редакторе «Огонька» писали, к примеру, так: «Пока в Штатах он лучший в мире, никакая Старая и никакая Красная площадь не снимет его. Руки коротки. Во всем мире так: снимает тот, кто назначает» («ВИЖ» № 6, 1990).

Теперь, когда публичным поношениям такого рода дана судебная оценка, мы вправе ожидать опровержения их на страницах «Военно-исторического журнала». Во всем мире так.

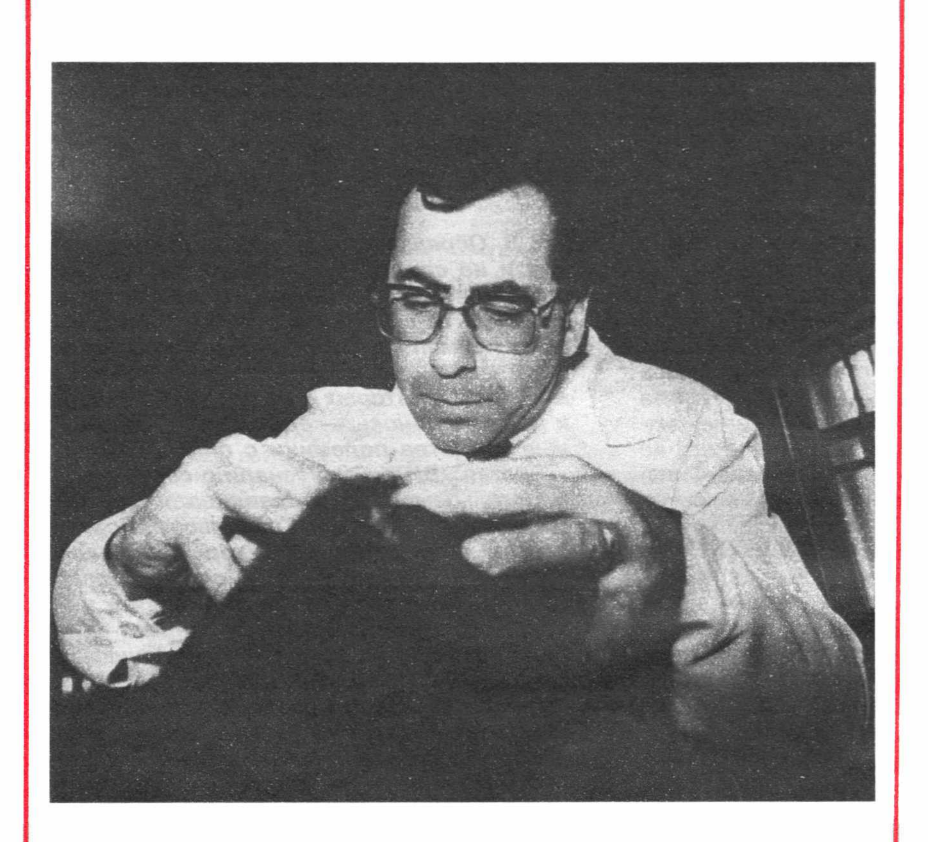
ПОСЛЕДНИЙ ШАНС

Тысячи больных стремятся попасть на сеанс к В. В. Добровольскому в клуб московской фабрики «Новая заря», на ул. Б. Серпуховскую, д. 31. И он по мере сил старается помочь каждому, кто к нему обращается. Так же, впрочем, как и другие практикующие ученики А. Р. Довженко. Но их, увы, ничтожно малое число: даже при большом умении им не победить эту страшную болезнь — алкоголизм.

И здесь снова возникает проблема общества, в котором все вывернуто наоборот. С одной стороны, есть огромный спрос — тысячи людей хотят лечиться по методу Довженко. С другой стороны, и предложение тоже есть — около сотни врачей, владеющих этим методом. Но практически ни у одного из них нет соответствующих условий для работы. Почти все, как и В. В. Добровольский, вынуждены проводить сеансы в клубах, домах культуры и других неприспособленных помещениях.

Медицинские чиновники всех рангов, которые громогласно трубят: «Пьянству — бой!», фактически пустили это дело на самотек. И мы продолжаем горько вздыхать и называть алкоголизм болезнью века...

В. АЛЬБИНИН
Фото Игоря ГАВРИЛОВА

«МЫ НЕ ПОЙДЕМ ПУТЕМ БЕЗБОЖИЯ, РАЗБОЯ И ТЕРРОРА»

Начало на стр. 4.

сильную политику, как всегда, безуспешно пытаются вылечить оружием. Пропасть недоверия, вражды и ненависти растет с каждым днем...

Боже праведный! Сколько горя еще ты припас на наши головы?! Неужто мало было материнских слез, осиротевших детей, опустевших очагов?.. Неужто мы так погрязли в этом проклятом болоте жестокости и нет нам спасения?

Есть! Это вековая мудрость кавказских народов, это седины старцев и черные платки матерей. Это разум людей, которым нужно строить новый дом, но строить так, чтобы твоя кровля не заслонила строение соседа...

В Грузии сегодня живет почти пять с половиной миллионов человек. Из них 3787 тысяч — грузины, 437 тысяч — армяне, 341 тысяча — русские, 308 тысяч — азербайджанцы, 164 тысячи — осетины, 96 тысяч — абхазы... И еще десятки других народов и народностей. Грузия стала для них родным домом, грела их своим солнцем, поила своей водой, кормила своим хлебом. Неужели эта земля, ставшая родиной для всех проживающих здесь людей, станет землей раздоров, территориальных споров и правовых междоусобиц только потому, что одним не нравится закон, принятый другими, а другие способны на принятие закона, ущемляющего права первых?

Да, сегодня грузин и осетин разделяют противоречия. Да, у каждой из сторон найдется немало аргументов в свою пользу... Но ведь решать-то надо их не силой оружия, не ценой крови, а трезвой и незлой душой. Дом, построенный из камней разрушенного соседского дома, никогда не будет прочен...

* * *

— После своего избрания главой парламента вы встречались с руководителями автономных образований?

— Только с руководством Аджарии. Руководители двух других автономий, можно сказать, избегают этой встречи. Впрочем, в Абхазии положение относительно нормализовалось. Неспокойно лишь в Южной Осетии.

— На фоне непрекращающихся дискуссий в Верховном Совете СССР о необходимости расширения прав и полномочий автономных образований острым диссонансом прозвучали ваши слова о том, что если осетины и абхазы не прекратят своих претензий, то они могут лишиться существующих автономий. Что кроется за этими словами?

— Я имел в виду буквально следующее: если какое-то автономное образование в Грузии вдруг объявит себя независимой республикой и постарается выйти из состава Грузии, то наш парламент просто упразднит эту автономию. Что нам еще остается делать? Любое государство бы поступило так же.

— Вас знают как активного правозащитника, председателя Хельсинкского союза Грузии. Нет ли в сказанном вами противоречий с основными правами человека? Правами, которые вы отстаивали, за которые боролись все эти годы?

— Не ищите здесь противоречий. Их здесь нет и не может быть. И ссылки на якобы имеющиеся или возможные в будущем нарушения прав человека в Грузии абсолютно беспочвенны.

У нас веками мирно сосуществовали различные этнические группы. И если сегодня приходится говорить о межнациональных конфликтах, возросшей нервозности в отношениях между различными народами, то необходимо в этом случае обязательно добавить: демократические преобразования в республике, борьба за государственную независимость здесь ни при чем.

Этнокризис, охвативший СССР, является прямым следствием тоталитарного режима, извращенной национальной политики, которую десятилетиями внедряли в жизнь отцы коммунистической идеологии.

А в нашей решимости защищать права грузинского населения, особенно в так называемой Южной Осетии, где грузины составляют меньшинство и, я уже отмечал, дискриминируются со стороны осетинских националистов, в нашей решимости не дать расчленить целостность республики не нужно видеть абсолютно никакого ущемления прав человека. Наша политика в этом вопросе отвечает всем международным правовым нормам.

Некоторые средства массовой информации весьма вольно трактуют процессы, происходящие в Грузии. По этой причине я хочу еще раз подчеркнуть: наше отношение к негрузинскому населению всегда было дружеским. От этого принципа мы отходить не собираемся. И будущий закон о защите прав национальных меньшинств, который примет наш парламент, станет лучшим тому под-

тверждением. А распускаемые нашими недругами слухи о притеснениях нацменьшинств в Грузии — это неуклюжая попытка создать негативное общественное мнение о политических процессах в республике, ее новом Верховном Совете, помешать развитию нашей независимости.

— Закавказье несколько лет считается горячей точкой страны. Армяно-азербайджанский конфликт принес уже немало жертв, однако проблема НКАО до сих пор не решена. Теперь вот выстрелы раздаются в Грузии: здесь барометр межнациональных отношений показывает бурю. Что же дальше? Конфронтация или сотрудничество?

— Обязательно сотрудничество! Очаги конфронтации надо нейтрализовать. К сожалению, сделать это нелегко, но стремиться к этому нужно. Народы Закавказья должны жить в мире.

— Партия зеленых Грузии выступает за создание Общекавказского дома. Идея эта находит поддержку у различных этнических групп, населяющих регион. Каково ваше отношение к этой идее?

— Это, знаете ли, демагогия чистейшей воды. Вначале надо заиметь собственный дом, а потом уже думать о доме общем. Когда народы региона станут действительно свободными, когда республики обретут подлинный суверенитет, вот тогда и можно всерьез подумать о Кавказском доме. Европа, к примеру, может позволить себе подобные разговоры, потому что она объединяет независимые государства. Нам же до этого еще далеко. Я считаю, что подобные разговоры просто болтовня.

— В ходе предвыборной борьбы отдельные партии говорили о том, что новый парламент должен вернуть Грузии ряд территорий, которые она потеряла в 1921 году в результате аннексии. По их утверждениям, эти территории в настоящее время находятся в составе Закавказских республик и России. Каково отношение нового руководства Грузии к этим требованиям?

— Подобный вопрос может поставить только парламент независимой Грузии. Но поскольку наш Верховный Совет является высшим органом власти переходного периода и не может быть субъектом международного права, то этот вопрос в ближайшее время парламентом рассматриваться не будет.

— Есть все основания утверждать, что с первых же шагов грузинский парламент вступил в конфликт с центром. Я имею в виду отношение Верховного Совета к новому Союзному договору, назначение новых руководителей КГБ и МВД Грузии и соответствующую реакцию Москвы. Прокомментируйте, пожалуйста, позицию ВС по этим вопросам.

— Да, действительно наш парламент на своей первой сессии однозначно высказался о Союзном договоре: Грузия не подпишет его ни при каких условиях.

В своем заявлении Президенту СССР я отметил, что в настоящее время Верховный Совет Грузии отказывается от рассмотрения и подписания Союзного договора, поскольку республика на данном этапе находится лишь в начале переходного периода на пути к полной государственной независимости. А это не позволяет нынешнему Верховному Совету брать на себя какие-либо политико-правовые обязательства.

Только обретя полную независимость, только став действительным хозяином своей судьбы в политической и других сферах государственной жизни и полноправным субъектом международного права, грузинский народ сможет уполномочить Верховный Совет Республики Грузия подписать какой-либо договор с другими странами. Договор, устанавливающий ту или иную форму союза государств.

Что же касается реакции Президента СССР на назначение парламентом Грузии двух первых руководителей МВД и КГБ республики, а реакция была негативной, то тут тоже все ясно: оба этих ведомства всегда были главными рычагами империи. Теперь же они стали подлинно национальными и вышли из подчинения центра. Мы ответили Горбачеву, что то, что мы делаем, не противоречит ни нашей конституции, ни союзной, и поэтому не разделяем его точку зрения и будем продолжать борьбу.

Можете назвать это конфликтом, если хотите, но мне ясно одно: центр не может смириться с нашей независимой национальной политикой и систематически напоминает нам о своем диктате то приказами, то распоряжениями, которые мы не выполняем.

Мы должны быть готовы к тому, чтобы в любое время в знак неподчинения центру осуществить по всей Грузии национальное неповиновение. Наша власть является непримиримой оппозицией по отношению к центру. Это наш путь, и мы с него не сойдем.

— Значит, теперь КГБ Грузии не подчиняется КГБ СССР?

— Да, эти связи прерваны. Можно сказать, что мы разделились.

— Я хочу вновь вернуться к Союзному договору. Не подписав его, Грузия ведь порывает с СССР все связи — как политические, так и экономические?

— Экономические нет. Потому что экономические связи возможны со всеми государствами. У нас будут равноправные партнерские отношения с Россией, и с Узбекистаном, и с Арменией, и с Азербайджаном — со всеми.

Грузия располагает богатыми природными ресурсами, и мы можем выгодно торговать с заинтересованными сторонами. Незавидное экономическое положение Грузии — прямое следствие искусственной изоляции республики от остального мира, изоляции, в которой она оказалась не по своей воле. Но я уверен, что теперь положение изменится: мы обрели ту свободу, которая позволит Грузии иметь независимую экономику.

— Да, экономический кризис, охвативший страну, налицо и в Грузии. Я видел длинные очереди за молочными продуктами, пустые полки тбилисских магазинов, дороговизну рыночных рядов... Признаться, это так не к лицу всегда щедрому, обильному, хлебосольному Тбилиси. Говорю об этом не случайно: не опасаетесь ли вы, что с неподписанием Союзного договора экономическое положение республики еще более осложнится?..

— Есть ухудшения, конечно. Есть даже признаки блокады. Со стороны Москвы. Но мы стараемся принимать контрмеры. Что-то удается...

* * *

Сегодня Грузия решительно отказывается от Союзного договора. Правительство республики разрабатывает экстренные меры для обеспечения населения продуктами питания, топливом, товарами первой необходимости. Ничто не может так подорвать веру людей в новую власть, как нестабильное экономическое положение, перебои в снабжении, молочные, мясные и прочие гастрономические кризисы. Это здесь понимают и работают с полным напряжением. А пока — как вынужденная мера: в Грузии почти вдвое возросли цены на табак, чай, марочные коньяки... Видимо, список этот не окончательный.

* * *

— Каковы взаимоотношения нового руководства Грузии с Советской Армией? Судя по словам командующего войсками Закавказского военного округа генерал-полковника В. Патрикеева в его выступлении по грузинскому телевидению, в вашей республике — обстановка противопоставления армии и народа.

— Мы стараемся не обострять взаимоотношения с армией. Стремимся не дать повода для введения особого положения.

— А разве это возможно без предварительного согласования с республиканским парламентом?

— Президент СССР может вводить особое положение в республиках без какого-либо согласования с местным руководством. Но я почему-то думаю, что у нас до этого не дойдет.

— Вы хотите иметь свою национальную армию. Причем финансироваться она будет из бюджета Грузии, а кадры подготовят местные и иностранные специалисты. Так вы сказали в своем интервью одному американскому журналисту. Но если Грузия выходит из состава СССР, то и советские военспецы рано или поздно станут для вас иностранцами...

— Они и сейчас иностранцы.

— И все же, пригласите ли вы их для подготовки своих военных кадров?

— А почему бы и нет? Мы им сделали подобное предложение, и они гордятся этим. Но как это практически удастся, мы посмотрим.

— В Грузии может быть гражданская война?

— Пока признаков нет. Дальше — не знаю, смотря, как поведет себя центр. Но маловероятно...

— Звиад Константинович, возможно ли в Грузии возрождение монархизма?

— Конституционного монархизма, а не абсолютной монархии. При конституционной монархии действуют парламент, кабинет министров и так далее.

— А сталинизма?

— Нет.

— Но ведь в республике есть общество «Сталин»?

— Ну и что? Грузия сполна отведала все «прелести» сталинского режима, и возврата к тоталитаризму не будет. У Сталина в республике не так много почитателей, как порой это преподносится прессой. Общество «Сталин», о котором вы упомянули, даже не участвовало в выборах в Верховный Совет Грузии — оно было исключено из списка партий, допущенных к борьбе за мандаты парламента.

— Отчего, на ваш взгляд, многие демократические лидеры республик, провозгласивших суверенитет, лидеры стран Восточной Европы, избравших новую ориентацию, являются представителями гуманитарных наук?

— Неожиданный вопрос! Пожалуй, я объясню это так: в странах советского блока моральную целостность, приверженность общечеловеческим ценностям смогли сохранить гуманитарии. Народ им больше доверяет, считает авторитетом. Народу надоели продавшиеся государству люди, не имеющие индивидуальности, не обладающие моральной силой. Он желает реальных защитников своих интересов и находит их в среде гуманитариев. Это может звучать обидно для технократов, но это так.

— Поговорим немножко о вас. Много ли телеграмм поступило в ваш адрес после избрания Председателем ВС Грузии?

— Много.

— А Шеварднадзе поздравлял?

— Да, поздравил, но не знаю, сколь искренним было его поздравление.

— Опыт последних лет показывает, что лидеры оппозиции, придя к власти, несколько смягчают свой митинговый радикализм. Как поступите вы?

— Я думаю, что менять свою политику мне ни к чему. Она будет продолжаться в том же духе. А в некоторых случаях даже будет ужесточаться.

— Вас что, совершенно не волнует ваш политический имидж? Скажу откровенно, у меня создается впечатление, что в тех или иных своих интервью вы будто специально наживаете себе славу жесткого, непримиримого политика?

— Я просто остаюсь верен интересам своего народа. Простите за высокопарный стиль... А жесткость, да и все прочие характеристики, порой весьма нелестные, которые мне приписываются, для меня ровным счетом не имеют никакого значения.

— Вас упрекают также в излишней суровости к журналистам.

— Ну, не ко всем... Неправильная интерпретация высказываний политика, особенно в наши дни, может иметь неожиданные, даже катастрофические последствия. С недоброкачественной и недобросовестной журналистикой столкнулся и я. Рисковать более не хочется.

— Вы переводили на грузинский Шекспира и Т. С. Элиота. Наверное, теперь с этой стороной вашей деятельности надолго покончено?

— Трудно сказать. У нас сейчас тяжелые времена: работать приходится с раннего утра и до часу ночи.

Я недавно думал о том, что самое трудное на пути к независимости и подлинному суверенитету — это, наверное, не разработка новых законов и даже не создание собственной армии... Путь к подлинной независимости, на мой взгляд, должен начинаться с реставрации национального духа, национального характера, с возрождения чувства национальной гордости, национального достоинства, во многом утерянных. Это, пожалуй, труднее, чем решение многих политических и экономических вопросов. Можно сказать и так: без этого вообще нельзя решить ни одну большую политическую или экономическую задачу.

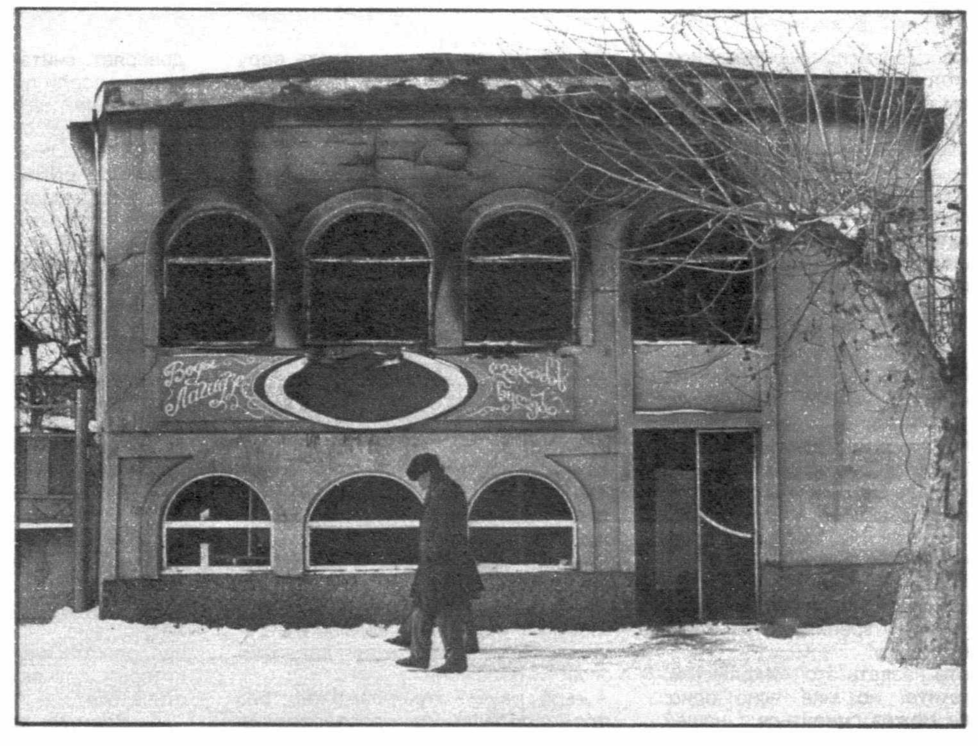
— Звиад Константинович, критиков у вас, слава Богу, хватает. Но я знаю, что самым большим авторитетом для вас был и остается ваш отец — Константин Гамсахурдиа, большой мыслитель и большой писатель. Скажите откровенно, он бы одобрил ваши взгляды и вашу борьбу?

— Да, он был моим духовным отцом. Мне кажется, я ни в чем не отошел от заветов моего отца, ничем не оскорбил его памяти. Он бы одобрил мои действия.

ТБИЛИСИ.

К МАТЕРИАЛУ НА СТР. 4—5, 30—31.

А В ЭТО ВРЕМЯ...

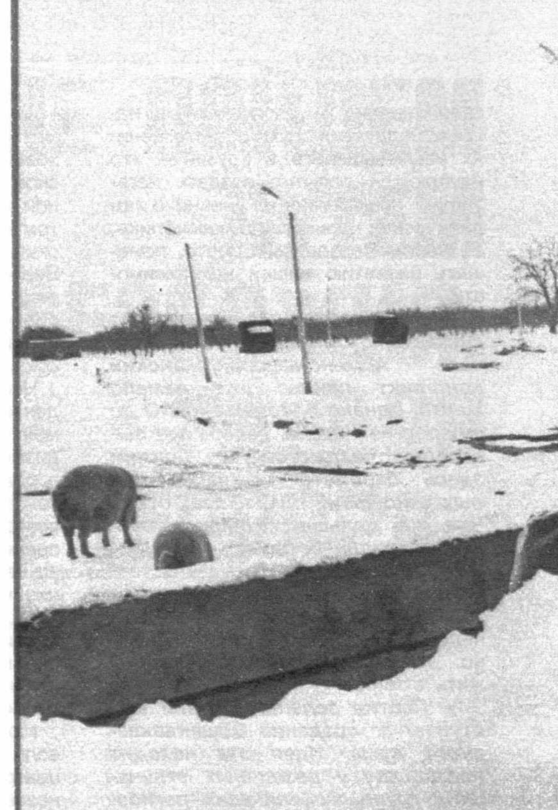

Фото Марка ШТЕЙНБОКА

В Южной Осетии люди скоро перестанут бояться смерти...

В Цхинвали в январе погибло много людей. Молодых хоронили почти всегда вместе: в школьном дворе. Вот их имена: старшина милиции Григорий Кочиев, который погиб от рук своих же грузинских коллег, беспартийный Инал Тасоев, талантливый инженер Станислав Багиаев и такой же молодой Мурат Габоев. Это первые жертвы январских кровавых событий. Но, увы, по мере нарастания стрельбы список быстро увеличился...

Негативно влияет на обстановку присутствие в Цхинвали и некоторых населенных пунктах региона членов незаконных вооруженных формирований, которых, по некоторым данным, насчитывается до 500 человек...

«Комсомольская правда», 31 января 1991 г.

■

...11 января Совет Министров Грузии принял решение о закрытии газеты «Молодежь Грузии» и объединении ее редакции с редакцией правительственного официоза — газеты «Заря Востока»...

По словам заведующего отделом информации «Молодежи Грузии» Михаила Елигулашвили, вечером 29 января в редакцию поступили сведения о давлении на издательство «Самшобло» со стороны Совмина Грузии, требующего немедленного выселения редакции из занимаемых ею помещений и конфискации типографского оборудования.

Как заявил Елигулашвили корреспонденту «НГ», никто не сомневается, что удар по «Молодежи Грузии» исходит от Звиада Гамсахурдиа. Тем не менее, заявил Елигулашвили, журналистам Грузии все еще хотелось бы верить, что Звиад Гамсахурдиа не является сторонником авторитарного подавления инакомыслия.

«Независимая газета», 31 января 1991 г.

■

Верховный Совет Грузии приостановил действие на территории этой республики Указа Президента СССР от 29 января 1991 года «О взаимодействии милиции и подразделений Вооруженных Сил СССР при обеспечении правопорядка и борьбе с преступностью».

Министерству внутренних дел Республики Грузия поручено «не допускать участия сотрудников национальной милиции в патрулировании совместно с военнослужащими Советской Армии.

«Правда», 2 февраля 1991 г.

■

Первый зам. председателя облисполкома Южной Осетии Евгения Цзагоева рассказывает о терроре, начавшемся с вводом трех тысяч милиционеров в Цхинвали. Разгромлен узел связи, осквернен Вечный огонь, избиты люди, отправившиеся к грузинской стороне для переговоров о похоронах погибших. В магазинах только хлеб, но и его мало: муку доставляют под прикрытием бронемашин...

Накануне поездки в Южную Осетию мы были в Тбилиси на митинге солидарности с народом Литвы. Председатель Верховного Совета Звиад Гамсахурдиа выступал на площади, где установлена траурная цифра «9», напоминающая о пролитой здесь в апреле 1989-го крови, о трагедии Грузии — нашей трагедии. Он говорил, что весь Кавказ объединится, если Кремль посягнет на свободу народа. И о том, что будут физически уничтожены все, кто рискнет, как в Прибалтике, выступить против воли народа.

Многие осетины приняли угрозу расправы на свой счет.

«Мегаполис-Экспресс», 31 января 1991 г.

■

Журналистским «спецназом» названы здесь корреспонденты ведущих союзных средств массовой информации. Газеты Грузии обвинили их в тенденциозности при освещении событий в Южной Осетии.

Председатель Верховного Совета Грузии Звиад Гамсахурдиа заявил на пресс-конференции, транслировавшейся в субботу по республиканскому телевидению, что в случае подтверждения фактов тенденциозности и необъективности собственных корреспондентов центральных изданий в республике, в частности ТАСС, может быть поставлен вопрос об объявлении таких журналистов «персона нон грата».

«Советская Россия», 5 февраля 1991 г.

■

Обстановка в городе Цхинвали и в целом по Южной Осетии сохраняется чрезвычайно на-

пряженной. Уже четвертые сутки, как прекращена подача электроэнергии в город и районы области. Практически исчерпаны запасы продуктов первой необходимости...

Население укрепляет баррикады на улицах и въездах в Цхинвали, опасаясь ввода сил грузинской милиции и незаконных вооруженных формирований. Продолжаются нападения боевиков на села Знаурского и Цхинвальского районов области. Под угрозой физической расправы жителей заставляют покидать дома, угоняют скот.

По данным пресс-центра, в областной больнице Цхинвали зарегистрировано свыше 180 пострадавших, из них свыше 80 человек — с огнестрельными ранениями, число погибших осетинской национальности составляет более 20 человек, 47 находятся в качестве заложников у боевиков, есть пропавшие без вести.

«Правда», 6 февраля 1991 г.

■

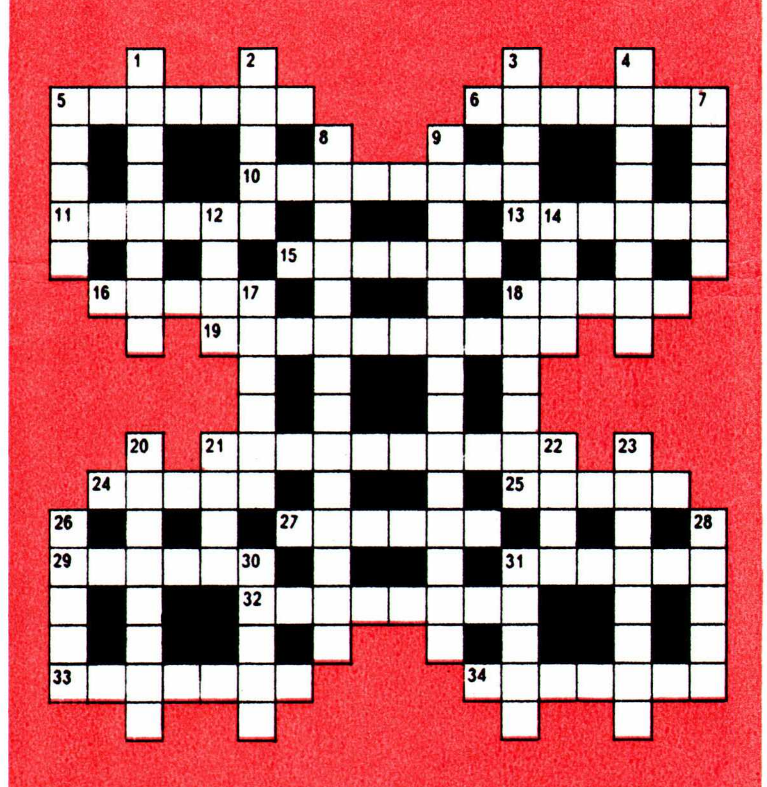
...Из-за отсутствия электроэнергии и перебоев в газоснабжении в Цхинвали ощущается острая нехватка хлебопродуктов. По-прежнему нет связи с городом, районными центрами и селами Знаурского, Цхинвальского, Ленингорского, Джавского районов. По свидетельству беженцев, не прекращаются налеты вооруженных грузинских боевиков на мирное население этих сел...

До сих пор ничего не известно о судьбе председателя Совета народных депутатов Южной Осетии Т. Кулумбегова, которого в Цхинвали во время мирных переговоров задержали сотрудники МВД Грузии.

«Правда», 8 февраля 1991 г.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Морское судно. 6. Действующее лицо в опере В. А. Моцарта «Свадьба Фигаро». 10. Выразительные средства музыки. 11. Путь движения планеты, космического корабля. 13. Северное околополюсное созвездие. 15. Духовой музыкальный инструмент. 16. Землеройная машина. 18. Насекомое, перерабатывающее цветочные соки в мед. 19. Лесная птица. 21. Советский легкоатлет, чемпион Олимпийских игр 1960 года в беге. 24. Единица количества электрического заряда. 25. Опера А. Г. Рубинштейна. 27. Озеро в Восточной Сибири. 29. Комната в больнице. 31. Катушка для намотки магнитной ленты в звукозаписи. 32. Искусство резьбы на драгоценных камнях. 33. Народный писатель Белоруссии, Герой Социалистического Труда. 34. Химическое соединение, содержащее водород.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Украинский духовой музыкальный инструмент. 2. Порт в Приморском крае. 3. Документ, распоряжение на выполнение определенной работы. 4. Наименьшая частица вещества. 5. Переходящий приз в спортивных состязаниях. 7. Промысловая пресноводная рыба. 8. Крупное изменение к лучшему. 9. Периодическая проверка наличия материальных ценностей. 12. Стихотворение В. В. Маяковского. 14. Публичное выступление. 17. Персонаж «Сказки о царе Салтане» А. С. Пушкина. 18. Планета. 20. Второй экземпляр документа. 21. Боковая стенка судна. 22. Право, предусмотренное Уставом ООН. 23. Человек, владеющий многими языками. 26. Специалист, изучающий свойства света. 28. Мягкая плотная ворсистая ткань. 30. Декоративное тропическое растение. 31. Химический элемент, металл.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 8

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 6. Тригонометрия. 9. Пойнтер. 10. Мелодия. 11. Анапа. 14. Аквариум. 16. Дрисвяты. 17. Палеонтология. 20. Веласкес. 22. Аникушин. 25. Шемая. 27. Челеста. 28. Сеченов. 29. Крашенинников.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Уреньга. 2. Кобра. 3. Горбач. 4. Ферма. 5. Тихонов. 7. Софокл. 8. Цитата. 12. Ливенка. 13. Житомир. 15. «Манас». 16. Диона. 18. Персей. 19. Цитрон. 21. Аллегро. 23. Углерод. 24. Омоним. 25. Шабер. 26. Ясень.

«Восток — дело тонкое!» — говаривал красноармеец Федор Сухов, имея в виду своеобразие, непознаваемость, загадочность огромного азиатского континента.

ЕСЛИ ВЫ ХОТИТЕ БЛИЖЕ ПОЗНАКОМИТЬСЯ С ИСТОКАМИ АЗИАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СОВРЕМЕННЫМИ ЕЕ ТЕНДЕНЦИЯМИ, С ТРАДИЦИЕЙ И НОВЫМИ ПУТЯМИ РАЗВИТИЯ ВОСТОКА, ВАС ПРИГЛАШАЕТ 2-й МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНКУРС ПОПУЛЯРНОЙ МУЗЫКИ И ПЕСНИ «ГОЛОС АЗИИ» — «АЗИЯ ДАУЫСЫ»,

который состоится 28 июля — 4 августа в Алма-Ате.

«АЗИЯ ДАУЫСЫ» — это неповторимая в своей современной красоте музыка древнего Востока

«АЗИЯ ДАУЫСЫ» — это участники и гости конкурса, продюсеры, менеджеры, журналисты со всего мира, и в первую очередь с азиатского континента

«АЗИЯ ДАУЫСЫ» — это реклама мирового распространения для всех желающих

Во время конкурса вы сможете:

- отведать блюда национальных кухонь стран Азии,
- увидеть лучшие образцы моды Востока,
- принять участие в аукционах шедевров традиционного прикладного искусства и в суперлотерее,
- отдохнуть на природе среди гор со снежными вершинами и голубых озер.

ДЕЛОВЫЕ КОНТАКТЫ С МИРОМ БИЗНЕСА, ПРИОРИТЕТНЫЙ ИНТЕРЕС КОТОРОГО ОРИЕНТИРОВАН НА АЗИЮ, РАБОТА БИЗНЕС-КЛУБА «АЗИЯ-КОНТАКТ» — ЭТО ТОЖЕ «АЗИЯ ДАУЫСЫ».

Учредителями конкурса стали: Алма-Атинский горисполком и Гостелерадио Казахстана, а также газета «Комсомольская правда» и Главная редакция музыкального радиовещания Всесоюзного радио. Всю интересующую вас информацию вы получите по телефонам:

объединенной дирекции в Алма-Ате (бизнес и деловые предложения) (83272) 61-81-28 и

артистической дирекции (творческие предложения, участие в конкурсе) (83272) 62-66-08; 62-69-76. ФАКС: 63-66-34 «Голос Азии».

1 руб. Индекс 70663